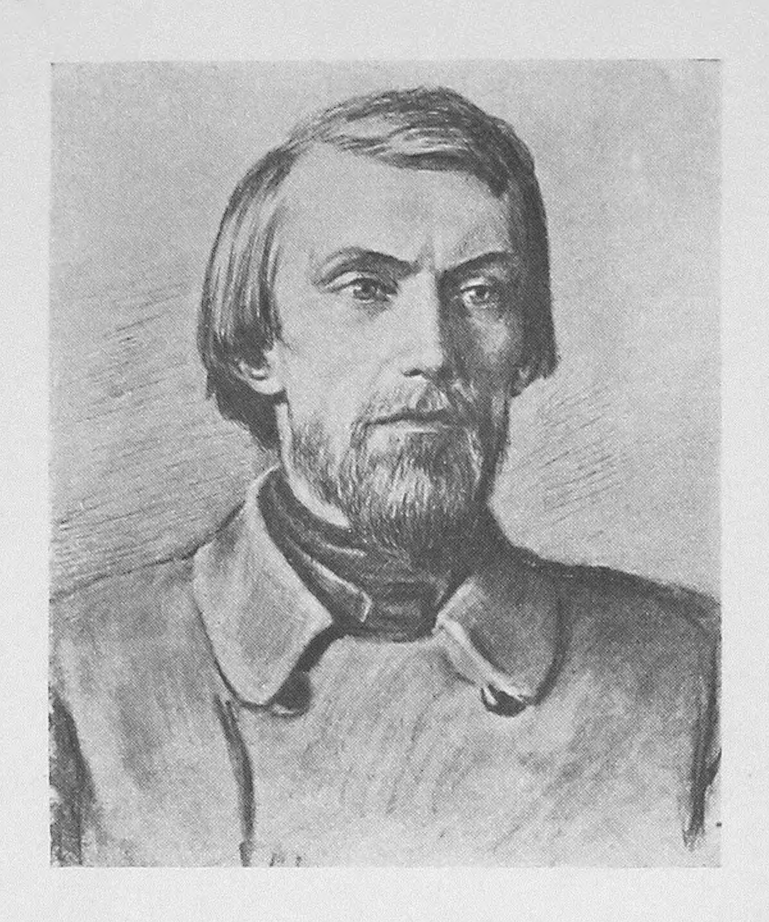
В. Г. БЕЛИНСКИЙ

ПЕНЗЕНСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

В. Бѣлинскій

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ И
ДОКУМЕНТОВ К БИОГРАФИИ
ВЕЛИКОГО КРИТИКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. Н. Л. БРОДСКОГО

ПЕНЗЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

СТАТЬИ

Ф. ДВОРЯНОВ

«НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН»

«Я—в мире борец».
В. Г. Белинский

Минуло сто лет со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского—великого мыслителя, революционного демократа, основоположника русской литературной критики.

С законной гордостью и достоинством мы повторяем слова нашего гениального вождя и учителя товарища Сталина, назвавшего великую русскую нацию нацией Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..

Имя Белинского всегда произносили с уважением и любовью народы нашей великой страны. Время не отдалило от нас светлый образ «Неистового Виссариона». Народу, сбросившему ярмо царизма и капиталистической эксплоатации, построившему социалистическое общество, стал ещё ближе и дороже образ славного русского гражданина, одного из первых пламенных борцов за освобождение нашей родины.

Громаду лет—целое столетие—прорвал мужественный голос великого провидца, обращённый к далёким потомкам-соотечественникам:

— Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году—стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества.

Надо было знать Россию, любить русский народ, безгранично верить в его богатырские силы, чтобы так смело и безошибочно предсказать на целое столетие судьбу своей

родины. Глубокая вера в русский народ помогла Белинскому стать провозвестником светлого будущего России.

Внуки и правнуки «Неистового Виссариона» первыми в истории человеческого общества построили социализм, показав пример для всех народов мира. Под руководством партии большевиков, партии Ленина—Сталина, Россия превратилась в могучую мировую державу, стоящую в авангарде человечества. Свободные, счастливые народы СССР, превратившие в реальность вековую мечту трудящегося человечества, высоко держат знамя коммунизма, увлекая вперёд—к свободе и счастью весь прогрессивный мир. В мировоззрении коммунистов—диалектическом и историческом материализме, к которому шёл и замечательный предшественник русской социал-демократии Белинский, черпает силы всё прогрессивное человечество, наступая на реакцию.

Образ Виссариона Белинского—неистового борца против всего реакционного, особенно близок и дорог нам сегодня, когда свершается суд истории над обречённым капитализмом. «Неистовый Виссарион»—поборник демократии и прогресса выступает на этом процессе суровым обвинителем империализма. Движение за мир, за демократию, за прогресс возглавляет народ, подаривший миру великого революционного демократа В. Г. Белинского. Сбылась мечта великого провидца—его родина, ставшая во главе прогрессивных сил мира, по достоинству принимает дань уважения от всего просвещённого человечества.

В. Г. Белинский был и будет вечно живым примером непримиримой борьбы с реакцией, беззаветного служения делу освобождения человечества. Вот почему день памяти В. Г. Белинского советский народ отмечает как праздник передовой русской культуры, как торжество прогресса над реакцией.

1.

«Страшное время». Так определил В. Г. Белинский эпоху, в которую прошла его недолгая жизнь. Самодержавно-крепостнический строй тормозил экономическое и общественное развитие России, задавил страну самым невиданным диким гнётом. Царь и помещики-крепостники душили, вытаптывали всё живое, тянувшееся к свободе, к свету. «Непроглядно мрачным пятном на страницах нашей истории лежит трагическая эпоха 30—40-х годов прошлого столетия»—писал в статье о Белинском великий народный трибун С. М. Киров.

Над царём Николаем «Палкиным», которого Энгельс очень метко определил, как «самодовольную посредственность с кругозором ротного командира», всё время витал призрак повешенных декабристов, он страшился бесчисленных

крестьянских бунтов и не прекращающегося национально-освободительного движения на окраинах страны. Безжалостный узурпатор опутал страну полицейско-бюрократическим аппаратом и предоставил роль первой скрипки начальнику сыскного «Третьего отделения», безграничная власть которого распространялась на все «неблагонадёжные» участки жизни государства, в том числе и на литературу. Более того, царизм выступал в роли международного жандарма, душителя революционного движения народов Европы.

Самые мрачные времена из истории своей страны, которым Белинский стал свидетелем, великий критик мог сравнить лишь с американской действительностью, которая, кстати говоря, с тех пор изменилась только к худшему. Кому не памятны его слова в знаменитом «Письме к Гоголю» о том, что Россия тех времён «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек».

Пензенская губерния, где протекли детские и юношеские годы Белинского, в «стране рабов, стране господ» не составляла исключения, около 1500 помещиков-крепостников полновластно хозяйничали в губернии. Иные безвыездно жили в насиженных дворянских гнёздах, самолично правили поместьями и чинили расправу над крепостными рабами. Другие прожигали жизнь в больших городах, оставляя свои вотчины на попечение управляющих. Последние драли с крепостного раба двойную шкуру, стараясь и свою выгоду соблюсти, и барское хозяйство не уронить.

Юный Белинский—сын чембарского уездного лекаря был невольным очевидцем бесчеловечной эксплоатации крестьян. Ещё мальчиком насмотрелся он, как самодуры-помещики типа Кугушева, Мосолова, Богданова тиранили крепостных, глумились над человеческой личностью, не находили для них иного имени, кроме унизительных кличек да презрительного окрика: «Эй, ты, неумытое рыло!». Видел он, как на конюшне пороли безвинных, как продавали людей, навеки разбивая семьи. Вот она, проклятая такса «страшного времени»: цена взрослого мужчины—120 рублей, девушки-невесты—80, мальчика до 15 лет—20, до 5 лет—10 рублей, цена девочек в том же возрасте вдвое дешевле.

Великая ненависть к этому «ужасному зрелищу» родилась в юном сердце, она зрела год от года и, наконец, нашла выход в хлёсткой, обличительной драме «Дмитрий Калинин», осуждающей крепостнический строй. По поводу первой пробы пера автор драмы писал родителям в Чембар в январе 1831 года: «Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много

наделает шуму. Вы в нём увидите многие лица, довольно вам известные».

Рос он не по летам развитым, наблюдательным и впечатлительным. Как сообщают биографы, первые уроки письма и чтения получил он от местной учительницы Цыпровской, а отец—лекарь, дал понятие о латинском языке.

Чембарское уездное училище—типичное для «страшного времени»—влачило жалкое существование. Весь педагогический штат его на первых порах состоял из одного смотрителя А. Г. Грекова, который преподавал своим питомцам все науки. Виссарион Белинский выделялся среди школьных товарищей своими способностями и прилежанием к науке. Писатель И. И. Лажечников, которому по роду службы довелось инспектировать чембарское училище в 1823 году, вспоминает, что экзаменуемый им двенадцатилетний Белинский «отвечал, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казённом руководстве». Лажечников признаётся, что «старался сбить его», но «мальчик вышел из трудного испытания с торжеством».

Читая беспристрастные воспоминания живых свидетелей тех времён, нетрудно найти объяснение метаморфозе, которая якобы произошла с Белинским позднее. Как вещают официальные документы, он не проявлял усердия к науке и был исключён из списков пензенской гимназии «за нехождением» в классы, а позднее—из университета «за неспособность к слушанию ординарных лекций».

Так ли это было? Люди, знавшие юного Белинского, хотя они были и далеки от политики, далеки от того, чтобы «сметь свои суждения иметь» о современном им политическом строе, уличают во лжи авторов этих документов. Вместе с тем они проливают свет на состояние самого просвещения, на уровень самой официальной науки, того «казённого руководства», о котором пишет И. И. Лажечников.

Воспоминания учителя пензенской гимназии М. М. Попова убедительно говорят о том, что страсть к знаниям в Белинском всегда была жива, но официальная наука пришлась не по душе ему, когда он был ещё в самом юном возрасте. «Многое он понимал сам, своим пылким умом, ещё больше в нём набиралось сведений из книг, которые он читал вне гимназии. Бывало поэкзаменуйте его, как обыкновенно экзаменуют детей,—он из последних, а поговорите с ним дома, по-дружески, даже о точных науках — он первый ученик».

Любопытно будет отметить такой факт, что гимназиста Белинского упрекали в нерадении к урокам русской словесности и в то же время, те же преподаватели считали, что он

писал сочинения лучше всех своих товарищей и даже получал награды за похвальные успехи. Отношение к нему было несправедливым. В связи с этим невольно вспоминается случай, который имел место с другим нашим земляком, страстным почитателем Белинского, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Будучи уже маститым писателем, он, любопытства ради, написал вместо дочери заданное ей сочинение и получил за него от преподавателя гимназии... тройку. Можно предположить, как себя чувствовал в атмосфере академической казёнщины юный Белинский с его пылкой натурой, пытливой любознательностью, рано развившимися способностями.

Белинский имел основание считать себя никому не обязанным в тех знаниях, которые он приобрёл. Путь в университет он пробивал сам. Родители могли дать ему лишь самое скромное содержание для первых лет учёбы в Пензенской гимназии, а дальше он был целиком предоставлен собственной заботе. В двери Московского университета он стучался, не имея ничьей поддержки. И когда был принят в университет, с удовлетворением писал родителям в Чембар:

«Тем более меня радует и восхищает принятие в университет, что я оным обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе».

На жизнь он имел самостоятельный взгляд, противоположный тому, который внушала казённая школа с её послушническим воспитанием. Когда речь заходила о самом заветном, чему Белинский затем посвятил свою яркую жизнь, ему и авторитет родителей не был законом. «Вы... увещеваете меня,—пишет он в одном из писем к родителям,—ходить по церквам... Вы хотите из меня сделать благочестивого, странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счёта нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься...» Белинский намеревался посвятить себя науке, полностью использовать возможность, которая ему предоставилась.

Но первые восторги своим студенческим положением прошли быстро. Житьё на «казённом коште», вечные попреки и придирки начальства становились невыносимыми. Белинский не мог смириться с положением бурсака, в которое поставило университетское начальство студентов, живших на казённый счёт. С кем поделиться ему мыслями о своём отчаянном положении? И опять летит весточка в родной Чембар: «Я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в чембарском земском суде, нежели жить на этом каторжном, проклятом казённом коште. Если бы я прежде знал, каков он, то лучше бы согласился

наняться к кому-нибудь в лакеи, и чищением сапог, платья содержать себя, нежели жить в нём».

Академическая затхлость, духовное насилие, попирание личности, с чем никогда не могла примириться вольнолюбивая, протестующая натура Белинского, дополнялись нестерпимо плохим материальным положением. Горькой иронией проникнуто одно из писем Белинского к родителям, где он сообщает, что долго не мог сходить к одной из родственниц за целковым, который с ней переслали из Чембара, по «одному небольшому обстоятельству, а именно неимением платья, не только приличного, но и никакого». Можно понять «каторжные» условия жизни студента Белинского, если учесть, что судьбою он не был избалован, к лишениям привык ещё в пензенский период своей жизни.

Жизненные невзгоды делали Белинского ещё более восприимчивым ко всему, что его окружало. Жизнь была для него великой школой, которая давала для размышления больше пищи, чем лекции казённых профессоров. Если в захолустном Чембаре он непосредственно наблюдал, как крепостники-помещики тиранят крестьян, то в сановной Москве его взору предстали во всём блеске «огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Закрыть глаза на всё это, пассивно глотать академические пилюли и заботиться только о личном благополучии Белинский не мог. Университетский курс ему давался легко. Чего греха таить, он чувствовал себя в силе, чтобы заменить на кафедре любого из тех, кто надел профессорский колпак, ибо лучше них знал русскую литературу. Но он искал и не находил ответа на более важные вопросы, на вопросы, поставленные самой жизнью.

И вот он ищет поддержку у товарищей по университету. Ведь и у них есть потребность поделиться своими взглядами на жизнь. Одиннадцатый номер студенческого общежития, где живёт Белинский, превращается в своего рода литературный клуб. Здесь молодые люди спорили по вопросам литературы, искусства, философии. Здесь читали запрещённые стихи Пушкина, Рылеева. Здесь Белинский на протяжении нескольких вечеров впервые читает свою «крамольную» трагедию «Дмитрий Калинин».

Эта трагедия, признанная цензурой «безнравственной, бесчестящей», и послужила истинной причиной изгнания Белинского из университета. Сам автор трагедии отлично понимал, почему университетское начальство решило избавиться от беспокойного студента, и сетовал лишь на то, что оно не проявило должного уважения к его долговременной болезни.

Что касалось «ограниченности способностей» Белинского, то начальство могло утешить этим только себя...

Университетские товарищи считали исключение Белинского расправой над ним, они знали, что ему угрожали Сибирью. Ещё не подозревая «в нём знаменитого критика,—как позднее вспоминали они,—мы почитали его одним из самых умных и даровитых студентов и в исключении его видели вопиющую несправедливость».

«Неистовый Виссарион» воспринял этот удар, как боец, которому бросили открытый вызов. Не уклонился он от удара и не опустил гордую голову. Поднял её выше, принял вызов и так гордым, непокорённым зашагал по жизни. Вот памятная запись того времени, сделанная его рукой: «Я нигде и никогда не пропаду... Не только не жалуюсь на мои несчастья, но ещё радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастья есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня».

Да, он имел основание радоваться, ибо последний удар судьбы, наконец, развязал ему руки для иных, более значимых дел. Он знал цену себе, и если официальная наука пренебрегла им, то тем хуже для этой науки. Что толку в том «казённом руководстве», которым усердно потчевали студентов, если он уже прошёл университет жизни, изведал на собственном опыте режим огромной крепостнической казармы. В нём всё протестовало против этого режима, и он решил поступить так, как подсказывала совесть—он восстал против порядков, противных человеческому достоинству.

Он знал, что ему делать. Он стал страстным, неистовым, гневным обличителем проклятого самодержавно-крепостнического строя и провозвестником великого светлого будущего родной Руси. Пусть князь П. А. Вяземский называет его литературным бунтовщиком, «который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах». Почётное название. Нет выше счастья для бойца, чем сознание того, что он нашёл своё место в великой борьбе.

2.

В. Г. Белинский был великим патриотом. Горячая любовь к отчизне, к своему народу, ненависть к самодержавно-крепостническому строю, который сковал по рукам и ногам свободолюбивый народ, сделали Белинского пламенным борцом за освобождение родины.

Он всегда гордился своей принадлежностью к великой русской нации и использовал всякую возможность, чтобы подчеркнуть свою любовь к родине, воспитать благородные патриотические чувства в русских писателях и читателях. «Я душевно люблю русский народ,—писал он,—и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе». И далее: «Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь». Нет ни одной журнальной статьи или письма,

вышедших из-под пера Белинского, в которых бы он в какой-то мере не коснулся русской темы, русского человека. Любил он напомнить о героическом прошлом русского народа, помечтать о великих судьбах, которые уготованы выдающейся русской нации всем ходом исторического развития общества.

Имея право быть в обиде на собственную судьбу, которая при жизни была к нему так жестока, он всегда себя чувствовал полным сил, ибо никогда не отождествлял великое слово Русь с господствовавшим в его время политическим строем. Он был счастлив, как может быть счастлив боец, твёрдо веривший, что ненавистный строй рухнет и народ сам станет хозяином своей судьбы, хозяином русской земли, «земли юной и мощной, кипящей умами и талантами».

Он находил в своём народе все те драгоценные качества, которые отличают действительно великую нацию, призванную «сказать миру своё слово, свою мысль». Русский человек одарён неистощимой изобретательностью ума, природной сметкой, трезвым, практическим подходом к решению жизненных проблем. «Русский народ,—по выражению Белинского,—богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается и необыкновенною сметливостью, смышлённостью, практической деятельностью ума, остроумием, аналитическою силою рассудка».

По достоинству оценивая нацию, к которой Белинский считал за счастье принадлежать, он со всей страстью истинно русского человека обрушивался на тех, кто пренебрегал своей великой нацией и слепо пресмыкался перед всем иностранным. Не культурой, а самым явным невежеством за версту несло от этих подражателей всему «европейскому потому только, что оно не азиатское». У них, охочих до иноземного, «всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность». В том и видел значение русской культуры замечательный знаток её В. Г. Белинский, что она развивалась самостоятельно, была самобытной и оригинальной, никогда и никому не подражала.

Это, конечно, не значит, что мы строили свою культуру, отгораживаясь от культуры, создаваемой всем человечеством, такое чувство чуждо русскому человеку. Но мы создали культуру, имеющую свою собственную народную физиономию и народный характер, мы внесли в общечеловеческую культуру такой вклад, который признан всем миром. Тем более переполнялось протестом русское сердце «Неистового Виссариона», когда некоторые пустодумы, далёкие от своего народа, не хотели понять эту истину. Тот бесценный вклад, который сделал наш народ в сокровищницу мировой культуры, понимание великих исторических судеб своего народа позволяли Белинскому с гордостью заявить: «Мы, Русские,—

наследники целого мира, не только европейской жизни, и наследники по праву. Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть Русскими...» Великий критик подчёркивал, что такое понимание роли русской науки в мировой истории не является ни ложным патриотизмом, ни ограниченным пристрастием, а лишь «законным стремлением сознать себя».

В то же время Белинский осуждал таких квазипатриотов, которые только кичились своим патриотизмом, но на самом деле не понимали сущности русской культуры и ничего не предпринимали для того, чтобы двигать её вперёд. Его полемика со славянофилами и с теми, кто целиком разделяли официальную идеологию царизма: «православие, самодержавие, народность», переросла рамки обычной литературной дискуссии. В противовес их реакционным взглядам Белинский величие своей родины и самобытной культуры её народа видел не в лаптях и армяках, не в сивухе и куриных избах, не в безграмотности народа и лихоимстве судов, которые, по определению критика, «вышли не из духа и крови нации, но из неблагоприятного исторического развития». Предметом восхищения и вдохновения каждого русского человека должна быть история великой русской нации. Она, эта история, проявилась в великих властителях и государственных людях, подобных Ивану Грозному и Петру Великому; в великих полководцах, подобных Александру Невскому, Александру Суворову, Михаилу Кутузову; в великих учёных, подобных Ломоносову, соединившему в себе все знания; в великих поэтах, подобных Пушкину, которого «даже по сознанию самих иностранцев, смело можно противопоставить любому поэту всех народов и всех веков». Именно в этой всесторонности и универсальности видел Белинский величие своей родины, своего народа, народа воинственного, промышленного, торгового, общественного, народа—поэта, философа, артиста, учёного.

Он высоко ценил в русском народе его храбрость, готовность к самопожертвованию ради независимости отечества. «Храбрость есть неотъемлемое свойство русских»,—говорил он. Никто из предшественников Белинского не оценил с такой научной обоснованностью значение преобразований, подобных тем, которые произвёл Пётр Великий. Обстоятельства не позволили Белинскому закончить монументальный историко-литературный труд о петровской эпохе, над которым он урывками работал долгое время. Но и из того, что дошло до нас, можно судить, как верно определил он деяния народа в те памятные годы. «Громами Полтавской битвы,—писал Белинский,—Россия возвестила всему миру о своём приобщении к европейской жизни, о своём вступлении на поприще всемирно-исторического существования». Не

учёные-книжники, кичившиеся своей учёностью, но знавшие российскую историю только по книжкам иностранных авторов, а «недоучка» Белинский дал подлинно научную оценку войны 1812 года. Он увидел в ней справедливую народную войну, войну не за приобретение провинций, а за независимость России, за спасение Европы и всего мира от господства Наполеона. И каждый раз Белинский не замедлит напомнить о великих судьбах своего народа: «Много можно надеяться от народа, который повалил в бездну тяготеющий над царствами кумир, и кровью своею искупил свободу, честь, спокойствие Европы».

Он высоко ценил русское народное творчество и не находил другого, равного ему по силе эстетического воздействия. Наш первый фольклорист, знавший наизусть лучшие произведения устного народного творчества, находил историческое оправдание тому, что многие русские песни были грустными. Заслуга русского человека в том, что он «не расплывается в грусти, не падает под её томительным бременем... Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой». Призывая писателей не отступать от русской истории, от русской темы, он побуждал чаще обращаться к сокровищнице, таящейся в памяти народной, учиться языку у народа. «Употреблять иностранное слово,—говорил он,—когда есть равносильное ему русское слово—значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус». Великий наставник наших литераторов требовал, чтобы они, работая над своими произведениями, никогда не забывали, что они русские, «русские не по одному рождению, а по духу, по складу ума, по форме чувства».

Более чем сто лет отделяют нас от того времени, когда основоположник русской литературной критики В. Г. Белинский провозгласил принцип патриотизма одним из главных принципов в русской литературе. Все передовые писатели России, для которых литературно-критическое творчество самого Белинского было великой школой литературного мастерства, оставались верны этому принципу. Патриотизм—первое требование, которое предъявляет и в наши дни советский читатель к творчеству литераторов социалистического отечества.

Патриотизм Белинский рассматривал не как славословие, а как активную, действенную силу, способствующую преобразованию родины. Патриотами называли себя и славянофилы, но они не только не содействовали развитию своего народа, а тащили Русь назад, к допетровским временам. Настоящий патриотизм Белинский видел в другом: «Любить свою родину значит—пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому». Вся жизнь самого Белинского, жизнь патриота, трибуна, борца—пример беззаветного служения народу,

его движению вперёд. Белинский твёрдо знал главный закон диалектики—человечество никогда не может остановиться в своём развитии. Вперёд, всегда вперёд!—вот о чём он мечтал для своей родины и чему споспешествовал всеми силами своей пламенной, одарённой натуры.

Каким знанием жизни надо было обладать, каким чувством должно быть согрето сердце, чтобы сквозь непроглядный мрак, окутавший Россию в 30—40-х годах прошлого столетия, видеть образ своей родины в сиянии мировой славы. «Необъятны пространства России,—восклицал он,—велики её юные силы, беспредельна её мощь—и дух замирает в трепетном восторге от предощущения её великого назначения». И это назначение он видел в том, что Россия унаследует «все элементы всемирно-исторического развития», примет в себя «все элементы не только европейской, но мировой жизни». Могучий, талантливый русский народ сбросит оковы крепостничества и, свободный от насилия, собственными руками, сделает свою страну светочем прогресса. Великий русский народ он считал законным «наследником целого мира».

Жизнь подтвердила заветную мечту великого провидца. Богатырскими шагами идёт наша свободная и счастливая родина по пути прогресса. У неё подлинно русский размах, который по самой природе свойственен русскому народу. Прав был Белинский, гениально угадав темпы нашего времени: «На Руси всё растёт не по годам, а по часам, и пять лет для неё—почти век». Мы в пятилетие пробегаем расстояние, на которое другим странам в условиях капитализма потребовались десятки и сотни лет. Поколение Ленина и Сталина сделало Россию светочем прогресса и цивилизации. В ней видят все народы свою славу и свою надежду в борьбе за торжество дела коммунизма во всём мире.

3.

В. Г. Белинский был великим революционным демократом. Он не мыслил себя вне борьбы за светлое будущее своего отечества. «Жизнь есть действование, а действование есть борьба»,—писал он. И он боролся, не щадя сил, не заботясь о личном благополучии, забывая о том, что жестокая болезнь грозит сломить его в любую минуту. Глубокие чувства, хорошие мысли о патриотизме для него не были пустым звуком, он всегда оставался верным правилу, которое сформулировал сам: «патриотизм доказывается не словами, а делами». Весь смысл своего существования он видел в борьбе за общественное переустройство России.

В. И. Ленин различал в общественном движении России три поколения: поколение дворянских революционеров, яркими

представителями которого являются декабристы и Герцен; революционеры-разночинцы, ведущие своё начало от Белинского, и, наконец, поколение пролетарских революционеров. Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов, по определению В. И. Ленина, являются славными предшественниками русской социал-демократии.

В первой половине XIX столетия перед Россией неумолимо встала проблема экономического и общественного переустройства. Весь ход событий толкал её на путь капиталистического развития, но крепостничество опутало тяжёлыми оковами могучее тело страны. Именно в этот период вступает в борьбу Белинский и становится властителем дум всех передовых людей своего времени, вождём общественного движения в России.

Для него было ясно, что основным тормозом на пути общественного и экономического развития страны, главным врагом русского народа являются самодержавие и крепостничество. Вопреки тем, кто пытался навязать мысль об особых путях развития России, кто нападал на великие преобразования Петра и звал Русь назад—к «старым, добрым», допетровским временам, Белинский убедительно доказывал, что «внутренний процесс гражданского развития в России начнётся не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию».

Этот глубоко-научный, последовательный вывод явился результатом глубокого анализа общественной жизни, он как бы подводит итог тем наблюдениям, которые вынес Белинский из жизни.

Ярым противником крепостного строя он стал ещё в юности. Устами героя своей первой антикрепостнической драмы он требует ответа у «сильных мира» на вопросы, поставленные жизнью: «Кто дал это гибельное право—одним людям порабощать своей властью волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище—свободу? Кто позволил им ругаться над правами природы и человечества?».

Известно, какой ответ получил автор драмы на эти вопросы. Но разве могли сатрапы царизма сделать его покорным! Эти вопросы жгли его сердце и тогда, когда он был ещё юношей, и тогда, когда стал зрелым революционером, на всю жизнь они лишили его покоя, подымали в нём ярость против угнетателей.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости он не мыслил себе без наделения их землёй. К различного рода комиссиям, которые время от времени создавались монархами и работали над «улучшением» крепостнической системы, Белинский относился скептически. Ничего разумного от таких

«защитников» крестьянства ожидать было нельзя, ничего не могли они высидеть, кроме замены «однохвостного кнута трёххвостною плетью».

Считая переход к капиталистическим формам хозяйства неизбежным и необходимым, Белинский не идеализировал капитализм. Он отлично представлял себе, что строй «торгаша, алтынника, спекулянта, разжившегося всеми неправдами, откупщика» ещё не решит общественного вопроса, а лишь заменит одну форму рабства другой его формой. Это его перу принадлежит убийственная характеристика капитализма, который «свирепее зверя, неумолимее смерти, он пользуется всеми средствами: детей заставляет гибнуть в работе на себя, прижимает пролетария страхом голодной смерти..., снимает за долг рубище с нищего...»

Его выводы о сущности капитализма явились результатом личных наблюдений: буржуазные порядки он воочию видел во время посещения Германии и Франции, где проходил курс лечения. Здесь, в Европе, он понял «ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат».

Он отдавал себе отчёт в том, что капитализм, сменяя феодальные формы хозяйства, несёт с собой технический прогресс, подъём производительных сил. Но понимал он и то, что, кроме новых форм хозяйства, капитализм несёт новые формы эксплоатации и духовного насилия. Зло и нещадно великий революционный демократ высмеивал болтовню о свободе и равенстве в условиях капитализма, разоблачал основы плутократической буржуазной избирательной системы, продажную деятельность «парламентских мерзавцев». «Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник берёт с этой платы 99 процентов на сто... Хорошо равенство!». Из этих наблюдений Белинский делает логический вывод: «Не годится государству быть в руках капиталистов...»

Белинский был горячим сторонником социализма. Правда, до научного понимания социализма он не дошёл—он находился во власти утопических идей, но горячо верил в неминуемый приход общества, в котором «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди...» Увлечённый учением французских утопистов-социалистов, он признаётся, что «идея социализма стала для меня идеею идей, бытиём бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Всё из неё, для неё и в ней. Она вопрос и решение вопроса».

Однако было бы неправильно считать Белинского учеником французских социалистов или их подражателем. Одно

уже то, что он отвергал возможность мирного пути для перехода к новому общественному строю, свидетельствует о превосходстве великого русского социалиста-утописта. Критикуя иллюзорные представления французов о путях построения общества на социалистических началах, великий революционер-демократ писал: «смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

Это говорит Белинский, порвав с идеализмом, не находя никакого оправдания для существования «неразумной действительности», признавая неизбежным насильственное свержение монархии и установление демократической республики. «Нет, не должно быть монархов»,—восклицает он, а сторонникам мирного пути разрешения общественного вопроса отвечает: «Что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина — хорошая вещь!».

В насильственном перевороте, в социальной революции видел Белинский путь к освобождению личности, к раскрепощению России. Это, конечно, не значит, что Белинский был вполне сформировавшимся материалистом и распространял законы материалистической диалектики на явления общественной жизни. Он не смог определить ни характера революции, о которой страстно мечтал, ни движущих сил её. Подобно другим предшественникам научного коммунизма он видел в пролетариате только страдающий класс, а не класс, который примет на себя заботу о судьбах общества и принесёт освобождение всему человечеству. К Белинскому с полным основанием можно адресовать слова одного из основоположников научного коммунизма Ф. Энгельса о том, что «незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории».

Он был великим борцом против самодержавно-крепостнического строя, за освобождение и прогресс России. Его идеи унаследовали великие революционные демократы Чернышевский и Добролюбов, которые продолжали будить Россию, звали Русь к топору, всей своей неутомимой, благородной и бесстрашной деятельностью подготовляли почву для распространения в России идей научного коммунизма. Семена, посеянные Марксом и Энгельсом, нашли на просторах России благодатную, плодородную почву. Под мудрым руководством партии Ленина — Сталина наш народ уже осуществил вековые чаяния человечества о социализме.

4.

В. Г. Белинский был великим мыслителем, философом-материалистом. Подобно Герцену, своему современнику и

соратнику, он вплотную подошёл к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

Буржуазные учёные тщётно пытались доказать, что в России никогда не было философов. Учёные филистёры—приказчики буржуазии—остались одни со своим мнением, а русская философия жила и здравствовала, вопреки тем, кто её не желал замечать и признавать. Им, буржуазным учёным Запада, было невдомёк, что глубокими философскими мыслями проникнуто не только всё творчество таких великих революционных деятелей, как Белинский, но философия жила в богатейшем народном творчестве, в делах таких государственных мужей, как Иван Грозный и Пётр Великий, или общественных деятелей, подобных Ивану Пересветову.

Из «птенцов» Петра Великого сложилась плеяда таких известных просветителей, какими были Посошков, поэт Кантемир, историк Татищев. И, наконец, кто из философов-материалистов прошлого может сравниться по силе изложения и по глубине обобщения естественно-научных опытов и исторических явлений с корифеем науки М. В. Ломоносовым и первым русским революционером, земляком Белинского—Александром Радищевым!

Русская философия, и особенно у такого яркого её представителя, каким был Белинский, имеет свои особенности, свой характер. В этом её достоинство. Слепым подражанием западным образцам русские деятели никогда не отличались. Они имели свой самостоятельный, оригинальный взгляд и в вопросах мировоззрения. Не в пример немецкой схоластической философии, которая жила «эфиром чистого мышления», русские философы занимались разработкой общественно-политических вопросов. Русская философия всегда носила боевой, наступательный характер и особенно в произведениях Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Русская философия, начиная с Радищева, своим источником имела освободительное, революционное движение в стране, её всегда отличала политическая заострённость, отсутствие схоластики, стремление к разрешению жизненных проблем. Мы не привыкли измерять значение философов количеством их статей по философским вопросам. Пусть в том великом литературном наследстве, которое оставил Белинский своему народу, не встречаются названия, прямо говорящие, что журнальная статья специально посвящена той или иной философской проблеме. Но разве дело в названии? Резонно будет спросить у тех, кто не признавал существование русской философии и считал, что у Белинского нет специальных трудов по философии—какая из его статей не является философской? Все статьи Белинского, будь то по вопросам литературы, искусства,

истории, педагогики или рецензия на книгу «Способ по распространению шелководства», и, наконец, вся его личная переписка — проникнуты глубокой философской мыслью, философией действенной борьбы за лучшее будущее человеческого общества.

Белинский не сразу стал материалистом. Он прошёл сложный путь исканий, догадок, разочарований, прежде чем обрёл истину, определил свой взгляд на мир, на общественную жизнь. Он начал с идеализма и, убедившись в узости его понятий, ничтожестве его выводов, закономерно пришёл к материализму.

Увлечение идеализмом нельзя назвать коротким периодом в жизни «Неистового Виссариона», если учесть, что и век-то его был весьма недолгим. До сороковых годов он всё ещё находился под влиянием идеализма, но зато потом сколько разящих, уничтожающих ударов нанёс он тем, чьи теории мешали ему разобраться в истинном положении вещей, видеть жизнь такой, какой она была. Страшно ему было вспомнить, как мог он, мятежный, на какое-то время поверить, что жизненная буря пройдёт мимо него, что удаление от действительной жизни будет способствовать расцвету его духа.

Молодой Белинский, увлекаясь философией Гегеля, однако, не отдаётся целиком влиянию гегелевского объективного идеализма, он сохраняет по многим вопросам самостоятельное мнение.

Уже в 1839 году он начинает прозревать, что учение Гегеля находится в разладе с жизнью, что примирить их невозможно. Жизнь есть жизнь, она движется по законам, которые, по выражению В. И. Ленина, Гегель не открыл, а лишь гениально угадал их, но догадка не стала знанием. И Белинский признаётся, что его «дух утомился отвлечённостью и жаждал сближения с действительностью». Но действительность оборачивалась против Гегеля. Всегда прямой, честный Белинский находит в себе мужество открыто признать ошибку, отречься от прошлого: «От моей молодости вижу только дым фантазий, который ест мне глаза и затрудняет дыхание...» А в одном из писем говорит без обиняков: «Проклинаю моё гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью!.. Боже мой, страшно подумать, что со мной было—горячка или помешательство ума—я словно выздоравливающий...»

Наученный горьким опытом, он уже ничего не принимает на веру, ему «хочется знать досконально». Не в философии идеи, а в философии жизни черпает теперь он материал для своих гениальных обобщений по вопросам литературы, искусства и общественного устройства. Он считает своим долгом

исправить те неправильные суждения об отдельных писателях (Мицкевиче, Грибоедове), которые в своё время были им высказаны. Сводя счёты со своими заблуждениями, Белинский со всей страстью борца обрушивается на ненавистный строй, в котором «всё человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание,... где Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою помощию доносов и живут припеваючи... Нет, да отсохнет язык, который заикнётся оправдывать всё это,—и если мой отсохнет—жаловаться не буду... Чёрт знает, как подумаешь, какими зигзагами совершалось моё развитие, ценою каких ужасных заблуждений купил я истину, и какую горькую истину...» Эта исповедь Белинского, проснувшегося после «страшного сна», относится к 1840 году, когда он уже нещадно критиковал Гегеля и его идеалистических собратьев, предостерегал молодёжь от соблазна упиться философией «чистого духа», от преклонения перед философским колпаком Егора Фёдоровича, как иронически называл он Гегеля.

Белинский высоко ценил материалистические взгляды Фейербаха, но сам пошёл дальше этого философа. Известно, что Фейербах рассматривал человека только как биологическое неизменное существо, его метафизический метод не мог удовлетворить Белинского-диалектика, который считал человека сыном общества и определённой эпохи, оказывающей на него своё влияние. Не мог примириться Белинский с пассивным, созерцательным характером материализма Фейербаха, хотя и почитал правильным решение основного вопроса философии—об отношении бытия к сознанию.

Белинский был знаком с некоторыми статьями Карла Маркса и в письмах весьма лестно отзывался о них. Однако ближе познакомиться с произведениями основоположников научного коммунизма, создателями диалектического и исторического материализма ему помешала смерть, которая унесла его из жизни в самом расцвете творческих сил и духовной зрелости. Он многое не успел сделать, хотя трудно найти такую область общественных наук, где бы он не оставил следа, свежей, оригинальной мысли.

Не сумев до конца овладеть диалектическим материализмом, распространить материализм на область общественных явлений, Белинский всё же был страстным проповедником идей социализма, одним из замечательных предшественников русской социал-демократии. Белинского, его соратников и последователей имел в виду великий вождь, создатель нашей большевистской партии и отец нашего государства В. И. Ленин, когда говорил:

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

«Великий искатель» В. Г. Белинский вложил свою долю труда и громадного таланта, чтобы помочь своей родине, своему народу стать в первых рядах просвещённого человечества.

5.

В. Г. Белинский был великим литературным критиком и публицистом. Открыто высказать свои мировоззренческие взгляды и политические убеждения он имел возможность только в письмах к друзьям. По вопросам литературы, искусства он в какой-то мере, весьма осторожно, мог выступать в печати. «Кнутобойная, калмыцкая цензура», стоявшая на страже самодержавно - крепостнического строя, видела «крамолу» в каждом живом слове литератора и бессовестно кромсала рукописи авторов, бывших на подозрении у знаменитого «Третьего отделения».

Но можно ли было отбить у Белинского охоту писать о родной русской литературе, если в этом он видел своё призвание, высокую цель и средство борьбы с ненавистным строем. «Пока в душе останется хоть искорка,—читаем мы в одном из его писем,—а в руках держится перо,—я действую... Мы живём в страшное время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить... Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «О(течественных) з(аписок)». Я литератор—говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь...»

Историческая заслуга В. Г. Белинского состоит прежде всего в том, что он создал науку о литературе, создал историю литературы, он поднял литературную критику до высоты общественной критики. Он дал подлинно научное определение искусству и литературе, как мышлению в образах.

К оценке творчества того или иного писателя он подходил с общественных позиций, в выводах был строг и самостоятелен, не в его натуре было «хитрить» и «говорить вполовину». Развращённые вкусы избранного общества, воспитанного на побрякушках придворных пиитов и чужестранных романистов, вызывали в нём только иронию. Пламенным словом критика-трибуна он приветствовал рождение национальной русской литературы, отражающей интересы общества, а не пресыщенные вкусы придворной знати.

Уже в первых литературно-критических статьях «Литературные мечтания», которые печатались в сентябре—октябре 1834 года, Белинский зло высмеивает литераторов типа Кукольника, Булгарина, Греча, которые пресмыкались перед царём и его окружением, услаждая их вкусы литературными безделушками. Вместе с тем он прославляет Пушкина, «поэта русского по преимуществу, Пушкина, в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веяние жизни русской».

Автор «Литературных мечтаний» полон веры в великое будущее русской литературы, ибо новое поколение литераторов, подобных Пушкину, открыло для народа «тайну поэзии». Очарованный русским народным творчеством, считая его лучшим в мире, поэзией Пушкина, о которой «нельзя и говорить обыкновенным человеческим языком», Белинский в каждом своём выступлении с трибуны литературной критики призывает писателей обращаться к русским темам, решительно отвергая низкопоклонство перед иностранщиной. «Русская история,—внушал он писателям,—есть неистощимый источник для романиста и драматика; многие думают напротив, но это потому, что они не понимают русской жизни и меряют её немецким аршином».

Великий критик настойчиво воспитывал в писателях большое, благородное чувство любви к русской теме, к русским людям, считая патриотизм важнейшим принципом в понятии народности литературы. Патриотизм он расценивал естественным состоянием русского человека. «В полной и здоровой натуре,—писал он,—тяжело лежат на сердце судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаёт своё кровное родство, свои кровные связи с отечеством».

Назначение писателя Белинский видит прежде всего в исполнении им своего общественного, гражданского долга. Попытку «оторваться от общества и затвориться в себе» он называет «плохим убежищем». Писатель обязан быть деятельным членом общества, быть «гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, слить свои стремления с его стремлениями...»

Прививая писателям демократические, революционные традиции, Белинский требовал, чтобы они стояли ближе к жизни, не отрывались от современности. «Поэзия,—говорил он,—есть выражение жизни, или, лучше сказать, сама жизнь». Писатель обязан не только изображать действительность, но и высказать о ней своё мнение, вынести свой приговор, чтобы читатели видели в нём «не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству». Ту поэзию, которая своими корнями не была связана с действительностью, не бросала на неё свет, не объясняла её, великий критик называл делом от безделья, невинным, но пустым препровождением времени,

игрой в куклы и бирюльки, занятием пустых людей. Творчество истинно талантливого писателя должно быть тесно связано с историческим развитием общества, ибо писатель — сын общества, сын эпохи.

Вот почему великий критик в оценке творчества писателя выдвигал главным критерием содержание его произведений. Его интересует прежде всего тема произведения и отношение писателя к изображаемым событиям. «Будь повесть хоть расхудожественна,—пишет он,—да если в ней нет дела,—то я к ней совершенно равнодушен». Это был блестящий ответ поклонникам теории «чистого искусства», которые все достоинства произведения видели лишь в узеньком понятии «художественности», лишь в потрафлении «изящным» вкусам избранных. Основоположник русской литературной критики с презрением отверг теорию «чистого искусства», пришлую к нам с Запада, обнажив её антинаучный и антинародный характер. Русская литература и искусство, имеющие великие традиции и прекрасное будущее, должны были изгнать эту чужестранницу с русской почвы.

Писатель обязан реалистически воспроизводить жизнь, а не поправлять и не приукрашивать её, ибо «всё не верное действительности есть ложь и обличает не талант, а бездарность. Искусство есть выражение истины, и только одна действительность есть высочайшая истина». Вот почему великий критик с таким негодованием писал об окололитературных дельцах типа Булгарина, Греча, Сенковского и других, которые покупали благосклонность самодержца ценой извращения действительности. Ненависть к тем, кто «ради денег ковылял по просёлочным дорожкам жизни», была так велика, что Белинскому, как он признаётся в одном из писем, «хотелось бы быть их палачём».

Зная цену жизни, испытав на себе все жизненные невзгоды, которые в ту эпоху встречались на многотрудном пути литератора, юный Белинский, только ещё начавший литературную карьеру, приходит к выводу, что жизнь «не весёлое пиршество, не празднественное ликование, но поприще труда, борьбы, лишений и страданий». Писатель, не имеющий права грешить перед истиной, обязан показывать жизнь такой, как она есть. Поэт, который хочет заслужить признание народа, не может забывать о том, что «поэзия прежде всего есть жизнь, а потом уже искусство».

Реализм Белинский понимал, как отражение типических явлений общественной жизни, типических характеров, как художественное обобщение, «у истинного таланта,—говорил он,—каждое лицо—тип и каждый тип для читателя есть знакомый незнакомец». В этом отношении Белинский высоко ценил творчество Гоголя и противопоставлял его типическим

образам ходульных героев другого автора, которые «сбиты на одну колодку и отличаются друг от друга только именами».

Белинский требовал от писателей простоты изображения, предостерегал их от увлечения «одним огромным,... поражающим, эффектным, блестящим, ярким. Всё истинное и великое —просто и скромно». Считая простоту необходимым условием художественного произведения, он отрицал всякое внешнее украшение, всякую изысканность, в погоне за которой писатели иногда забывают, что только «простота есть красота истины».

Реализм не означает безразличное отношение художника к тому, что он изображает. Нейтральной литературы не существует. Реализм эпохи Пушкина—Белинского и их последователей получил определение в истории нашей литературы, как критический реализм. Являясь основоположником метода критического реализма в литературе, Белинский видел основную задачу литераторов своего времени в обличении социальной несправедливости и беспощадном отрицании самодержавно-крепостнического строя. Вот почему он с такой похвальной настойчивостью прививал нашей литературе и искусству социальные, демократические, революционные тенденции. «Общественные вопросы в наше время,—подчёркивал он,— сделались для всех интересами первой степени, стали во главе всех других вопросов».

Односторонняя направленность метода критического реализма в сторону критики и отрицания несправедливого социального строя не смущала Белинского. Он видел свою пользу, своё добро в этом методе и потому, что «привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придёт время, верно изображать и положительные явления жизни»... Изменится обстановка, рухнет несправедливый строй, возникнут новые отношения между людьми, естественно, претерпит изменения и сам метод критического реализма. О новых общественных отношениях, о новых людях нельзя уже будет писать по-старому, ибо человек—сын определённой эпохи, ибо «люди, по своей натуре, более хороши, нежели дурны, и не натура, а воспитание, нужда, общественная жизнь—делают их дурными». Таким образом, сформулировав черты метода критического реализма, Белинский отлично представлял себе его преходящий характер.

Создав науку о литературе, расшифровав понятие народности литературы — её патриотический, демократический, реалистический характер, Белинский требовал от писателей создавать такие произведения, которые бы возвышали и расширяли дух человека, воспитывали в нём качества гражданина-бойца, готового «на великодушную борьбу с невзгодами

и бурями жизни». Статьи и письма самого Белинского являли писателям пример такой бодрости, глубокой веры в великое будущее русского народа и родной русской литературы, которой «Неистовый Виссарион» отдал всего себя, «сделал её главным интересом своей жизни». Каждое его выступление по вопросам литературы и искусства пропагандировало основы новой эстетики, которые он провозгласил и отстаивал со всей страстью, неистовством своей огненной натуры учёного-трибуна. Глубокое знание мировой литературы, горячая любовь к родной русской литературе и понимание её задач позволили Белинскому стать учителем, наставником наших литераторов. К его трибуне собирались все передовые, прогрессивные деятели литературы и искусства, жадно прислушиваясь к авторитетному слову великого критика, ставшего совестью общества, признанным руководителем общественной мысли в России.

Не было в России другого человека, который бы так знал русскую литературу, так дорожил её успехами и так радовался появлению в ней нового таланта. Его многочисленные критические статьи в журналах, ежегодные обзоры русской литературы с их всегда глубоким историческим анализом—были лучшей школой для писателей и деятелей искусства, ибо никто не мог сравниться с Белинским по глубине обобщения и непогрешимому эстетическому чутью. Он открыл для нас истинное значение творчества Пушкина—гения русской поэзии, родоначальника новой русской литературы. Он раскрыл всю глубину творчества великого реалиста, поэта «жизни действительной»—Гоголя. Для него был великий праздник, когда «на Руси явилось новое могучее дарование—Лермонтов». Приветствуя своего великого земляка, он восклицает: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!». Он пропагандирует передовые идеи Герцена. С братской нежностью он относится к народному певцу Кольцову. Он анализирует творчество Фонвизина, Державина, Карамзина, Крылова, Грибоедова, Григоровича, Тургенева, Достоевского, Некрасова и многих других представителей русской и мировой литературы. Он выступает и как литературный критик и как историк литературы, дав её научный очерк, начиная со времён великого Ломоносова. Он выступает как фольклорист, являясь первым почитателем и знатоком устного народного творчества. Он пишет статьи по лингвистике. Он выступает и как театровед, увлекаясь театром «со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатления изящного». Он выступает как публицист, защищая передовых русских литераторов от нападок реакционных журналистов—Булгарина, Греча, Сенковского, Шевырева и других.

Совершенно исключительное место в истории русской публицистики занимает его знаменитое «Письмо к Гоголю», в котором Белинский подвергает уничтожающей критике самодержавно-крепостнический строй России. И хотя за чтение этого письма люди шли на эшафот, революционная молодёжь знала его наизусть. Высокую оценку этому изумительному документу, написанному кровью сердца «Неистового Виссариона», дал В. И. Ленин, сказав, что «знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

На принципах, которые прививал нашей литературе великий Белинский, воспиталось целое поколение русских писателей. Отношение передовых русских писателей к своему великому учителю хорошо выразил один из идейных наследников Белинского — Н. А. Добролюбов, чья великая могила на Волковом кладбище расположена рядом с могилой Белинского: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет её гордостью, её славой, её украшением».

Жизнь и деятельность Белинского—гениального литературного критика, философа-материалиста, великого патриота и революционного демократа составляет яркую страницу в истории общественного движения в России, в истории нашей великой родины.

* * *

Умер Виссарион Григорьевич Белинский 7 июня 1848 года—за несколько дней до того, как ему исполнилось бы тридцать семь лет. Умер он в самом расцвете своего могучего таланта.

Жизненные бури не прошли мимо него. Наоборот, боец по натуре, боец страстный, пламенный, неистовый, он бросался в самое пекло событий, отдавал всего себя борьбе за правое дело, не жалея ни сил, ни самой жизни.

Перед самой смертью, как вспоминают очевидцы, он поднялся с постели со сверкающими глазами, сделал несколько шагов по комнате и проговорил, прерываясь, волнуясь, несколько слов, обращённых к русскому народу. С самыми возвышенными мыслями о своём великом народе начал он жизнь, с этой мыслью он и сошёл в могилу.

Хоронили его на Волковом кладбище. Лишь немногие петербургские друзья провожали в последний путь замечательного гражданина земли русской. На средства друзей он

был и похоронен. Шли за гробом и несколько переодетых сыщиков: царизм не оставлял в покое даже мёртвого Белинского.

Царизм боялся и мёртвого Белинского. Имя его было запрещено упоминать в печати, за чтение его статей люди расплачивались каторжными работами. Но царизм не в силах был заковать в кандалы вольное, как ветер, разящее, как меч, слово Белинского. Оно шло по Руси и зажигало сердца людей любовью к «Неистовому Виссариону» и ненавистью к строю, который преждевременно оборвал жизнь великого борца.

Даже в страшные времена царизма русские люди старались отмечать каждую юбилейную дату, связанную с Белинским—всегда живой была любовь нашего народа к своему великому сыну. Но осуществить чествование памяти Белинского так, как он этого заслужил, не удавалось вплоть до Великого Октября. Сошлёмся хотя бы на один пример из истории нашего края.

В 1897 году, более чем за год до пятидесятилетия со дня смерти Белинского, директор Пензенской гимназии, где когда-то учился великий критик, обратился к попечителю учебного округа с прошением. Ходатайство было более чем скромным: разрешить панихиду и литературные чтения, вывесить портрет в актовом зале гимназии и, в случае возможности, поставить чугунную статую в сквере против гимназии на частные пожертвования.

Попечитель сообщил директору гимназии ответ статс-секретаря Победоносцева: панихиду не разрешать, так как оная «имела бы вид некоторой демонстрации, едва ли согласной с высочайшим повелением». Учащейся молодёжи было запрещено принимать какое бы то ни было участие в чествовании памяти Белинского, оставлено без последствия и ходатайство об учреждении музея имени Белинского, а также об открытии памятника. Скульптор М. Я. Каплан, работавший над проектом памятника, сообщил пензенскому городскому голове, что он отложил работу до «более благоугодного времени».

В стране Советов каждая памятная дата, связанная с Белинским и другими прогрессивными деятелями нашей родины, отмечается всенародно. Для проведения 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского создан Всесоюзный комитет, в который вошли выдающиеся политические и общественные деятели, виднейшие представители литературы, науки и искусства. Выпускается полное собрание сочинений и писем великого критика, его избранные сочинения, а также книги, художественные альбомы и фильмы о жизни

и творчестве Белинского. Учреждены премии и стипендии имени Белинского в высших учебных заведениях. В Москве и Ленинграде воздвигаются памятники В. Г. Белинскому, а в Пензе и Чембаре, где протекали годы его детства и юношества, устанавливаются бюсты великого критика.

В день юбилея в Москве, Ленинграде и других городах страны проводятся торжественные заседания, во всех школах, вузах, клубах, домах культуры, библиотеках, избах-читальнях ещё задолго до юбилея организуются доклады, лекции, литературные чтения, посвящённые В. Г. Белинскому. Всенародным почётом и уважением окружено в нашей стране незабвенное имя «Неистового Виссариона»—славного сына выдающейся русской нации.

Б. ПОЛЯКОВ.

ПРОБЛЕМА „ПРИРОДЫ" ЧЕЛОВЕКА В СОЦИОЛОГИИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

«В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел—и новые стези
Прокладывал, работая упорно...»

Н. А. Некрасов.

Великий искатель истины[1] В. Г. Белинский был не только страстным революционефом и блестящим публицистом, глубоким литературным критиком, оригинальным теоретиком литературы и искусства, вдумчивым философом, но и гениальным социологом своего времени.

В богатейшем духовном наследстве, оставленном нам предшественником русской социал-демократии—В. Г. Белинским, редкие произведения не затрагивают проблем философии истории, вокруг которых на новой основе и в других формах развёртывается и углубляется борьба прогрессивных и реакционных сил и в наше время.

Одна из этих проблем, связанная у В. Г. Белинского с борьбой за свободу людей и критикой западноевропейской буржуазной социологии, была проблема «сущности» человека, «природы» его.

Не считая «сущность» человека ни какой-то «непознаваемой вещью в себе», ни «божественной», В. Г. Белинский

---

[1] Так называл В. Г. Белинского С. М. Киров в статье, посвящённой 100-летию со дня рождения Белинского. В этой статье С. М. Киров писал о Белинском: «Истину назови мне!—взывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, сзывая всё живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» до предсмертных писем его всё проникнуто этим пылким исканием».

противопоставляет свои взгляды не только русским и иностранным теологам-богословам, но и не менее распространённым в Западной Европе его (да и нашего) времени взглядам английского философа Томаса Гоббса (1588—1674 г. г.). Последний считал, что человек по своей вечной и неизменной «сущности», по внутренней «природе»—волк, («волчья порода»), хищник, который, даже насытившись, «ненасытен». Человек человеку волк («Homo homini lupus est»). Он искал и «находил» неизменные черты «природы» человека, человека вообще, независимо от его места в той или иной системе общественных отношений на данном конкретно-историческом этапе. Отражая волчью буржуазную конкуренцию, Т. Гоббс приходил к выводу, целиком отвечавшему интересам агрессивной английской буржуазии: война—«естественное» состояние людей, она—«проявление сущности» человека. Omnia bellum contra omnes, т-е война всех со всеми—всеобщий и вечный «естественный закон» жизни общества—считал Т. Гоббс, пытаясь объяснить причины возникновения войн не социально-экономическими, классовыми факторами, а «природой» людей. «В природе человека... основные причины войны»,—утверждал он в «Левиафане...»[1] И далее, освящая несправедливые захватнические войны, он писал, что «состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нём ничто не может быть несправедливым».

Подобная по-буржуазному партийная апологетика несправедливых войн в английской социологии ещё второй половины XVII века служит одной цели—теоретически «обосновать» захват и порабощение «цивилизованной» белой (английской) буржуазией народов Индии, Африки и Азии.

В различных вариантах подобные теории получили впоследствии широкое распространение в буржуазной социологии Европы и Америки. И это обстоятельство отнюдь не случайно. Как в «социологии» Т. Гоббса, так и вслед за ним, например, в «трудах» английского же «социолога» Герберта Спенсера и других (Шпенглера, Ницше и неоницшеанцев)[2] нашла своё выражение буржуазно-юнкерская партийность философии и социологии, в частности, стремление обосновать «естественность» и «необходимость» захват-

[1] Т. Гоббс—«Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Соцэкгиз, стр. 114, 116 (Левиафан—образ библейского чудовища, под которым Т. Гоббс подразумевал сильное абсолютистско-монархистское государство.

[2] «Человеческое—слишком человеческое», и поэтому-де человеку «необходимы зло и ужасающие войны»,—писал непосредственный предшественник Гитлера и Муссолини—безумный Ф. Ницше, «труды» которого распространяются в странах империализма и в наши дни.

нических войн, замаскировать их действительную сущность и причину.

В противоположность «социологии» апологетов военно-колониального разбоя и грабежа его времени, русский мыслитель-демократ и гуманист В. Г. Белинский считал, что «...человек родится не на зло... не на преступление...» Он считал, что «инстинкты благородны» и—главное—что корень зла надо искать вовсе не там, где его искали и «нашли» западноевропейские социологи типа Т. Гоббса: не в природе человека, а вне её.

«Зло скрывается не в человеке, но в обществе...»,—нащупывая правильное направление и в постановке проблемы, и в путях решения её, формулирует В. Г. Белинский один из основных тезисов своего социологического credo в блестящем анализе сочинений А. Пушкина.[1]

Именно в силу того, что человеческие «общества ещё далеко не достигли своего идеала, неудивительно, что в них... видишь столько преступлений», — писал В. Г. Белинский.

«Анормальными явлениями общественной жизни» считал В. Г. Белинский не только антинародные войны, но и ужасное зрелище страны, в которой люди торгуют людьми, не имея на это и того «оправдания», которым, по выражению В. Г. Белинского в его знаменитом письме к Н. В. Гоголю, «лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек».

Причину подобных преступлений в обществе, по неразвёрнутому мнению В. Г. Белинского, нельзя искать в «природе» людей. Ряд положений общественной жизни «нельзя вывести из свойств человеческой природы»,—утверждал русский социолог в статье «Еврейские секты в России», написанной после знакомства с некоторыми трудами К. Маркса начала 40-х годов прошлого века.[2]

В этой статье В. Г. Белинский писал, что критика религиозного законодательства народов является «критикой общественного устройства...» (а не внутренней природы людей!). «В религиозном завете предстают ярко и выпукло те положения общественной жизни, с которыми люди никогда не могли примириться...»,—положения, «которых нельзя вывести из свойств человеческой природы...»[3]

[1] В. Белинский «Сочинения Александра Пушкина», статья 8-ая «Евгений Онегин».

[2] Статья «Еврейские секты в России» написана В. Г. Белинским после его знакомства с «Немецко-французским ежегодником», в котором были опубликованы статьи К. Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права». На полях журнала личные пометки В. Г. Белинского.

[3] В. Белинский, Избранные философские сочинения, М. Госполитиздат, 1941 г., стр. 455.

В качестве одного из доказательств несостоятельности учений о «врождённой низменности природной» сущности человека В. Г. Белинский выдвигает тот факт, что представления людей о законном и преступном, справедливом и несправедливом не остаются какими-то неизменными и вечными, какими они должны были бы быть, если допустить мысль о «врождённости», «вечности» тех или других черт биологической «природы» человека. Развивая мысль о том, что не у всех людей во все времена были и продолжают существовать одинаковые взгляды на «добро» и «зло», В. Г. Белинский отмечал: «считавшееся преступным в древнем мире считается законным в новом и наоборот».

К этому аргументу против теории «вечности» зла, происходящего якобы от пресловутой «природы» людей, В. Г. Белинский, пользуясь принципом «жизнь только в движении, в покое—смерть», возвращался неоднократно. Он доказывал, что в постановке и решении коренных проблем, объясняющих социальные явления, нельзя апеллировать к неизменным чертам человеческой натуры. Применяя диалектику и свои общесоциологические принципы к анализу русской литературы, В. Г. Белинский возвращается к этому аргументу, например, в своём литературно-критическом обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года». То, что является добром для одного века, писал он, часто бывают ложью и злом для другого.

Своими доводами Белинский разбивал абстрактные, внеисторические и потому метафизические рассуждения ряда западноевропейских и русских социологов о в е ч н о й природе человека, как основе сменяющих друг друга явлений человеческой истории, не вечных, а изменяющихся нравственно-этических и других представлений и понятий людей.

Кроме этого, В. Г. Белинский считал, что человек—«разумное существо» и руководствуется в своих поступках не столько голосом инстинкта (пресловутой «природой» своей), сколько разумом, находящимся под влиянием окружающих общественных условий, «обстоятельств».

Правда, «...ничего нет труднее, как показать, почему человек сделался тем, что он есть, а не сделался тем, чем бы ему, по теории нравственной философии, следовало быть»,—признавал В. Г. Белинский, не раскрывая глубокого содержания бытия и не доходя в своих исканиях основы человеческой истории до понимания роли имущественно-производственных отношений и развития производительных сил, т. е. до последовательно научного объяснения истории (исторического материализма). Хотя великий предшественник русской социал-демократии и не мог ответить на указанный вопрос, он сделал большой шаг от антропологизма в сторону

материализма и, главное, в переключении внимания не только мыслителей-исследователей, но всех мыслящих людей, народа его времени к критике **о б щ е с т в е н н о й с р е д ы**, в условиях которой находились массы порабощённых людей,—к критике крепостного «права».

В своей прямой и косвенной критике идеалистического «натурализма» европейских социологов с их несостоятельной попыткой объяснить исторические явления «природой» людей, в известном приближении к материалистической трактовке исторического процесса и в ряде догадок общего характера о том, что человек—существо социальное, В. Г. Белинский пользовался великим приобретением науки его времени—диалектическим методом.

Последний довольно отчётливо даёт себя чувствовать в том, что «сущность» человека, по В. Г. Белинскому, — вовсе не нечто неизменное и изолированное от общественной среды, как к ней подходили и её рассматривали социологи-метафизики во время и до В. Г. Белинского.

Одна из черт методологии В. Г. Белинского как социолога—глубокий для своего времени исторический подход к проблеме, включающий в себя рассматривание предмета исследования (в данном случае «сущности» человека) в изменении и развитии, не изолированно, а в причинной связи и взаимозависимости с общественной средой.

Эта методология помогла ему не только определить в самых общих чертах правильное направление в решении вопроса, но позволила подвергнуть критике грубый метафизически «натуралистический» исходный принцип западноевропейской буржуазной философии истории.

При этом В. Г. Белинский исходил из им же самим сформулированной мысли, что нам вовсе не нужно беспрестанно обращаться к Европе, что «пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское...» и что надо «всё европейское, в чём нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и всё азиатское, в чём нет человеческого».

Отвергая человеконенавистнические теории буржуазных социологов Запада и России, В. Г. Белинский не принимал и на первый взгляд диаметрально противоположную «философию человека» немецкого философа Л. Фейербаха, согласно которой человек (опять-таки человек «вообще», независимо от условий, времени и места) по своей «внутренней природе» (тоже вечной и неизменной!)—не волк, а любящее существо, и как таковое даже...—«бог человеку!» «Homo homini deus est» (Человек человеку—бог). „*Где нет любви, там нет и истины.* И только тот *чем-нибудь является, кто что-нибудь любит; ничего не любить* тождественно *с ничем*

не быть", — писал Л. Фейербах,[1] призывая тем самым не к борьбе, а к всеобщей любви и к примирению с социальной действительностью Германии XIX века.

В проповеди всеобщей примирительной любви «всех ко всем» нашла своё выражение буржуазная партийность немецкой философии начала XIX века. Эта партийность «философии любви» Л. Фейербаха объективно направлена была своим остриём против борьбы широких народных масс за своё социальное освобождение.

Не вскрывая классовых корней и глубокой партийной сущности «религии любви» в насквозь идеалистических этико-религиозных, социологических взглядах Л. Фейербаха, русский социолог не верит в эту христианско-ханжескую всеобщую любовь.

«Не верю я этой всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих», — читаем мы в одном из писем В. Г. Белинского к В. П. Боткину.

Любовь ко всем,—т. е. в том числе и к врагам трудящихся—капиталистам и помещикам, была чужда и враждебна «Неистовому Виссариону». В этом своём критическом отношении к «религии любви», как и во многом другом, он разделяет взгляды А. И. Герцена, бросившего по адресу философии любви свой вопрос: „*За что любить врагов?*"[2]

Врагов своего народа, как и врагов других народов, В. Г. Белинский учил *ненавидеть* и сам ненавидел всей своей «неистовой» душой, как только мог ненавидеть революционер и демократ.

Критическое отношение В. Г. Белинского к различным взглядам на человека можно охарактеризовать словами самого русского социолога: «Человек не зверь и не ангел».

* * *

В чём же, по В. Г. Белинскому, основа всего «человеческого»?

В противоположность метафизической по своей методологии и реакционной по своей социально-политической направленности «философии зла» Т. Гоббса и «философии любви» Л. Фейербаха, В. Г. Белинский искал ответ на вопрос о наиболее существенном и главном в людях в том, что, по его выражению, образует человека,—в обществе.

---

[1] Л. Фейербах. «Основы философии будущего». Соцэкгиз, 1936 г., стр. 79.

[2] А. Герцен. «С того берега». «Что за долг любить всех на свете»,—писал тут Герцен, выступая против «пустого», по его выражению, правила, призывавшего к всеобщей любви.—Да, есть ненависть в нашей любви,—указывал он.

Отсюда и вытекал основной, хотя и противоположный антропологизму, но далеко ещё не диалектико-материалистический принцип социологии В. Г. Белинского, который сформулирован им так: «Создаёт человека природа, но развивает и образует его общество».[1]

От общества человеку, по В. Г. Белинскому, «нигде не скрыться, никуда не уйти от него».

Не допуская мысли о возможности существования нормального человека вне общества, В. Г. Белинский считал, что «...усилие развиться самостоятельно, вне влияния общества, сообщает человеку какую-то странность, придаёт ему что-то уродливое...»

Отнюдь не рассматривая человека только как часть природы, что было свойственно «натуралистической» буржуазной социологии, В. Г. Белинский прямо утверждал, что человек—не животное, и что «если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни—он навсегда остался бы в животном состоянии».[2] В этом состоянии он, как известно, не остался, следовательно, делал вывод В. Г. Белинский, и подходить к человеку нужно не как к биологическому существу, обладающему теми или другими неизменными чертами его животной натуры, а как к существу общественному, представителю определённого «сословия».

Чтобы разгадать «тайну народной психеи»—душу народную,—В. Г. Белинский призывал быть верным действительности. Действительность же, по В. Г. Белинскому,—жизнь «разных сословий», т. е. нечто социальное.

В понимании «действительности» при анализе явлений человеческой истории В. Г. Белинский не исключал материальный фактор истории—развитие средств связи (например, железных дорог), материальных потребностей людей (но не способ производства).

«Историк,—отмечал В. Г. Белинский,—должен показать, что исходный пункт нравственного совершенствования есть прежде всего материальная потребность» и что она, как он выражался, не углубляя и научно не обосновывая этого своего определения,—«великий рычаг нравственной деятельности».[3] В другом месте В. Г. Белинский говорит о роли промышленности в человеческой истории, хотя научно обосновать эту свою догадку он был не в состоянии.

«...Я знаю,—говорит Белинский,—что промышленность—источник великих зол, но знаю, что она же—источник и

---

[1] В. Белинский. «Сочинения Александра Пушкина». Избр. философ. соч., стр. 250.

[2] В. Белинский. Сочинения, т. XII, стр. 463.

[3] В. Белинский. Сочинения, т. XII, стр. 266.

великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло во владычестве капитала, в его тирании над трудом».[1]

Вот в чём, в противоположность реакционной буржуазной «социологии» на Западе и в России, видел В. Г. Белинский одну из основ истории.

В ряде случаев В. Г. Белинский понимал не только роль промышленности в истории, но и буржуазии, историческую необходимость появления и такую же необходимость превращения буржуазии в реакционную силу и неизбежность её гибели (она—«последнее зло»!).

Буржуазия—явление не случайное, а вызванное историею,—писал В. Г. Белинский В. П. Боткину. Подходя к вопросу исторически, русский социолог считал, что буржуазия в борьбе и буржуазия торжествующая—не одна и та же.

Именно в силу того, что буржуазия стала реакционной силой, надо, по В. Г. Белинскому, нападать «на больших капиталистов... как на чуму и холеру»[2] и бороться за народную (крестьянскую) демократию и государство без капиталистов, которых он называл «сифилитической раной» на теле общества. Однако историческую роль социального антипода буржуазии—пролетариата В. Г. Белинский, оставшись на позициях утопического домарксовского социализма, не открыл и показать в связи с этим не мог. В своих неутомимых исканиях правильной «теории жизни» он дошёл только до понимания роли широких народных масс (крестьянства).

Народ—вот та историческая сила, которая, по взглядам русского революционера-демократа, может и должна революционным путём изменить социальный облик общества и, в частности, родной земли.

Народ не позволит, чтобы «...всякий резонёр, всякий мечтатель, всякий философ, всякий маленький великий человек стал бы обходиться с народом, как с лошадью, направляя его по воле своих прихотей и фантазий то в ту, то в другую сторону»,—говорил В. Г. Белинский, утверждая, что народ—«не утлая ладья», которую каждый может направить лёгким движением своего весла.

Он верил, что если народные массы ещё не решают все судьбы общества, то в будущем «судьбы общества зависят от них». «...Народ—дитя; но это дитя растёт и обещает сделаться мужем, полным силы и разума... Он ещё слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий

[1] В. Белинский. Письма, т. III, стр. 236.

[2] Там же, стр. 328. Так писал он о ставшей реакционной буржуазии Франции, имея в виду и буржуазию других стран

энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества»[1] (под «образованным» обществом В. Г. Белинский подразумевал образованных крепостников-помещиков).

Непоколебимая уверенность В. Г. Белинского-демократа в силе и могуществе «низших классов» дала себя отчётливо чувствовать, например, и в решении им одного из важных вопросов науки об обществе—вопроса о роли личности в истории.

Вот одно из положений решения этого вопроса русским диалектиком: «что в народе... живёт как возможность, то в гении является как осуществление, как действительность. Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые произвела она. Тут единство, а не разделение, не двойственность»,—писал В. Г. Белинский. При этом В. Г. Белинский исходил из того, сформулированного им в работе о русской народной поэзии, положения, что «всё особное и единичное, всякая индивидуальность действительно существует только общим, которое есть содержание и которого она только выражение и форма». Индивидуальность без общего, как и общее без индивидуального проявления, В. Г. Белинский называет «призраком».

* * *

Свой взгляд, в корне враждебный идеалистической субъективной социологии, В. Г. Белинский не оставляет в качестве какого-то абстрактного социологического принципа. Он применяет его к различным конкретным вопросам и применяет, надо сказать, в ряде случаев для своего времени блестяще и диалектически.

Так, анализируя творчество великого русского баснописца И. А. Крылова, русский социолог-критик писал, что «всякий человек, выражающий в искусстве жизнь народа..., есть явление великое потому, что он своею жизнью выражает жизнь миллионов».[2] Крылов принадлежит к числу таких людей. Он баснописец и поэт народный,—вот в чём его великость, вот за что издания его басен ещё при его жизни зашли за 30.000 экземпляров.

Руководствуясь указанным принципом, В. Г. Белинский подходил к оценке основных произведений и ряда других русских писателей, в том числе и Н. В. Гоголя. «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени»,—считал В. Г. Белинский. И народность, по его мнению, не достоинство, а

---

[1] В. Белинский. Соч. под ред. Венгерова, т. VIII, стр. 172.

[2] В. Белинский. Соч. т. III, стр. 389.

необходимое условие истинно-художественного произведения того или другого писателя и поэта.[1]

Критика В. Г. Белинским Н. В. Гоголя в знаменитом письме последнему связана с тем, что автор «Мёртвых душ» и «Ревизора» в издании им «Выбранных мест из переписки с друзьями» перестал выражать думы и чаяния, интересы и взгляды своего народа, перестал быть народным писателем. А писатель, по утверждению В. Г. Белинского,—вождь, защитник и спаситель «от русского самодержавия, православия и народности»,[2] т. е. личность, выражающая через посредство художественных образов определённые черты общественной идеолгии и интересов народа своего времени.

Эта черта взглядов В. Г. Белинского и его последователей не могла не наложить свой значительный отпечаток на все отрасли многогранной передовой русской духовной культуры и в том числе музыки классиков русской музыкальной школы, в частности членов знаменитого кружка, вошедшего в мировую историю музыкальной культуры под именем «могучей кучки». Именно о них—Мусоргском, Римском-Корсакове, как и о Глинке и Чайковском, тов. А. А. Жданов говорил в своём выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), что они «основу развития своего творчества видели в способности выразить в своих произведениях дух народа, его характер».

«Вспомните, как относились к запросам народа классики...»—призывал тов. А. А. Жданов советских композиторов и приводил замечательные слова Глинки относительно связи народа и художника. («Создаёт музыку народ, а мы, художники, только её аранжируем)».[3]

В глубокой идейно-теоретической основе взглядов В. Г. Белинского на роль личности в истории, в частности личности писателя и поэта, лежал уже указанный выше основной принцип его философии истории: создаёт человека природа, «но развивает и образует его общество».

Личность поэта, писал В. Г. Белинский, не есть что-то находящееся вне условий времени и места, «безусловное, особо стоящее, вне всяких влияний извне». Поэт как человек—гражданин своей земли, сын своего времени. Дух этого времени не может на него «действовать менее, чем на других». Разгадывая «тайну» содержания и характера творчества того или другого писателя или поэта, необходимо,

[1] В. Белинский. «О русской повести и повестях Гоголя».

[2] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947 г., стр. 618.

[3] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М. «Правда», 1948 г., стр. 137.

по образному выражению В. Г. Белинского, определить «градус широты и долготы того места пути, на котором застало поэта человечество в его историческом развитии».

Анализируя явления истории литературы, русский социолог-критик писал о том, что Шекспир сначала был поэтом „*старой весёлой* Англии», которая «вдруг сделалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движение имело сильное влияние на его (Шекспира—*Б. П.)* последние произведения, наложив на них отпечаток мрачной грусти. Из этого видно, что, родись он десятилетиями двумя позже..., характер его произведений был бы другим».

Ту же мысль высказывает В. Г. Белинский и о поэзии Мильтона—явном произведении его эпохи. Обобщая, он делает вывод: «Так сильно действует на поэзию историческое движение обществ».[1] И дальше, наряду с менее правильными положениями, пишет: «В наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов...»[2]

Говоря о поэте русском, В. Г. Белинский спрашивал: «Разве всякий поэт, прежде чем он человек, не есть русский, француз или немец?» И отвечал, что русский поэт родился в стране, где «морозы трескучи, вьюги страшны, лето знойно», что он «провёл лета своей юности среди общества... принадлежит к народу» и т. д. Не о роли таинственной «внутренней природы» человека говорил и думал русский критик-социолог, а о роли ряда внешних поэту-человеку обстоятельств (общественной и личной среды, традиций, фольклора, географических условий и т. д.).

В непосредственной логической связи с пониманием В. Г. Белинским-социологом роли общественного и частично географического факторов истории находилось и то важное обстоятельство, что он распространял это (правда, не развёрнутое им) понимание на ряд других, теоретически и практически актуальных проблем. В числе последних и проблема сущности и задач стиля (критического реализма) литературы, искусства, литературной критики, эстетики.

«Что такое искусство нашего времени»?—спрашивал В. Г. Белинский в одной из своих речей о критике. И лаконически определяя предмет искусства его времени, отвечал: «...анализ о б щ е с т в а, следовательно, критика».

В. Г. Белинский называл мёртвым художественное произведение, если оно изображает жизнь для того только, чтобы изображать жизнь, без всякого «субъективного побуждения», того побуждения, которое имеет начало не в диких инстинктах людей-животных и не в какой-то особой

---

[1] В. Б е л и н с к и й. Избранные философские сочинения, стр. 401

[2] В. Б е л и н с к и й. Избранные философские сочинения, стр. 402.

«натуре» данного автора или одних только личных особенностях характера и т. п., а в «преобладающей думе эпохи»

Художественное произведение, как и серьёзный глубокий критический разбор его, должны, по мнению В. Г. Белинского, включать в качестве обязательного компонента социально-важное, «вопрос или ответ на вопрос», которые ставятся и решаются данной исторической эпохой, а не вызываются «природой» отдельных людей.

Отсюда, в противоположность немецкой идеалистической эстетике (Канта, Шеллинга, Гегеля), и понимание В. Г. Белинским народности искусства и литературы, общественной функции и задач искусства, и, в частности, широко известная и актуальная мысль о том, что «отнимать у искусства право служить общественным интересам—значит не возвышать, а унижать его... делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев». [1]

Об этой черте мировоззрения В. Г. Белинского тов. А. А. Жданов говорил: «Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения». [2]

Идейно-теоретической основой, ставших традиционными для русского искусства XIX века, взглядов В. Г. Белинского являлось то положение, что литература в целом, как и творчество великого или выдающегося писателя и поэта, есть «последнее и высшее выражение мысли народа, выраженное в слове». В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинским отмечается общественный характер происхождения литературы. «Лаборатория литературы—общество с его интересами и жизнью» и задача литературы—не украшение жизни, а «воспроизведение действительности» и служение обществу через вынесение приговора ему. Потому не случайно достоинства комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» В. Г. Белинский усматривал впоследствии в том, что «это—благороднейшее гуманическое произведение, энергический (и при том ещё первый) протест против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников...» [3]

---

1 В. Белинский. Избр. соч. М. 1947, стр. 585.

2 А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», журнал «Большевик» №№ 17—18, 1946 г., стр. 12.

3 Письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 11 XII 1840 г. Избр. Соч. М. 1947, стр. 636

В связи с таким пониманием сущности и задач литературы находится и понимание В. Г. Белинским задач литературной критики. Истинная критика, писал он в «Объяснении на объяснение...», должна раскрыть пафос поэмы, который состоит «в противоречии общественных форм русской жизни», т. е. опять-таки не в натуре людей, а именно в общественных формах!

Глубокую классовую сущность социальных противоречий «общественных форм русской жизни», не став на позиции исторического материализма, В. Г. Белинский не вскрыл, но он глубоко и страстно верил в «золотой век» будущего всеобщего равенства, в идеалы утопического социализма. «...Я теперь в новой крайности,—это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей... альфою и омегою веры и знания... Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию», — говорил он в письме к В. П. Боткину (8 сентября 1841 г.). В этом письме В. Г. Белинский приходит к утверждению необходимости революционного переустройства общества,—«...с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это сделается через *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать её развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

В этих, как и многих других, высказываниях отчётливо даёт себя чувствовать мысль о том, что основное в постановке и решении социальных проблем, по В. Г. Белинскому, в социальном же, а не природном, в «социальности», в крестьянской социальной революции и общественном равенстве людей.

Смелая и беспощадная критика «Неистовым Виссарионом» ужасов социального рабства и насилия человека над человеком, его революционный демократизм и утопический социализм находились в логическом единстве с его общесоциологическим принципом. Решительное требование кардинально изменить не внутреннюю природу людей, не их «естественную» сущность, а «гнусную расейскую действительность» его времени, т. е. внешнюю социальную среду, было связано с его мыслью о роли общественного фактора в истории.

Исторически важное положение, выдвинутое В. Г. Белинским, заключается в том, что внимание должно быть направлено не на познание или критику «природы» человека и, следовательно, не на внутреннее самоусовершенствование

с девизом: «Счастье внутри нас» (при спокойном созерцании того, что делается в мире), а на «внешнее» (социальное), земное, «где есть и голод, и нужда и...»[1]

Эти положения легли в идейно-теоретическую основу передовой русской социологии (так называемой «нравственной философии», по определению Н. Г. Чернышевского) целого поколения передовых русских людей XIX века—второго поколения освободительного движения в России, революционеров-разночинцев во главе с последователем В. Г. Белинского—Н. Г. Чернышевским.

Развивая основной социологический принцип В. Г. Белинского и его критику западноевропейской натуралистической школы в социологии, Н. Г. Чернышевский считал, что затронутый «головоломный» вопрос буржуазных социологов Запада—«доброе или злое по своей «натуре» существо человек?» — не может решаться без учёта обстоятельств, вне связи с ними.

В своём «Антропологическом принципе в философии»—этом общетеоретическом манифесте революционно-разночинной интеллигенции 60-х годов XIX века, Н. Г. Чернышевский писал: «всё зависит от обстоятельств, отношений, учреждений»[2]

Продолжая в этом произведении традицию передовой русской общественной мысли, Н. Г. Чернышевский, как и его учитель В. Г. Белинский, обрушился на то «множество людей» на Западе, которое, по ироническому выражению Н. Г. Чернышевского, «потеет» над решением вопроса о человеке и, «потея», глубокомысленно решает: одна часть, что «человек по натуре добр», а другая часть, составляющая, по мнению Н. Г. Чернышевского, «почти половину потеющих», иначе: «человек по натуре зол».[3]

Углубляя и развивая мысль В. Г. Белинского о том, что по своей «природе» «человек не зверь и не ангел», Н. Г. Чернышевский писал, что «...при известных обстоятельствах человек становится добр, при других зол» и что «человеческой натуры нельзя... ни бранить за одно, ни хвалить за другое».[4]

Исходя из такого «антинатуралистического» направления мыслей В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, рассматривал русскую действительность, а также классические

---

[1] В. Белинский. Избр. философск. соч., стр. 239. Фраза оборвана многоточием по цензурным условиям самим Белинским.

[2] Н. Чернышевский. Избр. философ. соч., М., 1938 г., стр. 86. Слово «учреждений» из текста работы Чернышевского было изъято царской цензурой.

[3] Н. Чернышевский. «Антропологический принцип в философии». Избр. философские соч. М., 1938 г., стр. 85—86.

[4] Там же.

произведения русской литературы и Н. А. Добролюбов. Верный своему учителю—В. Г. Белинскому, молодой критик-социолог говорил не о роли природы человека, а о том, что «под влиянием самодурных отношений» «глохнут все гуманные стремления даже хорошей натуры», развивается «узкий, исключительный эгоизм и враждебное расположение к ближним».[1] В «Тёмном царстве» Н. А. Добролюбов писал: «основной мотив Островского — неестественность общественных отношений, происходящая вследствие самодурства одних и бесправности других».

Основа «Тёмного царства»—бесчеловечные, антинародные общественные отношения, а не «природа людей»—вот исходный общесоциологический принцип передовой русской литературно-критической мысли XIX века, в частности, статей в отделе критики журнала «Современник». Основоположником этого принципа в русской домарксовой социологии был В. Г. Белинский.

В противоположности взглядов В. Г. Белинского и его русских последователей—с одной стороны, и враждебных им взглядов представителей русской и западноевропейской метафизики — с другой стороны, выражалась борьба в философии того времени, борьба, которая в последнем счёте выражала «тенденции и идеологию враждебных классов...» (Ленин).

Основными враждебными классами того времени в России были: крестьянство—с одной стороны, либеральная буржуазия и крепостники-помещики—с другой.

Идеология «народных заступников»—русских революционеров-демократов определялась, по Ленину, настроением крепостных крестьян против крепостного права и борьбой широких масс населения с 1861 г. по 1905 г. против остатков крепостничества. «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян?»—иронически спрашивал Ленин «веховцев».[2]

В середине XIX века в России был налицо и заострялся конфликт между растущими производительными силами и старыми формами, производственными отношениями. Выражением этого конфликта была стихийная борьба крестьян за уничтожение крепостного права и помещичьего землевладения. За революционный путь в этой борьбе стояли демократы; они-то и были представителями одной из исторических тенденций и сил, определявших борьбу за новую Россию в XIX веке.

---

[1] Н. Добролюбов. Избр. философские сочинения. М., 1946 г., т. II, стр. 53.

[2] Ленин. Соч., том XIV, стр. 219. «Вехи»—кадетский журнал, искажавший действительную сущность и значение идей В. Г. Белинского.

Именно черты общественного положения страны, где люди сами себя называли не именами, а кличками: «Ваньками, Васьками, Стёшками, Палашками», страны, где не было не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но даже и полицейского порядка, а были только «огромные корпорации разных служебных воров и грабителей», [1]— подсказали В. Г. Белинскому и его последователям мысль о лживости и вредности идеи всеобщей любви, о необходимости борьбы с крепостным правом, борьбы за социальное освобождение людей в дореформенной России XIX века.

Социально-исторические условия, в которых жил и боролся В. Г. Белинский, определили в конечном счёте его протест против дворянско-крепостнического, деспотического режима, весь революционно-демократический характер его взглядов. Общественные социально-политические условия в России 30—40 годов XIX века подсказали В. Г. Белинскому мысль о правильности «идеи отрицания», в том числе и отрицания консервативных черт «гегелизма». Сведя, по его собственным словам, счёты с Гегелем, великий русский отрицатель пошёл дальше в выработке своего собственного взгляда на мир и на «сущность» человека, создал свою, не марксистскую, но противоположную гегелевской, философию истории—идейно-теоретическую основу своего протеста против всякого угнетения человека человеком.

«Хорошо прусское правительство, в котором мы мнили видеть идеал разумного правительства! Да что и говорить— подлецы, тираны человечества! Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!»— гневно восклицал В. Г. Белинский. «Я давно уже подозревал, что философия Гегеля— только момент, хотя и великий, но что абсолютность её результатов ни к... [2] не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними»,—писал он, требуя у «Егора Фёдорыча» (Георга Фридриха Гегеля—*Б. П.*) «отчёт» во всех «жертвах условий жизни, инквизиции Филиппа II и пр. и пр». Узеньким понятием называл В. Г. Белинский мечту Гегеля о конституционной монархии, говоря: «нет, не должно быть монархов...»

Материализм В. Г. Белинского и его русских учеников, как и ряд их попыток объяснить социальные явления не «духом» или «внутренней природой» людей, а общественной средой, являлись в мировой истории философии своеобразным протестом против немецкой аристократической реакции на идеи и дела революционной Франции XVIII века, протестом.

---

[1] Белинский. Письмо к Гоголю. М., Огиз, 1947 г., стр. 5.

[2] Многоточие в тексте письма В. Г. Белинского В. П. Боткину от 1 марта 1841 г.

подготовившим идейную почву для распространения в дальнейшем в России марксизма.

Наряду с несомненно идеалистическими положениями социологии революционеров-разночинцев (и их непосредственного предшественника В. Г. Белинского) взгляды русских социологов на «сущность» человека—отнюдь не случайный и не отдельный эпизод в их страстных и неутомимых исканиях правильной теории, а громадной значимости философско-теоретическое направление в истории домарксовой идеологии.

На основе защищаемых ими принципов они смело подвергали бичующей критике и социальные условия, господствовавшие в «тёмном царстве», и реакционные школы в социологии. Идейная основа этой революционно-демократической традиции в передовой русской общественной мысли—в социологии, в теории литературы, литературной критике, эстетике и т. д., неразрывными нитями связана в XIX веке прежде всего с именем «Неистового Виссариона». «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет её гордостью, её славой, её украшением. До сих пор его влияние ясно чувствуется на всём, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознаётся, что значительной частью своего развития обязан, непосредственно, или посредственно, Белинскому... Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку, и конечно — это лучшие люди России!..»,—писал Н. А. Добролюбов.

Учителем, как известно, называли В. Г. Белинского передовые мыслители, писатели, поэты и общественные деятели XIX века. Учитель!—обращаясь к светлой памяти безвременно погибшего Виссариона Григорьевича, восклицал Н. А. Некрасов:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Роль В. Г. Белинского в истории освободительного движения в России XIX века, истории отечественной философии и социологии, теории литературы, искусства и т. д. не ограничивается XIX веком, его влияние в известной мере распространяется и на последующее развитие русской и мировой духовной культуры.

«Известно,—говорил товарищ А. А. Жданов,—что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе

критически переработанного культурного наследства прошлого».[1] В этом наследстве один из самых больших вкладов принадлежит В. Г. Белинскому.

Однако в богатом идейном наследстве В. Г. Белинского были и идеалистические положения гуманиста-просветителя. Наряду с признанием (в общей нераскрытой форме) роли общественного фактора истории, в социологии В. Г. Белинского фигурировали с разной степенью преувеличения и человеческий разум (идейный фактор в духе исторического идеализма просветителей) и природные факторы (например, географический); отсутствовало понимание всемирно-исторической роли той реальной общественной движущей силы, которая действительно в состоянии перестроить мир в соответствии с принципами не утопического, а научного социализма, законами экономического развития общества, открытыми классиками марксизма-ленинизма. В. Г. Белинский, как и наиболее передовые его современники в России, не поднялся до понимания всемирно-исторической роли пролетариата и его авангарда— партии.

В затронутом же в данной статье вопросе о «природе» и «сущности» человека Белинский не доходил до того положения, что сущность человека в своей действительности «есть совокупность общественных отношений»,[2] отношений, складывающихся в первую очередь в общественном процессе производства. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к существованию»,—писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

Характеризуя основные черты единственно последовательно-научного понимания истории—исторического материализма—товарищ Сталин в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)» приводит мысль Карла Маркса о том, что «в общественном производстве своей жизни (то-есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей —*И. С.)* люди вступают в определённые, необходимые, от их воли *не зависящие* отношения—производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил».[3]

Эти-то общественные производственные отношения и определяют в конечном счёте глубокую, скрытую на первый взгляд, сущность явлений человеческой истории. Марксистско-

---

[1] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». журнал «Большевик» №№ 17—18, 1946 год. стр. 12.

[2] Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе. Тезис 6-й.

[3] И. Сталин. IV гл. «Краткого курса истории ВКП(б)». В скобках разъяснение товарища Сталина. Подчеркнуто в тексте.

ленинская философия истории рассматривает человека отнюдь не как простую изолированную и пассивную часть природы, не как примитивную человекоподобную обезьяну, а как Zoon politicon, [1] как «особое существо, делающее орудия производства» и активно воздействующее этими орудиями в процессе общественного производства (в труде) на внешнюю природу, изменяющее в этом общественном процессе и свою собственную природу. Отсюда и единственно-правильный вывод, сделанный товарищем Сталиным на основе учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в частности, по вопросу о роли «природы» в человеческой истории: «...если в различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, если при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, при феодализме—другие, при капитализме—третьи, то это объясняется не «природой», не «свойством» самих идей, теорий, взглядов, политических учреждений, а различными условиями материальной жизни общества в различные периоды общественного развития.

Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества,—таковы и его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения».[2]

Научному социализму совершенно противоположны и взгляды Т. Гоббса, трактующие человека, как зверя, хищника, и взгляды Л. Фейербаха, утверждавшего, что человек — любящее «божественное» существо.

По поводу первых Ф. Энгельс, опровергая утверждение, что «естественное» состояние общества—борьба всех со всеми, писал П. Лаврову: «...Я не могу согласиться с вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития...». И дальше, возражая против перенесения теории развития органической природы на историю человечества, Ф. Энгельс замечает, что наивность этой процедуры бросается в глаза и «на это не стоит тратить слов».

В том же письме к П. Лаврову Ф. Энгельс говорит о «неслыханном вреде» и ложной сентиментальности (любви всех ко всем). Критикуя и высмеивая теорию всеобщей любви Л. Фейербаха, Ф. Энгельс писал: «...любовь всегда и везде является у Фейербаха чудотворцем, долженствующим выручать из всех трудностей практической жизни,—и это в обществе, разделённом на классы с диаметрально противоположными интересами! Таким образом, из его философии

---

[1] Политическое существо.

[2] И. Сталин. «О диалектическом и историческом материализме», IV глава «Краткого курса истории ВКП(б)». 1938 г., стр. 110.

улетучиваются последние остатки её революционного характера и остаётся лишь старая песенка: любите друг друга, лобызайтесь все, без различия пола и звания,—всеобщее примирительное опьянение». [1]

Исходя из научно-материалистического понимания истории, К. Маркс и Ф. Энгельс в программе коммунистических партий—Коммунистическом манифесте—сто лет тому назад (за несколько месяцев до смерти В. Г. Белинского) отметили взгляд на человека и отношение буржуазии, как класса, к человеку—отношение, доведённое крупным финансовым капиталом до чудовищного антигуманизма.

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства,—говорится в этой «песне песней марксизма»,—разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пёстрые феодальные путы... и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчёта потопила она священный трепет религиозного экстаза... превратила личное достоинство человека в меновую стоимость».

В ещё большей степени это положение Коммунистического манифеста относится к современной стадии развития монополистического капитала—стадии «наступления реакции по всему фронту» (Ленин).

* * *

История учений о человеке не знает такого бесчисленного множества попыток принизить, оклеветать человека, как это делается в наши дни идеологами, главным образом, англо-американского империализма.

Как алмаз—всего лишь углерод, «точно так же (?!) и человек—всего лишь животное»,—утверждает в духе философии Т. Гоббса английский писатель-публицист Лоуренс.

Человек—«животное геометрическое»,—вторит ему Азанфан, усматривая—как самое «существенное» в человеке—его внешнюю форму.

«Реально одно лишь тело моё!»—восклицает другой английский автор (Спендер).

Люди, т. е. тот «материал» (так пренебрежительно и написано: «материал»!), из которого должно быть построено здание послевоенного человеческого общества, это, по мнению американца О'Нейля, врождённая «смесь грязи и навоза». Как же можно из этого «материала» построить храм общества?!—спрашивает и одновременно отвечает один из гнусных героев не менее гнусных писаний О'Нейля.

---

[1] Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»

Человек, в циничных «трудах» перечисленных и других авторов неофашистских «идей»,—это ничтожество, зверь, хищник. Ему—человеку—присуще только биологическое, низменное, даже вызывающее отвращение.

Если в далёкое, канувшее в вечность, прошлое просветительско-рационалистической философии проблема бытия решалась, например, французским учёным Р. Декартом при помощи известной формулы: «Я мыслю, следовательно, я существую» („Cogito ergo sum“), то в наши дни французский псевдоучёный Ж. П. Сартр, ставший наиболее модным в США философом, драматургом и публицистом, решает проблему бытия «одинокого» человека, апеллируя к тому, что вызывает отвращение: ... к тошноте.

В книге под символическим для современной буржуазной «философско-эстетической» публицистики названием «Тошнота»—Сартр пишет о бытии людей и своём собственном так: «Меня тошнит, следовательно, я существую» (!).

Обесчеловечение человека, т. е. лишение его человеческих качеств, процесс дегуманизации его в «трудах» Сартра и многочисленных сартрианцев—свидетельство маразма буржуазной культуры. Подтверждение тому и широко ведущаяся пропаганда отвратительного пансексуализма, например, в порнографических писаниях Г. Миллера, признанного реакционной прессой «крупнейшим пророком XX-го века», не сходящие с экранов кинотеатров США картины, о гнусном содержании которых свидетельствуют сами названия: «Самец и самка», «Женщина—волк», «Женщина—тигр» и т. п.

Буржуазная социология XX века низводит человека «до мешка из кожи», набитого мясом, жилами, нервами, кровью. Эта «социология» устами Сюзанны Лангер (и не её одной),—констатирует, что после столетий науки «...иррациональные силы нашей животной природы должны отпраздновать свой шабаш ведьм».

Культ доллара и игнорирование человеческого достоинства нашли своё отвратительное, но отнюдь не случайное, выражение даже в психологических «научных исследованиях», например, известного американского буржуазного психолога Торндайка.

В своих вопросах—тестах, посвящённых психологии человека, это «светило науки» интересуется: «За какую сумму вы плюнете в портрет Вашей матери?»... «За какую сумму вы съедите человеческое мясо?»...

Одна постановка такого рода вопросов, не говоря уже об ответах деловитых бизнесменов, определявших эту сумму, свидетельствует о влиянии социальной силы господствующих в США общественных отношений.

Буржуазная философия «предстаёт в своём новом отвратительно грязном естестве, отражающем всю глубину, низость и мерзость падения буржуазии»,—говорил тов. А. А. Жданов на философской дискуссии, проведённой ЦК ВКП(б) по книге Г. Александрова «История западноевропейской философии».

Буржуазная «философия человека» призвана долларовой культурой оклеветать людей и «доказать» в меру сил, что не империализм виновник, например, войн XX века, а «природа» человека, которой свойственны одни пороки, низменные побуждения и страсти, что человек (за исключением англо-американцев!) является в сущности «недочеловеком».

Подвергавшееся высмеиванию и критике ещё В. Г. Белинским и Н. Г. Чернышевским положение буржуазных социологов о том, что человек — это «зверь», как и общая линия на дегуманизацию человека в трудах современных англо-американских социологов, призваны выполнить и другую сторону социального заказа Уолл-стрита: вселить в широкие народные массы (особенно других наций и рас) убеждение в их «неполноценности» и, следовательно, «несостоятельности» и «необоснованности» их борьбы за переустройство человеческого общества на других, подлинно демократических началах.

«Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и её реформистские прихвостни,—это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство»,[1] —говорил товарищ Сталин, вскрывая сущность деятельности агентов буржуазии.

Поборники идеи англо-американского мирового господства стремятся любыми «теоретическими» средствами «обосновать» своё «право» на порабощение человечества. Этой подлой цели служат и расовые теории и призывы к уничтожению всего передового, демократического в мире.

Товарищ Сталин в интервью относительно речи Черчилля (март 1946 г.) указывал: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 610.

тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира».

Призывы англо-американских поджигателей войны начать сбрасывать атомные бомбы на советских людей—факт, который находится в непосредственной «идейной» связи с англо-саксонскими неорасистскими «теориями».

Попытку «обосновать» такого рода преступные планы и стремления мы находим и в американской «социологии». Так, например, Э. Падилья утверждает, что по своей «природе» человек «американского типа» — это «прообраз будущего высшего существа», Бильбо —что англо-саксы должны и могут быть в новом «рабовладельческом Риме» (США) владельцами «живого человеческого скота».

В глубокой социально-экономической основе таких и подобных «модных» направлений в реакционной идеалистической псевдо-и антинаучной философии и социологии в Америке и Англии лежит империализм и в частности то обстоятельство, что для финансового капитала человек — только «пушечное мясо», источник и средство выколачивания прибавочной стоимости.

Пропаганде социальной пассивности масс, «обречённости» их, отрицательного отношения людей к разуму и, следовательно, к возможности и необходимости критического осмысливания капиталистической действительности миллионами простых людей посвящены там обильные высказывания и целые «философские труды». Таков, например, «труд» «Философия на новый лад» Сюзанны Лангер, требующий «устранить водораздел между наукой и безумием» (!).

«Наша эра—эра безумия»—констатирует американский философ Александр Франц в своей книге, носящей симптоматическое название: «От разума к безумию». [1]

Широко распространяемое в Америке и Англии антирационалистическое мировоззрение, отрицание прогрессивной роли научного познания, человеческого разума, объективной истины, [2]—служит целям пропаганды лжи и насилия, а в конечном счёте—целям пропаганды захватнической войны.

«Так же, как машины войны приводятся в движение нефтью,—пишет американский генерал Фулер,—так и воля человека сражаться двигается ложью».

Если раньше высшим правилом было: «Правда сделает тебя свободным», то теперь, по Фулеру, «высшее правило»,

---

[1] «От Р. Декарта к А. Гитлеру». Чикаго, 1946 г.

[2] Эти идеи лежат в основе бергсонианства (интуитивизма), прагматизма, неореализма, инструментализма и др. «новых» течений в центре идеологической реакции—США.

соответствующее интересам поджигателей войны, должно гласить: «Ложь заставит тебя сражаться»!..

При наличии такого рода «высших правил» стратегов империализма неудивительно, что в США распространяется так много самой наглой лжи о «природе» простого человека и клеветы о Советском Союзе, советских людях.

Непосредственные идейные истоки подобной «философии» искать не нужно далеко. Именно в таком духе рассуждали—и не только рассуждали, но и действовали—немецкие «философствовавшие» и нефилософствовавшие фашисты с их делением людей по природе на «сверх-человеков» и «недо-человеков», «под-людей».

Так «обосновывался» германским нацизмом человеконенавистнический звериный антигуманизм и аморализм. В основном так же «обосновывается» неофашистскими идеологами американского крупного капитала бесчеловечное отношение к чужим и «своим», белым и «цветным» народам, их свободе и независимости.

На тёмном фоне современной буржуазной «гносеологии», «социологии», «эстетики» и т. п. «учений» о человеке бескорыстное стремление великого русского просветителя и демократа В. Г. Белинского к «правде жизни», знанию, свободе и равенству людей, в соответствии с принципами утопического социализма, предстаёт перед нами в особенно ярком свете. В идейном наследстве гениального провидца каждая мысль дышит искренней гуманностью, глубоко продуманной верой в разум, науку, силу и благородство людей труда, в лучшее, достойное человека, социальное устройство общества, в будущее своего народа, «огромность исторических судеб его».

«Мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль»,— писал В. Г. Белинский,—но какое это будет слово, какая мысль, «...об этом ещё рано нам хлопотать. Наши внуки и правнуки узнают это без всяких усилий, напряжённого разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...», т. е. людьми нашей эпохи!

В своих вдохновенных мечтах о будущем В. Г. Белинский видел народ своей отчизны идущим во главе передового человечества. Блестяще предвидя настоящее наших дней, он в своих «Мыслях и заметках о русской литературе» утверждал: «В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни ещё и русскую мысль...»

По адресу же буржуазии и её современных идеологов уместно вспомнить другие слова В. Г. Белинского, сказанные им за год до смерти (в 1847 году):

«Горе государству, которое в руках капиталистов. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов—дальше этого они ничего не видят».

Одни эти гениальные прогнозы и выводы В. Г. Белинского говорят о том, что и в современной борьбе сил демократии с реакцией великий русский гуманист и демократ с нами.

О. ВОЙТИНСКАЯ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — ВЕЛИКИЙ НОВАТОР ТЕОРИИ ИСКУССТВА

I.

Путь формирования русского материализма XIX века был весьма труден. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнётом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного, революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[1]

XIX век, тот век, который, по определению Ленина, дал цивилизацию и науку всему человечеству, прошёл под знаком французской революции. Против французской революции ополчилась вся международная реакция, все европейские государства и более всех «передовая Англия». Германия противопоставила французскому материализму немецкий идеализм, который был широко использован буржуазными идеологами всех стран в борьбе против революционных идей.

Иным путём шло развитие русской материалистической философии XIX века. Она выступила против идеологической реакции, представленной немецким идеализмом, активно боролась за передовые идеи века. Именно она явилась великой преемницей французского материализма в борьбе против идеологии феодального общества, в особенности против

---

[1] Ленин, т. XXV, стр. 175.

крепостнического строя в России. Именно она сформулировала революционно-демократические принципы критики дворянско-буржуазной реакции в области идеологии. В этом всемирно-историческое значение русской материалистической философии XIX века.

Ленинская периодизация истории русского революционного движения, данная в статье «Памяти Герцена», является и периодизацией истории развития русской передовой культуры, философии и эстетики XIX века. Это был путь от революционного просветительства дворян-одиночек к революционному демократизму расширившегося круга революционеров, а затем к научному социализму массового пролетарского движения. Идейное развитие передовой России 40—60-х годов XIX века проходило под плодотворным влиянием революционно-демократического мировоззрения, всё более проникавшего в науку, в литературу, в философию.

Зачинателями этого нового периода в развитии русской общественной и философской мысли явились Герцен и Белинский. Развивая антикрепостнические, материалистические традиции Ломоносова и Радищева, они проявили невиданный дотоле революционный героизм и невероятную энергию в исканиях подлинно-передовой теории. В эпоху Белинского уже стали создаваться основы борьбы с крепостническим строем в России, были подвергнуты критике реакционные стороны капитализма на западе. Уже во времена Белинского передовая философская и социологическая мысль России работала над решением основных вопросов исторического развития.

В условиях гнёта самодержавно-крепостнического строя, подцензурного существования передовой русской общественной мысли русская классическая литература, революционно-демократическая критика была призвана играть особую историческую роль. По верному определению Герцена, передовая русская литература XIX века была трибуной народа, голосом его совести. Это привело к несомненному увеличению значения искусства в жизни общества, в развитии революционных идей в России.

В 40—60 г.г. XIX века в области искусства шла ожесточённая классовая борьба. Эстетические вопросы были по преимуществу полем битвы, а предметом борьбы было влияние на жизнь русского общества. Литературная деятельность великого русского критика В. Г. Белинского развивалась в борьбе против аристократической реакции в области эстетики. Несомненно, что в России Белинский явился зачинателем ожесточённой идеологической войны против барского анархизма в литературе, реакционного противопоставления искусства действительности.

Социологические, философские и эстетические искания Белинского, его трудный путь к революционному демократизму и материализму характерен для целого поколения русских мыслителей. Он составляет важнейший этап в развитии русской передовой социологической, философской и эстетической мысли.

Борьба Белинского против феодализма и его реакционной идеологии, глубокая критика буржуазного общества составляет замечательную особенность философии и социологии Белинского. Русский философ сумел во многом преодолеть ограниченность домарксовского западноевропейского материализма, сумел сделать ряд великих открытий, несмотря на свой исторический идеализм, зачастую вопреки ему. Особенно велики заслуги Белинского в развитии теории искусства, в области литературной критики. Здесь светлый гений Белинского составил эпоху; по замечательному определению Н. А. Некрасова, он «новые стези прокладывал, работая упорно».

Виссарион Белинский был великим новатором в эстетике. Его классические определения художественного образа, народности литературы, его теория реализма были направлены против реакционных идей в искусстве, имели огромное преобразующее значение в идеологической жизни русского общества того времени.

Литературная критика Белинского никогда не замыкалась в узком круге эстетических понятий. Она будила общественную мысль, звала к борьбе против реакции.

Характеризуя историческое значение русской классической эстетики в борьбе с реакционными эстетическими теориями, товарищ Жданов подчеркнул, что, начиная с Белинского, «все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения»[1]. Особенно велики заслуги Белинского в критике эстетики немецкого идеализма и сторонников этой эстетики в России.

Германия конца XVIII и первой половины XIX века явилась родиной реакционной теории «искусства для искусства». Характеризуя Германию того времени, Энгельс писал: «Это была одна гниющая и разлагающаяся масса... Всё было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Журнал «Большевик», 1946 г., № 17—18, стр. 12.

значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм—весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным, торгашеским духом. Всё прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений».[1]

В этой атмосфере экономического и политического загнивания, отвратительного маразма и возникла пресловутая теория «искусства для искусства». Появление этой теории следует рассматривать на фоне политической реакции, попыток реакционных классов возродить средневековье в экономике и политике, идеализм и мистицизм в науке.

Философские основы теории «чистого искусства» были созданы Кантом, в особенности Шеллингом и отчасти Гегелем. Кант отверг познавательную функцию искусства, придал эстетической способности суждения субъективно идеалистический характер, философски обосновал дуалистический разрыв содержания и формы. Дуализм философии Канта, отрицание им познаваемости мира определили и реакционный характер его эстетики.

Эстетика Канта, отрицание им общественной, познавательной роли искусства были впоследствии широко использованы всеми сторонниками теории «чистого искусства». На всех этапах последующего развития истории эстетика Канта, как и его философия, были поставлены на вооружение международной идеологической реакции.

Шеллинг в своей книге «Система трансцендентального идеализма» развил философские основы теории «чистого искусства», рассматривая эстетическое созерцание, как завершение полного круга самосознания идеи.

Отрицание идейности искусства составляет первую характерную особенность реакционной эстетики Шеллинга.

Противопоставление искусства действительности, отрицание связи искусства с наукой составляет её вторую характерную особенность.

Гегель стремился преодолеть дуализм и формализм кантовской эстетики, ограниченность и замкнутость эстетики Шеллинга. Однако это преодоление шло по пути развития и углубления объективного идеализма.

Гегель стремился обосновать объективность категорий искусства, что невозможно для идеализма. «Так как абсо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочин., т. V, стр. 6—7.

лютный дух, — пишет Маркс, — именно лишь post festum, в философе, приходит к *сознанию* себя как творческого мирового духа, то его фабрикация истории существует лишь в сознании, в мнении и представлении философа, лишь в спекулятивном воображении». [1]

Несомненно, что в эстетике Гегеля было и рациональное зерно. Так, в отличие от Шеллинга, он рассматривал искусство в связи с развитием истории, науки, философии, пытался вскрыть диалектическую закономерность развития искусства, диалектику формы и содержания. Однако это рациональное зерно похоронено в склепе гегелевского идеализма. Как и в логике, категории гегелевской эстетики расположены по идеалистической, весьма произвольной схеме. Это лишает гегелевскую эстетику действительной реальности, действительной историчности. Маркс подчёркивал, что история у Гегеля превращается в историю предвзятых идей, сказку о духах и призраках, а действительная эмпирическая история эксплоатируется только для того, чтобы дать реальность идеалистическим призракам.

Как и все идеалисты, Гегель противопоставлял искусство жизни. Он доказывал, что искусство свободно от соображений морали и пользы, ибо оно может выбирать предметы своего изображения в противоположность истории или наукам, которым их предмет дан заранее. Осуществление идеи прекрасного, по Гегелю, является единственным предметом искусства.

Рассматривая искусство как специфическую форму развития абсолютного духа, Гегель трактовал эстетический идеал как нечто абстрактное, противостоящее сфере практических интересов. По этим идеалистическим понятиям искусство должно было сохранять совершенную независимость от всех других стремлений человека, кроме стремления к прекрасному. Такое искусство называлось «чистым искусством». Эти утверждения гегелевской эстетики были выдвинуты в борьбе против революционных идей эстетики французского материализма, впоследствии они были широко использованы международной идеологической реакцией.

Столь же реакционно утверждение Гегеля, что подлинное искусство принадлежит прошлому, что развитие человеческой истории враждебно искусству. Отрицание передовой роли искусства, идеализация средневековья характерны для эстетики Гегеля. Это явная реакция против эстетики французского материализма, устремлённой в будущее, штурмующей твердыню феодального общества.

---

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. III. «Святое семейство», стр. 110.

Ещё в период временного увлечения философией Гегеля Белинский утверждал, что не все приговоры во имя её святы и непреложны, что «всему верить безусловно не годится».

Замечание великого русского критика весьма важно. Оно показывает, что даже в пору идеализма взгляды Белинского существенно отличались от воззрений Гегеля. Это особенно важно при рассмотрении эстетики Белинского, которую зачастую ошибочно отождествляли с эстетикой Гегеля. Ещё будучи сторонником объективного идеализма, Белинский противопоставлял свои эстетические воззрения эстетике Гегеля. В одном из своих писем от 1838 года Белинский писал: «когда дело идёт об искусстве, и особенно о его непосредственном понимании, или о том, что называется эстетическим чувством, или восприемлемостью изящного,—я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость, в этом отношении, простираются до того, что авторитет самого Гегеля им не предел».[1] Уже в 1834—1835 годах Белинский теоретически обосновал свою эстетику реализма, существенно отличную от эстетики Гегеля, от гегелевской трактовки прекрасного. В «Очерках Гоголевского периода русской литературы» Чернышевский справедливо отметил, что зрелые эстетические воззрения Белинского противоположны эстетике Шеллинга и Гегеля, противоположны эстетике немецкого идеализма.

В отличие от Гегеля, Белинский обосновывает широкое познавательное значение литературы, значение передовых плодотворных идей в развитии искусства, утверждая, что искусство без мысли—то же, что человек без души—труп. Он научно доказал, что искусство берёт своё содержание из жизни общества, из общественных интересов. От революционного демократизма шло определение Белинским литературы как «выражения общества», . рассмотрение в органической связи познавательной и общественной функций литературы.

В сороковых годах XIX века великий русский критик полностью обосновал своё учение о мышлении в образах, как особой форме познания действительности. Он подверг решительному осуждению немецкую эстетику. Защищая основы своей эстетики реализма, борясь за служение искусства общественным интересам, Белинский писал в 1848 году: «Остаётся упомянуть ещё о нападках на современную литературу и на натурализм[2] вообще с эстетической точки зрения во имя чистого искусства, которое само по себе цель и вне себя не признаёт никаких целей... Мысль эта чисто немецкого

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. М., 1947 г., стр. 625.

[2] Термин «натурализм» Белинский понимал как художественный реализм. (Примеч. отв. редактора).

происхождения; она могла родиться только у народа созерцательного, мыслящего и мечтающего и никак не могла бы явиться у народа практического, общественность которого для всех и каждого представляет широкое поле для живой деятельности».[1]

Белинский взрывает крепость сторонников теории «чистого искусства». Он показывает, что такого искусства в действительности не существует, что оно в сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, то-есть искусства «дидактического», «сухого», «мёртвого». Он доказывает, что сторонники теории «чистого искусства» всегда мешали художественному развитию человечества. Белинский писал: «вполне признавая, что искусство, прежде всего, должно быть искусством, мы тем не менее думаем, что мысль о каком-то чистом, отрешённом искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющей ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлечённая, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало».[2] Он вновь и вновь напоминает, что «искусство есть воспроизведение действительности, повторённый, как бы вновь созданный мир». Стало быть, оно не может быть какою-то одинокою, изолированной от жизни общества деятельностью. Белинский развивает своё классическое определение роли художника в жизни общества: «Поэт прежде всего—человек, потом гражданин своей земли, сын своего времени. Дух народа и времени на него не могут действовать менее, чем на других».[3]

Белинский аргументирует свою мысль всей историей мирового искусства, историей художественного развития человечества. В ранних статьях это обращение к истории искусства понадобилось Белинскому для критики реакционного романтизма, для научного обоснования исторической закономерности реализма, для доказательства, что художественное развитие человечества всегда определялось его историческим развитием.

Великий русский критик борется против установившихся понятий и суждений идеалистической эстетики. Сторонники этой эстетики утверждали, что художественное творчество древних греков явилось осуществлением идеала красоты, выражением «чистого» искусства. Белинский отмечал, что красота, составляющая существенный элемент искусства, была значительным, едва ли не преобладающим элементом жизни греческого народа. Однако красота в ней была больше формою, нежели самим содержанием, содержание же искусству давали гражданская жизнь и религия. Белинский доказывал,

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., ОГИЗ. М., 1947 г., стр. 581.
[2] Там же, стр. 582.
[3] Там же, стр. 582.

что древнегреческое искусство могло возникнуть только на заре человеческого общества, что именно тогда явления действительности могли быть объяснены влиянием высших таинственных сил. Всё же, входящее в круг обыкновенной жизни, объяснявшееся простыми причинами, почиталось недостойным поэзии, унизительным для искусства. На заре человеческой истории ощущалась необходимость в искусстве возвышенном, полном чудес. То была пора «Одиссеи» и «Илиады», пора младенчества человеческого общества. То, что для возмужалого народа, как и для возмужалого человека, кажется торжеством бытия и высочайшей поэзии, для него было бы горьким и безотрадным разочарованием.

В. Белинский отвергал утверждение, что Шекспир и Гёте являются представителями «чистого» искусства, доказал антинаучность этого утверждения. «Что Шекспир—величайший творческий гений, поэт по преимуществу, в этом нет никакого сомнения,—писал Белинский;—но те плохо понимают его, кто из-за его поэзии не видит богатого содержания, неистощимого рудника уроков и фактов для психолога, философа, историка, государственного человека и т. д. Шекспир всё передаёт через поэзию, но передаваемое им далеко от того, чтобы принадлежать одной поэзии».[1]

Белинский утверждал, что столь же несостоятельна и характеристика Гёте, как выразителя идеала «искусства для искусства». «Фауст»—есть полное отражение жизни и философских идей современного ему немецкого общества, «где же тут чистое искусство?»—вопрошал Белинский и доказывал, что сила искусства в служении общественным интересам.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» великий критик приходит к выводу, во многом определившему дальнейшее развитие передовой эстетической мысли. Он утверждает, что собственно художественный интерес не мог не уступить место другим важнейшим для человечества интересам, и искусство благородно взялось служить им в качестве их органа. Но от этого оно нисколько не перестало быть искусством, а только получило новый характер. Прямо полемизируя со сторонниками теории «чистого искусства», сурово критикуя поэтизацию праздности, Белинский писал: «Отнимать у искусства право служить общественным интересам—значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, то-есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев. Это значит даже убивать его...»[2]

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., ОГИЗ. М. 1947, стр. 585.
[2] Там же, стр. 585.

В отличие от эстетики немецкого идеализма, от буржуазной теории искусства его времени, Белинский стремился создать науку о литературе, об искусстве.

Уже первые его статьи, написанные в 1834—1835 году, показывают нам мыслителя, который неизмеримо выше буржуазных теоретиков искусства, их антинаучного субъективизма.

Белинскому принадлежит великое учение о познавательной и общественной функциях литературы, её роли в борьбе классов. Раскрытие специфики искусства—одна из сложнейших проблем теории искусства. Определение художественного образа, данное Белинским, направлено как против сторонников метафизического отождествления науки и искусства, так и против сторонников теории «чистого искусства». Это определение дано уже в статьях о Гоголе, Лермонтове, т. е. в 30-х и в начале 40-х годов. В развёрнутой форме оно дано в 40-х годах—в статье о Державине, в годичных обзорах русской литературы. Белинский писал: «...видят, что искусство и наука не одно и то же, а не видят, что их различие вовсе не в содержании, а только в способе обрабатывать данное содержание. Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же. Политико-эконом, вооружаясь статистическими числами, *доказывает*, действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось, вследствие таких-то и таких-то причин. Поэт, вооружаясь живым и ярким изображением действительности, *показывает*, в верной картине, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один *доказывает*, другой *показывает*, и оба *убеждают*, только один логическими доводами, другой—картинами». [1]

Определение Белинским художественного образа принципиально отлично от гегелевского. Согласно определению Белинского, художественный образ есть форма отражения, форма опосредствованного познания объективного мира, реальной действительности.

II.

В нашей историко-эстетической литературе долгое время господствовал ошибочный взгляд, что Белинский был гегельянцем в эстетике, что он только прилагал категории гегелевской эстетики к русскому искусству. Тем самым отрицалось самостоятельное развитие русской философии и эстетики, определяющая зависимость этого развития от этапов

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. ОГИЗ. М. 1947 г., стр. 586.

мировой истории, от борьбы классов в России, от предшествующего развития передовой культуры. Такая концепция исторически неверна и глубоко ошибочна. Она во многом шла от Плеханова, который в своих статьях о Белинском рассматривал великого критика как талантливого истолкователя гегелевской эстетики на русской почве. Он полагал, что «Белинский был близок к материалистам-диалектикам в том смысле, что, как гегельянец, он не довольствовался указанием на взаимодействие различных сторон общественной жизни и общественного сознания».[1] Плеханов утверждал, что Белинский смотрел на историю искусства как на прикладную логику, что его эстетический кодекс неизменен и построен apriori.

Развитие философских и эстетических идей Белинского Плеханов рассматривал изолированно от развития национальной демократической культуры, от борьбы классов. Цель нашей статьи—опровергнуть этот ошибочный взгляд на процесс формирования русской классической эстетики, показать, что Белинский был великим новатором в теории искусства. В этом отношении весьма показательны его статьи о великих основоположниках русской классической литературы XIX века.

Классическая характеристика отношения искусства к действительности, гениальные определения реализма и народности литературы возникли и развились в трудах Белинского прежде всего *в результате его прихода к революционному демократизму и материализму, в результате глубокого изучения передовой русской художественной литературы того времени.* Именно эта литература явилась основой классической эстетики Белинского; именно она в значительной мере определила его взгляд на искусство, совершенно отличный от эстетики немецкого идеализма.

Развивая свою мысль о диалектическом единстве и различии науки и искусства, об искусстве как особой форме познания и изменения действительности, Белинский счёл необходимым подчеркнуть определяющее значение русской художественной литературы в обосновании этого нового взгляда на искусство. «...В лице писателей натуральной школы,—писал Белинский в 1848 году,—русская литература пошла по пути

[1] Плеханов, т. X, стр. 296.

В нашу задачу не входит анализ всей концепции Плеханова о Белинском. Это тема особого исследования. Отметим только, что Плеханов был первым русским марксистом, написавшим ряд выдающихся статей о Белинском, при чём, борьба Белинского против теории «чистого искусства» весьма высоко ценилась Плехановым. Однако, ведя пропаганду передовых идей Белинского, Плеханов допустил и весьма существенные ошибки.

истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновенья и идеалов и через это сделалась и современною и русскою. С этого пути она, кажется, уже не сойдёт, потому что это прямой путь к самобытности, к освобождению от всяких чуждых и посторонних влияний». О том, что подразумевал Белинский под чуждыми влияниями, что ставил он в заслугу русскому реализму, красноречиво свидетельствуют следующие строки. Приводя выдержку из статьи редактора «Современника» о прогрессивном движении русской литературы, Белинский отмечает: «Справедливость выписанных нами слов сделается ещё очевиднее, если обратить внимание и на другие стороны русской литературы нашего времени.—Там увидим мы явление, соответствующее тому, которое в поэзии называется натурализмом, то-есть, тоже стремление к действительности, реальности, истине, тоже отвращение от фантазий и призраков». Отвлечённые теории, «априорные построения», «доверие к системам» теряют свой кредит в науке, «уступают место направлению практическому, основанному на знании фактов». [1]

Н. Г. Чернышевский справедливо отметил, что критика Белинским теории искусства немецкого идеализма, его эстетика реализма—ещё одно яркое свидетельство того нового, что внесла русская философия и эстетика того времени в развитие передовой мировой культуры и науки. Эстетика реализма Белинского, учение знаменитого критика об идейности искусства, о служении искусства народу создали теоретические основы классического русского реализма, положили начало великим прогрессивным традициям теории русского искусства. Всё последующее развитие русской передовой эстетической теории шло по пути критического усвоения и дальнейшего развития на новой научной основе гениальной теории искусства Белинского.

Товарищ А. А. Жданов отмечал историческое значение Белинского в развитии русской демократической культуры, русского искусства. Характеризуя великую роль лучших традиций русской демократической культуры, товарищ А. А. Жданов говорил: «Следовательно, лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами—Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным». [2]

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., ОГИЗ. М. 1947 г., стр. 588.

[2] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». ОГИЗ, Госполитиздат, 1946 г., стр. 26.

Эстетика Белинского—самая значительная и оригинальная часть его философии. Виссарион Белинский является основоположником русской классической эстетики, имевшей важнейшее значение в идейном развитии русской литературы и через эту литературу—несомненное влияние на развитие мирового искусства. Он создал передовые для своего времени революционно-демократические основы критики реакционной теории «искусства для искусства». Обосновывая и развивая свою эстетику реализма, он непримиримо боролся против отрыва искусства от жизни, против антинаучного субъективизма. В этом плане огромное теоретическое значение имеет его критика всех форм реакционного романтизма, в особенности романтизма Тика, Новалиса, Шлегеля.

Немецкий романтизм Гофмана, Тика, Новалиса, Шлегеля был ярким воплощением реакционного противопоставления искусства действительности.

Существенной чертой этих романтиков являлся мистицизм, тесная связь течения с католицизмом. Возврат к католицизму воинствующих сторонников теории «чистого искусства» происходил после того, как французские материалисты нанесли католицизму ряд сокрушительных ударов. Мистические новеллы немецких романтиков появились после блестящих атеистических памфлетов Вольтера, после знаменитой «Монахини» Дидро и его «Племянника Рамо».

Поэтизация религии, мистицизм и впоследствии были характерны для сторонников теории «искусства для искусства».

Реакционные социально-политические воззрения немецких романтиков определили и их реакционные эстетические идеалы и критерии. Немецкие романтики отрицали познавательное значение искусства, исходили из идеалистической теории интуитивизма. Действительное познание они подменяли «вчувствованием», случайными эмоциями. Открыто поэтизировались праздность, как нравственная основа искусства, пассивно-созерцательное отношение к действительности. Немецкие романтики утверждали, что только «в священной тишине подлинной пассивности» можно вспомнить о своём «я», предаться созерцанию жизни. Они полагали, что мышление и поэтическое творчество возможно только «посредством пассивности», пассивности намеренной, произвольной.

Фридрих Шлегель доказывал в «Люцинде», что право на праздность является тем, что отличает избранных от обыкновенных, принципом благородства, что изучение праздности следовало бы возвести в искусство, в науку, даже в религию.

Белинскому принадлежит замечательное определение этой реакционной теории как «опоэтизированного эгоизма», как игрушки «праздных ленивцев». Обнажая истинную социальную сущность немецкого романтизма, Белинский блестяще

доказал, что он является формой идеологической реакции, тщетной попыткой возродить средневековье. Социальная характеристика романтизма, данная Белинским, показывает нам мыслителя, непримиримо сражающегося против идеологии феодального общества, поэтизации этого общества в искусстве. Белинский писал в статье «Сочинения Александра Пушкина»: «Давно уже условия жизни и основы общества были другие, не похожие на те, которыми крепки были средние века; но романтизм средних веков всё ещё держал Европу в своих душных оковах, и—Боже мой!—как ещё для многих гибельны клещи этого искажённого и выродившегося призрака!..»

Далее Белинский говорит, что XVIII век нанёс романтизму удар «страшный и решительный», но дело тем не кончилось. «Всякое сильное историческое движение необходимо порождает реакцию своей крайности»,—утверждал русский критик. Такой реакцией против прогрессивного исторического движения, против освободительных идей XVIII века и явился романтизм XIX века. Белинский отмечает, что романтизм этот воскрес в Германии, в стране, умственную жизнь которой составляет «созерцание, мистицизм и фантазёрство», а действительную жизнь «пошлость бюргерства, гофратства и филистерства». [1] Белинский сурово критикует Тика, Новалиса, Шлегеля за то, что они хлопотали о возобновлении в новом мире форм жизни средних веков. Белинский указывает, как это движение, возникшее в Германии, сообщалось всей Европе. Во Франции тоже явилась романтическая школа в духе средних веков. Она состояла не из одних поэтов, но и мыслителей и силилась воскресить не только романтизм, но и католицизм, что, по мнению Белинского, было с её стороны очень последовательно. Гюго и Ламартин пытались воскресить романтизм средних веков и оба пали «засыпанные мусором безобразного здания, которое тщетно усиливались выстроить наперекор современной действительности».

Русский критик справедливо отмечает, что неестественная попытка воскресить романтизм средних веков давно уже сделалась анахронизмом. Анализ всех форм реакционного романтизма, в том числе и русского, приводит Белинского к весьма существенному для эстетики выводу о том, что, когда две эпохи так противоположно расходятся во взгляде на одни и те же предметы, то поэзия старой эпохи теряет силу для новой. Он блестяще доказывает, что искусство подчинено общим законам исторического развития, и пытается

---

[1] В. Белинский. Соч. Александра Пушкина, статья 2-я. Избр. соч., М. 1947 г., стр. 321—322.

открыть объективную закономерность художественного развития человечества. Великий русский критик резко выступил против субъективизма в искусстве, против биографического метода в анализе явлений литературы.

Уже в своих первых статьях («Литературные мечтания», «О русской повести и повестях Гоголя») Белинский показал, что развитие искусства связано с объективной закономерностью исторического процесса. На протяжении всей своей литературной деятельности он критиковал тех «знатоков и любителей искусства», которые вращаются в замкнутом кругу эстетических понятий и думают, что «изящное не имеет никаких непреложных законов». Узнав из биографии какого-нибудь художника, что он был несчастен, критики эти ошибочно полагают, что нашли ключ к тайне его творчества. Этак, иронизирует Белинский, легко объяснить и мрачный характер поэзии Байрона. Но что Байрон был несчастен в жизни—это уже «старая новость». Вопрос о том, отчего «этот одарённый дивными силами» поэт был обречён несчастию? «Эмпирические критики и тут не задумаются: раздражительный характер, ипохондрия,—скажут одни из них,—и расстройство пищеварения, прибавят, пожалуй, другие, добродушно не догадываясь в низменной простоте своих гастрических воззрений, что такие малые причины не могут иметь своим результатом такие великие явления, как поэзия Байрона».[1]

В статье «Сочинения Державина» Белинский подверг суровой критике «отвлекающий идеализм», который «во всём ведёт к произвольности в воззрениях и построениях». Приняв за непреложную истину какое-нибудь на досуге придуманное положение и «отвергнув историческую сторону предмета», можно легко найти тождество между «Илиадою» Гомера и «Мёртвыми душами» Гоголя; можно выдумать «десятки и сотни Гомеров и Шекспиров». Здесь же развивается гениальная мысль, что в искусстве нельзя видеть мир, существующий независимо от других сфер сознания и от истории. «Ни один поэт,—писал Белинский,—не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через своё собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы, и несчастливы от себя и через себя; но зато только они сами и слушают свои птичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».[2]

---

[1] В. Белинский. «Сочинения Державина». Собр. сочин., т. II, стр. 473.

[2] Там же, стр. 473.

В отличие от сторонников субъективного взгляда на искусство, Белинский выдвигал плодотворную идею единства исторического и художественного развития человечества. Чтобы разгадать загадку мрачной поэзии Байрона, должно «сперва разгадать тайну эпохи, им выраженной», должно *„определить философски градус широты и долготы того места пути, на котором застал поэт человечество, в его историческом движении“* (Курсив мой— *О. В.*) „В речи о критике» В. Г. Белинский доказал, что искусство есть выражение и осуществление в изящных образах современного сознания, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия. Все литературно-критические статьи Белинского, его блестящий анализ отношения искусства к действительности являются ярким подтверждением этой глубокой и плодотворной мысли.

Белинский был лишён возможности приобщиться к идейной революции, совершённой Марксом и Энгельсом, был лишён возможности ознакомиться с их материалистической теорией исторического процесса. Это определило историческую ограниченность его философии, его социологии, его эстетики. Белинский до последних дней своей жизни не смог подняться до исторического материализма. Об этом свидетельствуют его «Обзоры русской литературы» за 1845—1846 г., где основной силой исторического процесса объявляется разум, идея. Но несомненно, что Белинский был одним из немногих представителей домарксовского материализма, глубоко проникших в закономерность исторического процесса, в закономерность художественного развития человечества, при чём великий русский критик высказал ряд гениальных материалистических догадок.

Исторически подходя к художественному развитию человечества, Белинский утверждал, что как мировое искусство, так и искусство каждого народа, отдельно взятого, имеет свою историю, которая не что иное, как картина развития искусства от его первоначального, исходного пункта до заключительного звена.

В «Литературных мечтаниях», в статье «О русской повести и повестях Гоголя», в своих годичных обзорах русской литературы, в статье о Державине Белинский анализирует историю развития искусства, смену направлений и стиля. Анализ этот поражает глубиной характеристик и определений. Белинский утверждал, что история развития общества определяет его художественное развитие. Правда, Белинский остаётся на почве идеалистического понимания истории. Вот почему он ищет причины развития искусства в географических условиях жизни народа, в его быте, религии,

философии. В то же время он выдвигает ряд гениальных соображений и догадок о роли борьбы классов, политических обстоятельств. Он полагает, что политические обстоятельства имеют немалое влияние на развитие искусства. В его статьях приводится множество примеров. Римляне заняли у греков классическую гармонию и благородную простоту архитектуры, но прибавили к ней от себя громадность размеров, как бы выразивших колоссальность их государства и их политическое величие.

В противоположность Гегелю, полагавшему, что абсолютная идея на определённой стадии завершает круг своего развития, Белинский утверждал, что развитие природы, общества, человеческого познания никогда не остановится, что человечество никогда не прекратит своей деятельности по созиданию материальной и духовной культуры, что нет предела развитию человечества.

Белинский сурово осуждал реакционную гегелевскую теорию о замкнутом круге развития общества, познания, искусства. Он полагал, что великое органическое развитие совершается через прогресс, движение вперёд. И искусство подчиняется этим законам исторического развития. Белинский характеризует реализм как результат высокого художественного развития человечества. После периода младенчества и юношества искусства начинается пора его зрелости. Отмечая, что «настал век жизни действительной», Белинский критикует французский классицизм, его эстетику. Он пишет, что мнимое благородство и возвышенность французской классической трагедии было не что иное, как «ворона в павлиньих перьях», «обезьянское передразниванье греков», ибо оно не согласовалось с жизнью.

Белинский утверждал, что в XVI веке совершилась окончательная реформа в искусстве: Сервантес убил своим «Дон-Кихотом» ложно-идеальное направление поэзии, а Шекспир навсегда помирил её с действительной жизнью. Величие Шекспира он видит в его реализме, в том, что Шекспир никогда не прибегает ни к каким пружинам или подставкам в ходе своих драм; их содержание развивается у него свободно, естественно, по непреложным законам необходимости. «Истина, высочайшая истина—вот отличительный характер его созданий. У него нет идеалов, в общепринятом смысле этого слова; его люди—настоящие люди, как они есть, как должны быть». Каждая его драма есть «отдельная часть мира, сосредоточенная фокусом фантазии в тесных рамах художественного произведения». [1]

---

[1] В. Белинский. «О русской повести и повестях Гоголя». Избр. соч. ОГИЗ. М. 1947, стр. 56.

В статье о Гамлете Белинский отмечает, что весь мир был прототипом созданий Шекспира, а его создание суть повторения вселенной, но уже сознательным и потому свободным образом. Он подчёркивает, что мир, созданный Шекспиром, не есть ни случайный, ни особенный, но тот же, который мы видим и в природе, и в истории, и в самих себе. Желая дать читателю представление о величии реализма Шекспира, Белинский пишет: «Посмотрите на чудный мир Божий; в нём всё прекрасно и премудро: и червь, ползущий по траве,—и лев, оглашающий рёвом африканскую степь и приводящий в ужас всё живое и дышащее,—и веяние зефира в тихий майский вечер,—и ураган, воздымающий песчаную аравийскую пустыню, и светлая речка, отражающая в своих струях голубое небо,—и безбрежный океан, поражающий душу человека чувством бесконечности,—и капля росы, которая зыблется на цветке... Везде красота, везде величие, везде гармония, но вместе с тем и везде нечто, а не всё...»[1] В произведениях Шекспира видел он «трепетанье мировой жизни», в каждом герое—живой образ, не имеющий в себе ничего отвлечённого, но как бы взятый целиком и без всяких поправок и переделок из повседневной действительности. И здесь весьма любопытное приближение его оценок Шекспира к аналогичным оценкам Маркса. Это тем более удивительно, что статьи Белинского о Шекспире появились в пору его философских исканий, его идеалистических заблуждений. Очевидно, здесь глубокое понимание законов искусства формировалось вопреки идеализму Белинского, зачастую в противоречии с ним.

Итак, реализм, по Белинскому, возник в результате длительного исторического развития человечества, культуры, искусства. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» Белинский утверждал, что поэзия реальная, поэзия жизни, поэзия действительности—истинная и настоящая поэзия нового времени. «Её отличительный характер состоит в верности действительности; она не пересоздаёт жизнь, но воспроизводит, воссоздаёт её и, как выпуклое стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразные её явления, выбирая из них те, которые нужны для составления полной, оживлённой и единой картины. Объёмом и границами содержимого этой картины должны определяться великость и гениальность поэтического создания».[2]

Отличительный характер подлинных произведений искусства состоит в верности действительности, в том, что жизнь

---

[1] В. Белинский. «Гамлет—драма Шекспира». Собр. соч., т. I, стр. 185.

[2] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947. стр. 57.

в них является во всей её «торжественной красоте» и «ужасающем безобразии». Уже здесь Белинский отмечает великую познавательную функцию искусства. Он полагает, что сознание бытия «есть более задача, которую мы ищем решить, нежели дар, которым бы мы спешили пользоваться». Он подчёркивает, что жизнь—«поприще труда, борьбы, лишений и страданий». Именно отсюда выводит Белинский некоторые особенности реализма его времени. «Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим её украшать, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна в том и другом случае, и потому именно, что истинна и что где истина, там и поэзия». [1]

Здесь же, определяя особенности лирической поэзии, Белинский писал: «Лирический поэт нашего времени более грустит и жалуется, нежели восхищается и радуется, более спрашивает и исследует, нежели безотчётно восклицает. Его песнь—жалоба, его ода—вопрос». [2] Он допытывается «тайны своего бытия, своего назначения, своих страданий». Определяя искусство как особую форму познания и воспроизведения действительности, Белинский полагал, что выдержанность и оригинальность характеров, верность положений основываются на верности жизни, на способности автора понимать «всевозможные положения человеческие».

О том, что уже в 1835 году Белинский глубоко проник в сущность реализма, свидетельствует его характеристика творчества Бальзака, поразительно совпадающая с суждениями о Бальзаке Маркса и Энгельса. Белинский писал в своей статье «О русской повести и повестях Гоголя»: «Отличительная черта, то, что составляет, что делает истинного поэта, состоит в его страдательной и живой способности всегда и без всяких отношений к своему образу мыслей, понимать всякое человеческое положение»... Бальзак «живёт как принц какой-нибудь, и между тем, его картины бедности и нищеты леденят душу своею ужасающею верностью». [3] Как известно, Энгельс видел величайшую победу реализма в том, что легитимист Бальзак воспроизвёл правдивые картины жизни, дал реалистическую картину французского «общества». «То, что Бальзак был принуждён итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков... это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака». [4]

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947 г., стр. 57.

[2] Там же, стр. 57.

[3] Там же, стр. 63.

[4] Маркс и Энгельс об искусстве, изд. «Советская литература» М. 1933, стр. 195—196.

Это совпадение взглядов не случайно. Уже в 1835 году Белинский даёт глубокое определение сущности реализма, исторического значения реализма Шекспира, Бальзака. Уже тогда он полагал, что появление реализма определяется историческими условиями, что причина здесь во всеобщем и, можно сказать, во всемирном направлении. Здесь же он приходит к гениальной мысли о великом значении современной ему русской литературы в развитии реализма, в развитии теории искусства. К этой плодотворной мысли Белинский возвращался непрестанно. И в теоретических исследованиях о реализме по поводу творчества Гоголя, и в статьях о Пушкине, и в его замечательном анализе творчества Лермонтова есть одна отличительная особенность. Она заключается в открытии исторического значения русского искусства XIX века в художественном развитии человечества. Это одно из великих открытий Белинского в истории искусства, открытие, подтверждённое дальнейшим ходом развития истории и культуры.

III.

Н. Г. Чернышевский справедливо заметил, что Белинский был первым научным исследователем истории отечественной литературы, что он первый показал её всемирно-историческое значение. Он сравнивал это открытие в истории и теории искусства с открытиями Ньютона, со значением «небесной механики» Лапласа.

Учение Белинского об образе, как особой форме познания и воспроизведения объективной действительности, развитые им теоретические основы критического реализма составили блестящую эпоху в истории мировой эстетической мысли. Весьма существенно отметить, что эстетика Белинского есть прежде всего теоретическое обобщение художественного опыта русской классической литературы его времени. Его эстетический кодекс, его учение о демократизме и народности искусства возникли в результате обзоров русской литературы, анализа произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова. В обосновании эстетики реализма Белинский, главным образом, исходит из художественного опыта русской классической литературы, в первую очередь творчества Гоголя, столь высоко ценимого великим критиком.

Суждения об эстетике реализма В. Г. Белинский впервые развил в статье «О русской повести и повестях Гоголя» в 1835 году. Именно здесь был дан замечательный очерк истории развития мирового искусства; именно здесь была впервые изложена его классическая характеристика реализма. Белинский приходит к выводу, что реализм есть высшее развитие искусства, и утверждает, что высочайшая поэзия состоит не в том, чтобы украшать жизнь, а в том, чтобы

воспроизводить её «в совершенной истине и верности». Далее Белинский пишет: «Посмотрим, нет ли между нашими такого поэта-повествователя, для которого поэзия составляла бы цель жизни, а наука была бы её отдохновением, для которого повесть была бы *родом*, а не *формою*, родом, столь же необходимым и безотносительным, как повесть для Бальзака, песня для Беранже, драма для Шекспира, который был бы только поэт, а не другое что-нибудь, поэт по призванию, поэт по невозможности не быть поэтом. Мне кажется, что под этими условиями из современных писателей никого не можно назвать поэтом с большею уверенностию и нимало не задумываясь, как г. Гоголя».[1]

Что же, по мнению Белинского, даёт основание для характеристики Гоголя как истинного поэта, как великого художника, творчеством своим развивающего «теорию изящного». Он полагал, что простота вымысла, нагота действия, скудость драматизма, обыкновенность описываемых автором происшествий—суть «верные, необманчивые признаки» истинно художественного творчества. Это поэзия реальная, поэзия жизни действительной. Таким поэтом является Гоголь. Утверждая, что задача критики, истинная оценка произведений писателя непременно должны иметь две цели—определить характер художественных произведений и указать место, которое они дают своему автору в искусстве, Белинский пишет: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют: простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной». [2]

Белинский полагал, что «законы изящного», иначе говоря, «законы эстетики», должны выводиться из «изящных созданий». Он был уверен, что анализ художественного творчества, обращенье к фактам искусства и жизни—это «самый лучший способ развивать теорию изящного». Он справедливо доказывал, что развитие эстетических категорий должно иметь твёрдую научную основу в развитии искусства, в его творческом опыте. Именно так надо понимать знаменитое утверждение Белинского, высказанное им в статье о Державине. «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решить, *чем должно быть искусство*, а в том, *что такое искусство* Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве, как о чём-то предполагаемом, как о каком-то

---

[1] В. Белинский. «О русской повести и повестях Гоголя». Избр. соч. Москва, ОГИЗ. 1947, стр. 66—67.

[2] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947, стр. 67.

идеале, который может осуществиться только по её теории; нет, она должна рассматривать искусство, как предмет, который существовал давно прежде неё, и существованию которого она сама обязана своим существованием».[1]

Оставаясь сторонником идеалистического понимания истории, Белинский рассматривал историю искусства, как прикладную логику. Естественно, что это приводило Белинского к неверным умозаключениям, к существенным ошибкам. К ним относится, например, рассмотрение средневековья как временного заблуждения человечества, отвлечённо- просветительский взгляд на развитие искусства. И в то же время гений Белинского ломал оковы идеализма, заставлял обращаться к конкретной действительности, к реальной истории искусства. Именно тогда Белинский и делал свои великие открытия, развивал теорию искусства.

Обоснование Белинским теории критического реализма, вопреки его идеализму,—одна из блестящих побед реализма, одна из характерных особенностей великого критика. Доказательство тому—его знаменитая статья «О русской повести и повестях Гоголя». Он утверждает, что все повести Гоголя—смешная комедия, которая начинается глупостями и оканчивается слезами и которая, наконец, называется жизнью. «И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно! И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно! Сколько тут поэзии, сколько философии, сколько истины!»[2] Белинский доказывал, что поэзия жизни действительной, простота вымысла в поэзии—один из самых верных признаков истинной поэзии, истинного и притом зрелого таланта. Значение Гоголя он видит в утверждении им правды жизни в искусстве, в развитии им реализма. «Если бы я вздумал,—утверждал Белинский,—выписывать все места, доказывающие, что г. Гоголь уловил идею описываемой жизни и верно воспроизвёл её, то мне пришлось бы списать почти все его повести, от слова до слова».[3]

Весьма характерно, что в обосновании теории реализма Белинский обращается к сравнительному анализу произведений Шекспира и Гоголя. Он смело сопоставляет драмы Шекспира и повести Гоголя, «Тимона Афинского» и «Старосветских помещиков», чтобы доказать, что это и есть жизнь, прототип жизни, созданный величайшими поэтами. Он доказывает, что в истинно-художественных произведениях нет драматических вычурностей, нет искусственных эффектов. Здесь всё просто и обыкновенно, как «день мужика, который

---

[1] В. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 671.

[2] В. Белинский. «О русской повести и повестях Гоголя». Избр. соч. М. 1947, стр. 70.

[3] Там же, стр. 73.

в будень ест и пашет, спит и пашет, а в праздник ест, пьёт и напивается пьян». Сравнительный анализ творчества Шекспира и Гоголя приводит Белинского к утверждению основного, отличительного признака реализма. *„Но в том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни, потрясать души верным изображением этой жизни“*. (Курсив мой—*О. В.*).

Дав это классическое определение сущности реализма, Белинский восклицает: «И как сильна и глубока поэзия г. Гоголя в своей наружной простоте и мелкости!». И далее: „*Совершенная истина жизни* в повестях г. Гоголя тесно соединяется с простотою вымысла. Он не льстит жизни, но и не клевещет на неё; он рад выставить наружу всё, что есть в ней прекрасного, человеческого, и, в то же время, не скрывает нимало и её безобразия. В том и другом случае он верен жизни до последней степени. Она у него настоящий портрет, в котором всё схвачено с удивительным сходством, начиная от экспрессии оригинала до веснушек лица его; начиная от гардероба Ивана Никифоровича до русских мужиков, идущих по Невскому проспекту, в сапогах, запачканных известью; от колоссальной физиономии богатыря Бульбы, который не боялся ничего в свете, с люлькою в зубах и саблею в руках, до стоического философа Хомы, который не боялся ничего в свете, даже чертей и ведьм, когда у него люлька в зубах и рюмка в руках». [1]

Уже в ранней статье «О повестях Гоголя» Белинский обосновывает своё глубокое понимание реализма как верности изображения нравов, обычаев и характера народа, как воспроизведение типических характеров и типических обстоятельств. «У истинного таланта каждое лицо—тип, и каждый тип, для читателя, есть знакомый незнакомец». Именно в этом умении типизировать явления жизни видел Белинский отличительный признак творческой оригинальности, «гербовую печать» автора. Развивая свою мысль, Белинский писал: «В самом деле, Онегин, Ленский, Татьяна, Зарецкий, Репетилов, Хлестова, Тугоуховский, Платон Михайлович Горич, княжна Мими, Пульхерия Ивановна, Афанасий Иванович, Шиллер, Пискарёв, Пирогов: разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И, Боже мой! как много смысла заключает в себе каждое из них! Это повесть, роман, история, поэма, драма, многотомная книга, короче: целый мир в одном, только в одном слове!».

Уже в 1835 году Белинский определяет некоторые особенности критического реализма. Творчество Гоголя приводит

---

[1] В. Белинский, «О русской повести и повестях Гоголя». Избр. соч. М. 1947 г., стр. 77—78.

Белинский и Гоголь. *Рис. Б. Лебедева.*

к выводу, что истинный юмор «состоит в верном взгляде на жизнь», что он «нимало не зависит от карикатурности представляемой им жизни». Этот юмор «не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение». Но в творчестве Гоголя есть ещё и другой юмор—«грозный и открытый; он кусает до крови, впивается в тело до костей, рубит со всего плеча, хлещет направо и налево своим бичём, свитым из шипящих змей, юмор желчный, ядовитый, беспощадный». [1]

Вот какие особенности творчества Гоголя привели Белинского к беспощадной критике поэзии, изолированной от жизни, поэзии идеальной. Впоследствии он доказывал, что Гоголь убил два ложных направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечём картонным, подобно разрумяненному актёру, и сатирический дидактизм. Он утверждал, что идеалы скрываются в действительности. Фантазия есть только одна из отличительных способностей поэта, но «она одна не составляет поэта». Ему нужен ещё глубокий ум, открывающий идею в факте, «общее значение в частном явлении». Поэты, которые «опираются на одну фантазию», ищут содержания своих произведений вдалеке от реальной жизни. Поэты вместе с творческою фантазиею обладающие и глубоким умом, находят свои идеалы вокруг себя. Белинский утверждал, что этою творческою фантазиею, этим глубоким умом обладал в замечательной степени Гоголь, под пером которого старое становится новым, обыкновенное—изящным и поэтическим. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский подчёркивал, что «Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах. Все теории, все предания литературные были против него, потому что он был против них». [2]

В чём же Белинский видел новаторство Гоголя? Прежде всего в обращении искусства к действительности, в изображении людей обыкновенных, в подлинно национальном характере его творчества. Изображать русскую действительность с такой поразительной верностью, как Гоголь, мог только русский поэт. Именно в этом, в изображении мира русской жизни, в великом отрицании пошлой действительности и видел Белинский народность русской литературы, историческое значение творчества Гоголя. „*Этим,*—писал Белинский, — *он совершенно изменил взгляд на самое искусство.* К сочинениям каждого из поэтов русских можно, хотя и с натяжкою,

[1] В. Белинский. Соч., т. I, стр. 113.
[2] В. Белинский. Избр. соч., М. 1947 г., стр. 575.

приложить старое и ветхое определение поэзии как «украшенной природы», но в отношении к сочинениям Гоголя этого уже невозможно сделать. *К ним идёт другое определение искусства—как воспроизведение действительности во всей её истине. Тут всё дело в типах, а идеал тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые автор становит друг (к) другу созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением*". (Курсив мой—*О. В.*).[1] Белинский видел великую заслугу Гоголя в том, что он отказался от устарелой теории искусства, пошёл своею дорогою и творчеством своим совершенно изменил взгляд на самое искусство.

Утверждая, что искусство в наше время обогнало теорию, основываясь на творческом опыте Гоголя, Белинский даёт новое определение эстетического отношения искусства к действительности.

Ещё в пору увлечения идеализмом он был твёрдо уверен, что искусство есть воспроизведение объективной действительности, что реалистическое искусство установило новые законы эстетики. Приход к материализму в начале 40-х годов ознаменован у Белинского созданием материалистической теории художественного образа, его плодотворным учением о народности и идейности искусства, о диалектическом единстве формы и содержания. Была значительно углублена и характеристика реализма. «Таланты были всегда,—писал Белинский в 1847 году,—но прежде они *украшали природу, идеализировали действительность*, т. е. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине. От этого литература получила важное значение в глазах общества».[2]

Белинский отмечал, что Гоголь создал в России новое искусство, новую литературу. Здесь творческий опыт русской литературы, творческий опыт Гоголя подсказал великому критику новое решение проблем эстетики, новую трактовку эстетических категорий. Характеристика реализма была им значительно углублена в 40-х годах и имела огромное значение в создании русской натуральной школы, в дальнейшем развитии русского реализма (Григорович, Гончаров, Тургенев,

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947 г., стр. 576.

Совершенно очевидно, что этот упрёк Белинского никак не относится к творчеству Пушкина, имевшему огромное значение в формировании эстетических воззрений Белинского.

[2] В. Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 262. «Взгляд на русскую литературу 1846 г.».

Некрасов). В 40-х годах Белинский уже решительно опроверг реакционные теории немецкого идеализма и его эстетику, вплотную подошёл к материалистическому определению отношения искусства к действительности. По справедливому замечанию Н. Г. Чернышевского, критика Белинского всё более и более проникалась живыми интересами реальной действительности, всё лучше и лучше постигала явления этой действительности, всё решительнее стремилась объяснить значение жизни для литературы, а литературе её передовое значение в историческом развитии общества. Уже в это время идеи эстетики Белинского были совершенно противоположны идеям эстетики немецкого идеализма, его реакционного определения искусства как осуществления абстрактной идеи прекрасного.

В 40-х годах Белинский развивает своё учение об образе как особой форме познания и воспроизведения действительности, о познавательной роли искусства, о высоком назначении его в жизни общества. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» великий критик утверждал: «где жизнь — там и поэзия».[1] В статьях 40-х годов он пытается выяснить, *что такое жизнь* и *что такое поэзия*. В это время уже развивается передовая идея о значении общественной жизни для человека. Кроме узко субъективных переживаний человека, есть ещё человечество, общество. Оно имеет свои эпохи возрастанья, свои эпохи здоровья и болезней, свои кризисы и переломы к выздоровлению и смерти. «Ж и в о й человек носит в своём духе, в своём сердце, в своей крови, жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветёт его здоровьем, блаженствует его счастьем, вне своих собственных, своих личных обстоятельств».[2] Как бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека, каким бы горячим ключём ни била во вне — она неполна, если не усвоит в своё содержание интересов общества, человечества.

В отличие от излюбленной дворянски-буржуазным искусством идеи индивидуализма, Белинский был сторонником органического единства личности с жизнью народа. На протяжении всей своей литературной деятельности он доказывал, что человек имеет «не одно только значение существа индивидуального, личного»; кроме того, он ещё «член общества», «сын времени и воспитанник истории», «гражданин своей земли». Его образ чувствования и мышления видоизменяется сообразно с общественностью и национальностью, к которым он принадлежит, с «историческим состоянием его отечества и всего человеческого рода». Белинский доказывал, что, кроме узко личных переживаний человека, существует «великий мир

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947, стр. 80.
[2] В. Белинский. Соч., т. IV, стр. 266.

жизни», «мир исторического созерцания и общественной деятельности,—тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование—подвигом—и где два противоположных берега жизни—здесь и там сливаются в одно реальное небо исторического прогресса, исторического бессмертия... Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим».[1]

Белинский доказывал необходимость участия человека в общественной жизни, определяя смысл жизни в борьбе нового, прогрессивного против старого, отжившего. Развивая своё революционно-демократическое понимание патриотизма, великий русский мыслитель утверждал, что можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но «нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было». Однако надобно, чтобы «эта любовь была не мёртвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования». В понимании Белинского 40-х годов жизнь — это борьба, это движение вперёд. Уже во времена Белинского были сформулированы революционно-демократические принципы критики дворянской и буржуазной реакции в области идеологии, в области эстетики. Революционный демократизм определил и социальную направленность его теории искусства. Знаменитое письмо к Гоголю, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было, по определению Ленина, «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору». Великие освободительные идеи этого письма пропагандировались Белинским на протяжении всей его литературной деятельности, во многом определили и его эстетические воззрения. В противоположность дворянской и буржуазной эстетике Белинский утверждал, что судьба искусства неотделима от народной судьбы, что искусство должно служить интересам народа.

Белинский прошёл трудный путь идейного развития от просветительства к революционному демократизму, от идеализма к материализму. Ещё в бытность идеалистом Белинский создаёт свою теорию диалектического развития, существенно отличную от гегелевской диалектики. В своей последующей критике Гегеля Белинский приходит к пониманию диалектики как «алгебры революции».

Вот это революционное, глубоко отличное от немецкого идеализма, понимание жизни, роли личности в истории определили и новые революционно-демократические требования Белинского к художнику. В статье о стихотворениях Аполлона Майкова Белинский писал, что невозвратно прошло время «рифмованных побрякушек», поэтического выражения узко-субъективных «ощущеньиц» и мелких эгоистических чувств.

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 612.

За работой. Рис. Б. Лебедева.

Поэт прежде всего должен быть гражданином, сыном своего народа. Необходимо развитие художника в духе передовых идей времени. «Общество хочет в нём видеть уже не потешника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудрёные вопросы».[1] Отметим здесь, что демократическое определение передовой личности как выразителя насущной исторической потребности, как выразителя чувств и мыслей миллионов людей определили и передовой взгляд Белинского на роль художника в жизни общества. В статье о Кольцове он утверждал, что отличительными особенностями истинного художника, истинного гения являются «всеобщность и глубина его идей и идеалов», «историческое влияние их на эпоху, в которую он живёт». Гений всегда открывает своими творениями новый, никому до него не известный мир действительности. «Является гений—и возвещает людям новую жизнь, начала которой они уже носили в себе, и корень которой скрывался уже в самом прошедшем... Имя гения—миллион, потому что в груди своей носит он страдания, радости, надежды и стремления миллионов. И вот в чём заключается всеобщность его идей и идеалов: они касаются всех, они всем нужны, они существуют не для избранных, не для того или другого сословия,—но для целого народа, а через него и для всего человечества».[2] Углубилось понимание Белинским действительности, углубилось и его понимание сущности искусства, отношения искусства к жизни. С этой точки зрения статьи о Лермонтове приобретают выдающийся интерес. Они свидетельствуют о том, что живое развитие русской художественной литературы будило творческую мысль Белинского, определяло его новаторство в области эстетики.

Следует отметить, что и в статьях о Лермонтове великий критик—ещё сторонник идеалистического взгляда на мир. Поэтому и здесь он даёт идеалистическое определение мира, познания, искусства. По Белинскому тех лет, природа со всеми её явлениями есть плод вдохновенного порыва духа—из идеальной области возможного перейти в реальную область действительного, стать фактом, чтобы потом в разумнейшем своём явлении — человеке, взглянуть на себя как на нечто особое, сознать себя. Белинский полагает, что всякое произведение искусства есть плод вдохновенного усилия художника—вывести наружу, осуществить во вне внутренний мир своих бесплотных идеалов. Однако и здесь гений Белинского приводит его к новым открытиям в области эстетики. Если статьи о Гоголе явились первым великим этапом в

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 612.

[2] Там же, стр. 153.

обосновании русской классической эстетики реализма, то статьи Белинского о Лермонтове по-новому осветили ряд эстетических проблем, по-новому решили вопрос об отношении искусства к действительности. Поясняя свою мысль об органическом единстве жизни и поэзии, Белинский приводит замечательное стихотворение Баратынского:

Всё дух в нём питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времён упованья.
Мечтою о воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.
С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Установив в отличие от идеалистической эстетики, что всё прекрасное заключается только в живой действительности, Белинский освобождает эстетику из замкнутого идеалистического круга эстетических понятий. Трактуя искусство как воспроизведение реальной жизни, Белинский в то же время обосновывает своё понимание творческой, преобразующей силы художника. Он утверждает, что поэзия есть выражение жизни, сама жизнь. «Отсюда,—писал Белинский,—вытекает новый вопрос, решение которого и будет решением вопроса о поэзии,—вопрос: если сама жизнь заключает в себе столько поэзии, так что в сущности своей жизнь и поэзия тождественны,—то зачем же ещё другая поэзия, и какую необходимость может носить в себе искусство, и какое самостоятельное значение может иметь оно?»[1]

Великий русский критик даёт новое, весьма глубокое определение отношения искусства к действительности. Он полагает, что сила искусства в обобщении частных явлений действительности, в проникновении в сущность этих явлений. Действительность прекрасна сама по себе, но прекрасна по своей сущности, по своим элементам. В этом отношении действительность «есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли». Искусство и наука не выдумывают новой и небывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовое содержание, «очищают золото действительности, перетопляют его в изящные формы». Искусство есть «жизнь по преимуществу», есть сущность, «квинт-эссенция» жизни. Для поэта не существуют дробные и случайные явления, но «только одни идеалы или типические образы», которые при всей своей «индивидуальности и особ-

[1] В. Белинский. Соч., т. IV, стр. 267.

ности» заключают в себе «все общие, родовые примеры целого рода явлений в возможности, выражающих собою одну известную идею». Поэт не обязан, например, описывать, как герой его романа обедал каждый раз, но поэт может изобразить один его обед, если этот обед имел влияние на его жизнь или если «можно представить характеристические черты обедов известного народа в известную эпоху». Автору рыцарского романа нет нужды описывать все поединки и сраженья своего героя, но он может описать один поединок, «если только в нём дух рыцарства выразился столь характеристически, что новое описание в этом роде ничего не дополнит» или если «характер героя в нём обозначился так полно и резко», что мы «по одному его поединку знаем уже, как бы он стал сражаться в тысяче других».[1]

Развивая свою теорию реализма, Белинский доказывал, что каждое лицо в художественном произведении есть «представитель бесчисленного множества лиц одного рода», и потому такие имена, как Онегин, Ленский, Татьяна, Ольга, Зарецкий, Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, Хлестова, Сквозник-Дмухановский, Бобчинский, Добчинский, Держиморда и прочие—суть как бы не собственные, а нарицательные имена, «общие характеристические названия известных явлений действительности».[2] Он полагал, что поэтическая мысль может родиться и вследствие какого-нибудь из тех обстоятельств, из которых слагается жизнь. Но чаще всего она есть случай действительности в возможности, и потому в поэзии не имеет никакого места вопрос: «было ли это?», но она всегда должна положительно отвечать на вопрос: «возможно ли это, может ли это быть в действительности?». Искусство поэта, полагал он, должно состоять в том, чтобы развить на деле задачу, как данный природою характер должен образоваться при обстоятельствах, в которые поставит его судьба.

Белинский доказывал, что самое обстоятельство может натолкнуть поэта на поэтическую идею и в стихотворении явиться уже другим, «новым и небывалым, но могущим быть». Поэзия, выражая частное, есть выражение общего. В этом смысле искусство выше частного явления жизни, картина лучше действительности. Он доказывал, что подлинное произведение искусства лишено всего случайного и лишнего. Там все части подчинены целому, «всё образует собою одно прекрасное, целостное и индивидуальное». Наука обобщает явления действительности в научных понятиях, искусство их типизирует в художественных образах.

В отличие от эстетики Гегеля, Белинский отмечает огромное познавательное значение искусства, отнюдь не сводя

[1] В. Белинский. Соч., т. IV, стр. 270—271.
[2] В. Белинский. Избр. соч., М. 1947, стр. 133.

его к непосредственному, чувственному созерцанию. Он утверждал, что искусство и наука есть формы познания объективного мира, открытия законов его развития и преобразования. «И потому-то,—писал Белинский,—в науке и искусстве действительность больше похожа на действительность, чем в самой действительности». [1]

Углубился и взгляд Белинского на преобразующую силу искусства. Ещё в статье о Гоголе он справедливо отверг ложную идею французского классицизма о природе, украшенной искусством. Он жестоко высмеял мнимое благородство и возвышенность французской классической трагедии, отмечая, что её величие, благородство и идеальность похожи на паяца в мишурной порфире и бумажной короне, важно расхаживающего над входом в балаган.

Этот взгляд на ложно идеальное направление в искусстве не изменился у Белинского сороковых годов. Но в статье о Лермонтове он развивает глубокую мысль об отличии творческого воспроизведения действительности от рабского копирования с неё. Здесь он даёт более верное определение идей французской эстетики. «Как, повидимому, ни нелепа мысль французских эстетиков прошлого века, что искусство должно украшать природу, но в ней есть своя часть истины; только они не поняли самих себя, и, по рассудочному противоречию, отрицая простое списывание с природы, приняли подражание природе, хотя и украшенной». [2] Здесь даётся классическое определение отличия реализма от натурализма. Белинский полагал, что можно весьма правдиво изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человека, упавшего в нетрезвом виде в помойную яму, но все эти изображения «будут возмутительны для души, неизящны и бессмысленны, ибо в них не будет никакой разумной мысли, никакой разумной цели». [3] Критикуя натуралистическое изображение пытки, казни, Белинский писал: «Но когда живописец представит вам естественно истязание человека за истину, и в лице его выразит победу душевной твёрдости над физическим страданием,—то чем больше в картине будет естественности, тем картина будет изящнее и художественнее, ибо в ней будет видна разумная цель и разумная мысль». [4]

Белинский полагал, что весь мир, все цветы—и краски и звуки, все формы природы и жизни могут быть явлением поэзии, но сущность её—то, что скрывается в этих явлениях, живит их бытие. Поэзия—это «биение пульса мировой жиз-

---

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947, стр. 133.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 133.
[4] Там же, стр. 133.

ии, это её кровь, её огонь, её свет и солнце».[1] Уже здесь, в статье о Лермонтове, он даёт своё определение известной гегелевской формулировки: «всё действительное—разумно», совершенно отличное от реакционного гегелевского понимания. Если в период увлечения гегелевской философией Белинский на основании этой формулы пришёл к примирению искусства с действительностью, то в статье о Лермонтове он даёт революционное определение разумности действительности, развивает основы критического реализма. Белинский утверждает: «Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно; это великая истина; но не всё то действительно, что есть в действительности, а для художника должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней он не раб её, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в неё свои идеалы и по ним преображает её».[2] Поэзия есть сама действительность. Потому она должна быть неумолима и беспощадна, «где дело идёт о том, что есть или что бывает». По его словам, поэзия должна не «тешить побрякушками», а «греметь правдою», быть «жрицею истины». Общество ждёт от художника «своего просветления, уврачевания своих язв и недугов». Раскрывая своё понимание критического реализма, Белинский писал, что «в созданьях поэта, выражающих скорби и недуги общества, общество находит облегчение от своих скорбей и недугов: тайна этого целительного действия—сознание причины болезни через представления болезни...».

Утверждая, что вся деятельность художника вырастает из исторической деятельности и на исторической почве, Белинский доказывает, что его поколение живёт в эпоху «общественного недуга», в эпоху размышления о будущем народа, человечества. Люди его времени полны «жаждою желаний, сокрушительных порывов и стремлений». Он полагал, что это только «болезненный кризис», за которым должно «последовать здоровое состояние лучше и выше прежнего». Отрицательное отношение к действительности, размышление, которое «теперь отравляет полноту всякой нашей радости, должно быть впоследствии источником высшего, чем когда-либо блаженства, высшей полноты жизни». Поэтому критика действительности, размышление «есть законный элемент поэзии нашего времени, и почти все великие поэты нашего времени заплатили ему полную дань». Основываясь на богатейшем творческом опыте мировой литературы, в особенности литературы русской, Белинский приходит к выводу, что «в наше время едва ли возможна поэзия в смысле древних поэтов, созерцающая явление жизни без всякого отношения к

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947 г., стр. 134.
[2] Там же, стр. 133—134.

личности поэта», что «отсутствие в поэте внутреннего (субъективного) элемента есть недостаток».[1] И здесь Белинский сурово критикует дворянски-буржуазный индивидуализм в искусстве. Он утверждает, что у индивидуалистов-поэтов субъективизм означает выражение личности, «которая всегда ограниченна, если является отдельно от общего». Человечество идёт своей дорогой, чуждой поэзии и поэтов такого рода. К ним адресует Белинский прекрасные строки из стихотворения Лермонтова:

Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актёр,
Махающий мечём картонным.

Но в великом таланте наличие субъективного элемента есть признак гуманности, подлинной народности. «Чем выше поэт,—писал Белинский, — тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества».[2] Как и в статье о Гоголе, Белинский полагает, что истинное искусство глубоко народно, что народность искусства есть непременное условие художественного развития человечества. Именно потому он столь высоко ценит поэзию Лермонтова. «По этому признаку мы узнаём в нём поэта русского, *народного* в высшем и благороднейшем значении этого слова,—поэта, в котором выразился исторический момент русского общества».[3] Сторонникам искусства-побрякушки, искусства-пустой забавы Белинский противопоставляет глубину идей поэзии Лермонтова, полноту жизни и типическую оригинальность его поэтических созданий. Именно в статье о поэзии Лермонтова он обосновывает своё суждение об искусстве—приговоре над явлениями действительности. Эта отличительная особенность искусства символизируется им в знаменитом стихотворении Лермонтова «Поэт». В этом стихотворении кинжал наводит поэта на глубокие размышления о сущности искусства, о призвании художника. Ранее кинжал был оружием смерти и мщенья, а теперь «никто привычною, заботливой рукой его не чистит, не ласкает». Так и поэт «своё утратил назначенье», на злато променял «ту власть, которой свет внимал в немом благоговеньи». Великий критик целиком приводит укоризненные строки из этого стихотворения Лермонтова.

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы!
Твой стих, как божий дух, носился над толпой,
И отзыв мыслей благородных

[1] В. Белинский. Избр. соч. М. 1947 г., стр. 147.
[2] Там же, стр. 139.
[3] Там же, стр. 148.

Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.
Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...
Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк?...

Приведя эти строки, Белинский восклицает: «Нет, хвалить такие стихи можно только стихами, и притом такими же... А мысль?.. И кто не признает, что то, чего он требует от поэта, составляет одну из обязанностей его служения и призвания?» [1]

Рассуждения Белинского о высоком общественном назначении искусства возникли по поводу поэзии Лермонтова, были непосредственно вызваны этой поэзией. Великий критик полагал, что уже в первой небольшой книжке стихотворений Лермонтова «кроются все стихии поэзии», что в ней есть то, что в эстетике должно разуметь под именем высокого.

Ещё на заре творчества Лермонтова Белинский предсказал, что по глубине мысли, неотразимой силе поэтического обаяния, по типической оригинальности и полноте жизни его создания напоминают собою создания великих поэтов. Уже тогда он усмотрел в произведениях Лермонтова новое явление поэзии, дальнейшее художественное развитие передовой России, всего мирового искусства. Предсказывая великое будущее Лермонтову, Белинский писал в 1841 году: «Пока ещё не назовём мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него современем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него не выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет— *Лермонтов* ». [2] Белинский пророчески предсказал, что недалеко то время, когда имя Лермонтова в литературе сделается народным, когда «гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками её о житейских заботах...» [3] Впоследствии он утверждал, что в творениях Пушкина и Лермонтова видна русская душа, ясный, положительный русский ум, сила и глубина чувства и полагал, что Лермонтов пошёл дальше Пушкина. Для Лермонтова поэзия была средством для выражения его идей, глубоких и вместе с тем простых своею беспощадною истиною, а пафос его поэзии заключается в нравственных вопросах о судьбах и правах человеческой личности. Не трудно доказать, что этот новый взгляд на призвание поэта, на роль искусства в жизни общества возник у Белинского в процессе формирования его

[1] В. Белинский. Избр. соч., т. I, стр. 507.
[2] В. Белинский. Избр. соч., М. 1947 г., стр. 159.
[3] Там же, стр. 160.

демократических убеждений, в процессе анализа передовой русской литературы.

В статьях о Пушкине Белинский развивает своё определение специфики художественного образа. Он полагает, что творчество Пушкина значительно способствовало уяснению роли искусства, соотношения искусства и науки. Ещё в «Литературных мечтаниях» Белинский писал: «Пушкин не говорил, что поэзия есть то, или то, а наука есть это или это; нет: он своими созданиями дал мерило для первой и до некоторой степени показал современное значение другой».[1] Силу поэзии Пушкина он видит в удивительной способности сделать поэтическими самые прозаические предметы. Поэзия Пушкина противопоставляется теории «украшенной природы» французской эстетики, эстетики Корнеля и Расина. Белинский отмечает, что для Пушкина не было так называемой низкой природы, что «всё у него являлось поэтическим, и потому прекрасным и благородным».[2] По-новому трактуя идею прекрасного в искусстве, Белинский восклицает о Пушкине: ...как прекрасна у него вот эта «низкая природа»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи,
Да пруд под сенью лип густых—
Раздолье уток молодых.

Как истинный художник, Пушкин не ограничивал искусство областью красоты, но «для него все предметы были равно исполнены поэзии». Душе Пушкина присуща была прежде всего та поэзия, которая не в книгах, а в природе, в жизни. Кажется, писал Белинский о Пушкине, что в этой натуре не было капли прозаической крови, но всё был чистый огонь поэзии. К чему ни прикасался он—«всему давал поэтические образы, полные жизни и очарованья».

Белинский приходит к выводу, весьма важному для дальнейшего развития эстетики, выводу, прямо противоположному теории «украшенной природы». Великий русский критик утверждает, что поэзия не чуждается обыкновенного в жизни, не боится сделаться от этого прозой, но поэтизирует самые прозаические явления действительности. Изучение Белинским творчества Пушкина углубляет его характеристику отношения искусства к жизни, творческой силы искусства. Как видим, новая трактовка высокого и прекрасного в эстетике Белинского навеяна живым развитием русской литературы, её художественным опытом.

---

[1] В. Белинский. Избр. сочин., М. 1947, стр. 30.
[2] Там же, стр. 403.

В «Очерках Гоголевского периода русской литературы» Чернышевский справедливо заметил, что идеи эстетики реализма Белинского совершенно противоположны эстетике немецкого идеализма, эстетике Гегеля, замыкающей искусство в сфере красоты, в сфере отвлечённой идеи прекрасного. В борьбе против этой реакционной теории искусства Белинский защищает основы своей эстетики реализма «с полнотою, которая не оставляет места никаким сомнениям; он историей доказывает неизбежность нынешнего направления литературы, эстетикою — совершенную законность его, нравственными потребностями нашего общества—необходимость его».[1]

Обосновывая великое историческое, нравственное и эстетическое значение поэзии Пушкина в жизни общества, в развитии теории искусства, Белинский писал: «Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута действительностью; она не кладёт на лицо жизни белил и румян, но показывает её в её естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля».[2] Он подчёркивает, что эстетический идеал Пушкина заключается в глубоком и правдивом воспроизведении действительности и видит великую заслугу поэта в следовании правде жизни, в том, что он в «Евгении Онегине» верно умел схватить действительность известного мгновенья из жизни общества. Белинский назвал эту поэму Пушкина энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением.

Белинский доказал, что Пушкин дал России поэзию как искусство, как художество. И поэтому Пушкин останется великим образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам поэзии Пушкина Белинский относит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к «достоинству человека как человека». Более ста лет тому назад Белинский пророчески писал о Пушкине: «Придёт время, когда он будет в России поэтом *классическим,* по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».[3]

Великий критик отмечал, что источник органической жизненности творчества Пушкина заключается не в одном безотчётном стремлении к поэзии, но в том, что почвою поэзии Пушкина была *живая действительность и всегда плодотворная идея.* Силу искусства Белинский видит не только в правдивом воспроизведении жизни, но и в отношении художника к действительности, в направлении искусства. Именно так надо понимать утверждение Белинского, что органическая

---

[1] Н. Чернышевский. Избр. сочин., стр. 436. Гослитиздат, 1934 г.
[2] В. Белинский. Избр. сочин. М. 1947 г., стр. 405.
[3] Там же, стр. 524.

жизненность искусства заключается в том, что почвой его является живая действительность и плодотворная идея. Именно так надо понимать его утверждение, что художник вносит в действительность свои идеалы и по ним преображает её. Он впервые доказал, что художественное развитие человечества определяется и развитием передовых идей в искусстве. Эта гениальная мысль Белинского нашла выражение в его эстетическом кодексе, в его определении искусства, как мышления в образах. Он утверждал, что истина есть предмет и цель искусства, так же как и философии. Вся разница в средствах и приёмах. Содержание искусства—«художественный анализ современного общества, раскрытие тех невидимых основ его, которые от него же самого скрыты привычкой и бессознательностью. Задача современного романа—воспроизведение действительности во всей её нагой истине».[1] Истинно художественное произведение есть воспроизведение явлений действительности во всей их истине. В сближении искусства с жизнью, вымысла с действительностью видел он новую эпоху в искусстве, значительное развитие эстетической мысли.

Поэзия рассуждает и мыслит образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами. Всякое чувство и всякая мысль должны быть выражены образно, чтобы быть поэтическими. Кто не одарён творческою фантазиею, способною превращать идею в образы, мыслить, рассуждать и чувствовать образами, тому, писал Белинский, не помогут сделаться поэтом ни ум, ни чувство, ни сила убеждений и верований, ни богатство разумно-исторического и современного содержания.

Одно из главнейших условий всякого художественного произведения есть гармоническое соответствие идеи с формою и формы с идеею, его органическая целостность.

Эта способность эстетического созерцания была в высокой степени присуща Белинскому. Он глубоко постиг законы искусства, особенности его развития. Именно поэтому столь плодотворно его наступление на крепость сторонников «чистого искусства», его борьба против ухода искусства от жизни. Он один из первых доказал, что всякая истинная поэзия есть зеркало действительности, что искусство есть выражение истории народа, одна из сторон его общественной жизни.

В близости к жизни, в реализме увидел он историческое значение русской литературы, её самобытность. В реализме увидел он «истинный» и «настоящий» путь её развития. С гениальной прозорливостью Виссарион Белинский писал в 1848 году о передовой русской литературе, что она и впредь будет всегда идти по этому пути, «идти вперёд, изменяться,

---

[1] В. Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 315.

но только никогда уже не перестанет быть верною действительности и натуре».[1]

Одна из замечательных особенностей эстетики Белинского состоит в том, что в создании своей теории изящного он в пору своей зрелости исходил не из отвлечённых логических построений и схем, а из живого, конкретно-исторического анализа художественного опыта человечества.

Виссарион Белинский никогда не отделял судьбу искусства от судеб народа. Он утверждал, что народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно-художественного произведения. Впервые в истории эстетической мысли народность стала критерием художественности.

Развивая своё понимание народности искусства, Белинский писал в 40-х годах: ...«понятие о «народности» имело прежде исключительно литературное значение, без всякого приложения к жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно в сфере литературы; но разница в том, что литература-то теперь сделалась эхом жизни»[2]. Путь Белинского от просветительства к революционному демократизму был ознаменован и более глубоким пониманием народности искусства. По мнению Белинского, истинная народность литературы в её социальном значении, в её живом общественном направлении. Белинский писал: «Не нужно особенно пристально вглядываться вообще в романы нашего времени, сколько-нибудь запечатлённые истинно-художественным достоинством, чтобы увидеть, что их характер по преимуществу социальный».[3] Его определение сущности искусства, роли литературы в жизни общества имеет ярко выраженный социальный характер, направлено на революционное переустройство общества, на борьбу против реакции, против всего пошлого и злого. В этом огромная сила эстетики Белинского, её всемирно-историческое, неумирающее значение.

В силу отсталости русской жизни Белинский не смог подняться до диалектического материализма и научного социализма. Но его философия значительно опередила весь западно-европейский домарксовский материализм. Белинский создал классические образцы критики немецкого идеализма, проложил путь к развитию философии в России.

Оставаясь сторонником идеалистического взгляда на историю, Белинский остановился перед историческим материализмом, перед научным социализмом. Его эстетика не имела последовательно научных основ. Нужна была идейная революция, произведённая марксизмом, чтобы создать подлинно-научную философию, социологию, эстетику. Однако

---

1 В. Белинский. Избр. сочин. М. 1947, стр. 587.

2 В Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 270.

3 Там же, стр. 315.

мы должны судить об историческом значении тех или иных теорий, воззрений в конкретно исторических условиях классовой борьбы, определять их роль в жизни общества по силе плодотворного влияния на современников и потомков, по силе их удара против реакции. Белинский принадлежит к тем поистине великим личностям, которые выражают историческую необходимость поступательного развития общества, всю свою научную деятельность посвящают борьбе со старым, отжившим. Чернышевский справедливо писал о философии и эстетике Белинского, что они приобретали жизнь, смысл в силу одной одушевляющей их страсти—пламенного патриотизма.

Дальнейшее развитие русской философии и теории искусства в значительной степени шло по пути, проложенному Белинским. К нему обращался Чернышевский, критикуя эстетику Гегеля, развивая далее материалистическую теорию искусства. Несомненно, что Белинский был одним из тех, кто помог Плеханову в борьбе против реакционных буржуазных теорий в искусстве. И когда создавалась теория большевистской партийности искусства, наша партия вновь обращалась к замечательному эстетическому наследию великого русского критика.

Виссарион Белинский был подлинным новатором в эстетике. Он отверг реакционные идеи в искусстве, мешавшие движению вперёд общества, народа. Он ввёл в литературу новые эстетические понятия. Именно Белинскому принадлежит честь открытия всемирно-исторического значения русской литературы, её плодотворной новаторской роли в художественном развитии человечества, в создании подлинно народного искусства.

Белинский читает Герцену своё письмо к Гоголю.

Рис. Б. Лебедева.

М. МОЛЕБНОВ.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

I.

Все, лично знавшие В. Г. Белинского 40-х годов, единодушно отмечают в нём «страстное желание быть всегда истинным», «склонность к полному высказыванию того, что ему казалось справедливым», оригинальность и самобытность его мысли, самостоятельность его суждений.

Эти качества Белинского ярко выступают и во всех его письмах, с первого—юношеского, до последнего—предсмертного.

В письме к М. В. Орловой (15 окт. 1843 г.) он говорит, что «с детства считал за приятнейшую жертву для бога истины и разума... поступить наперекор... общественному мнению там, где оно глупо или подло, или и то и другое вместе», что для него это—«божественное наслаждение».

Эти черты характера были свойственны Белинскому, как он сам признаётся, «с детства» и нашли своё яркое выражение в поведении Белинского — мальчика и юноши. Можно утверждать, что в годы формирования его мировоззрения наметились те основы его общественных взглядов, которые с такою полнотой и завершённостью были выражены в его статьях и письмах 40-х годов и в особенности в «Письме к Гоголю».

Уже в детстве и юности Белинского отличала самостоятельность взглядов, стремление и умение критически отнестись к мысли, высказанной его собеседником, к прочитанной книге, к жизненному явлению, факту, добиться во что бы то ни стало правильного разрешения всего того, что вызывало сомнение или являлось предметом спора. Несправедливость, в какой бы форме она ни выражалась, встречала с его стороны резкий отпор.

Д. П. Иванов, близкий родственник и школьный товарищ Белинского, в своих воспоминаниях о нём[1] сообщает, что ещё будучи учеником Чембарского уездного училища, двенадцатилетним мальчиком, Белинский выступил против учителя русского языка Василия Рубашевского, «любителя наказаний, розог, которые он употреблял иногда в виде ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потехи, совершенно невинного и прилежного мальчика; отодравши его немилосердно, старался потом успокоить поцелуями и щекоткою».

Белинский никогда не был «предметом этих диких любезностей бурсака-учителя». Тем не менее он выступил против издевательского отношения Рубашевского к ученикам, заставил вмешаться в это дело своего отца, который обратился с энергичными жалобами против «вандализма» учителя к смотрителю училища Грекову.

Д. П. Иванов отмечает, что мальчик Белинский выразил «благородное негодование» и «вмешался в дело не столько по участию к товарищам, которые были моложе его классом, но потому, что находил подобные поступки возмутительными», что «в этом поступке открывался зародыш тех убеждений в правах человечества, за которые всегда так горячо стоял Белинский».

На эти же черты характера Белинского указывает и И. И. Лажечников, бывший директором Пензенской гимназии и училищ губернии с 1821 по 1823 годы, впоследствии известный писатель, автор ряда имевших большой успех романов (особенно «Ледяной дом»). В своих «Заметках для биографии Белинского» он пишет, что в душе Белинского с ранних лет накипела... ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чём бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе».

Лажечников в 1823 году ревизовал Чембарское училище. На экзамене предстал перед ним 12-летний мальчик, худенький, маленький, но с прекрасно развитым лбом и светившимся в глазах разумом не по летам. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казённом руководстве—доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах». Лажечников обратил на юного Белинского особенное внимание, «занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною

[1] «Несколько мелочных данных для биографии В. Г. Белинского» и «Сообщения [Д. П.] Иванова при чтении биографии В. Г. Белинского [А. Н. Пыпина]». (Белинский, Письма, ред. Е. А. Ляцкого, т. III).

цепью», стараясь «сбить» его. Но Белинский «вышел из трудного положения с торжеством». Лажечников поцеловал мальчика в лоб, «с душевной теплотой приветствовал его» и подарил ему книгу с соответствующей надписью. Награду эту, как говорит далее Лажечников, Белинский принял «без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства».

Так обнаружил задатки своей богатой натуры двенадцатилетний Белинский, питающий отвращение к насилию над слабыми, активно вмешивающийся в жизнь, поражающий удивительной для такого возраста самостоятельностью мысли и чувством собственного достоинства.

Учитель Белинского-гимназиста М. М. Попов в своих воспоминаниях[1] сообщает, что у Белинского-юноши «взгляд и поступки были смелые, как бы говорившие, что он не нуждается ни в чьей помощи, ни в чьём покровительстве», что «он и в то время не скоро подавался на чужое мнение». «Дайте, подумаю, дайте ещё прочту»,—так ответил юный Белинский своему учителю М. М. Попову, прежде чем согласиться с его мнением о характере и значении только что появившейся в печати сцены «Келья в Чудовом монастыре» из трагедии Пушкина «Борис Годунов».

«Если же с чем он соглашался,—продолжает Попов,—то бывало, отвечал с страшной уверенностью: «Совершенно справедливо!»

Учебники, принятые в училище и гимназии, его не удовлетворяли. «Всё, что передавалось по системе заучивания, не шло ему в голову». Замечательно, что, ещё будучи учеником гимназии, он задумал написать учебник по грамматике, что впоследствии и исполнил. Вероятнее всего, эта мысль о собственном учебнике появилась у Белинского в связи с тем, что он, по свидетельству Ф. И. Буслаева («Мои воспоминания», 1897), выступил и в роли преподавателя русского языка в 1829 году, замещая вакантную должность учителя.

Влечение к литературе обнаружилось у Белинского в раннем детстве. Впоследствии он в шутливом тоне вспоминал о том времени, когда «ещё будучи мальчиком и учеником уездного училища,... в огромные кипы тетрадей, неумолимо, денно и нощно, и без всякого разбору, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станкевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и других...» Один этот перечень писателей, конечно, неполный, произведения которых знал ученик уездного училища,—свидетельствует об исключительной начитанности двенадцатилетнего мальчика, о «страсти к чтению», как утверждает Д. П. Иванов.

---

[1] Приведены Лажечниковым в «Заметках для биографии Белинского».

Учитель гимназии М. М. Попов говорит о Белинском-гимназисте, как о равном ему собеседнике. Ни с кем в губернском городе Попов так «душевно» не разговаривал о науках и литературе, как с юношей-гимназистом. По свидетельству того же Попова, Белинский «с жадностью» читал журналы, «всасывал» в себя их дух. Белинский беседует с своим учителем о Таците и Шекспире, Шиллере и Жуковском, «пристаёт» к нему с вопросами о Гёте, Вальтер-Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме. Но юноша Белинский не ограничивается только чтением книг, которые он «доставал, где только мог». На гимназической скамье началась и его литературная деятельность. По его собственному признанию, им в это время овладело «стихотворное неистовство». В письме к М. М. Попову он признаётся: «Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского». Но отличающая Белинского самостоятельность суждений относилась не только к тому, что он читал, но и к своим стихотворным опытам.

Позднее, когда Лажечников и Попов задумали издавать альманах и предложили Белинскому, 19-летнему студенту 1-го курса Московского Университета, прислать для напечатания его стихотворения, он решительно отказался от этого лестного и соблазнительного предложения. Он сумел критически отнестись к своим стихотворениям и нашёл в себе мужество со свойственной ему прямотой и откровенностью признаться, что он не поэт, что рифма ему «не даётся» и «смеётся над его усилиями».

«Имею пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому,—пишет Белинский Попову в ответ на предложение,—имею душу пылкую и, при всём том, не имею таланта выражать свои мысли и чувства лёгкими, гармоническими стихами».

Конечно, такое признание далось ему не без борьбы. Надо было испытать горькое чувство юношеского разочарования. В этом же письме Белинский пишет, что он «с горестью проклинает свою «неспособность писать стихами».

«В жизни юноши всякий час важен: чему он верил вчера, над тем смеётся завтра»,—говорит Белинский. Не до шутки было ему в то время, когда он, выступив сам судьёй и литературным критиком своих ранних стихотворных опытов, сделал заключение, что он «не рождён быть стихотворцем». К этому выводу он пришёл ещё несомненно во время пребывания в гимназии. В цитированном письме есть слова о том, что он, не желая идти «наперекор природе, давно уже оставил писать стихи». Поэтому он принялся за «смиренную прозу». Но и к прозаическим своим сочинениям Белинский относится так же критически, как и к стихам. Он пишет Попову, что у него есть «довольно много начатого—

Чембар. Дом, где жил Белинский в детстве. *Рис. Б. Лебедева.*

и ничего оконченного и обработанного, даже такого, что бы могло поместиться не только в альманахе, где сбирается всё отличное, но даже и в «Дамском журнале».[1]

Так начал свою литературную деятельность гимназист Белинский, так рождался в нём вместе с тем строгий критик, давший справедливую оценку прежде всего своим собственным литературным произведениям.

Для юного Белинского характерно и отрицательное отношение ко всякого рода житейским условностям и церемониям, к тому, что называлось «светскими приличиями». В воспоминаниях Щ. (Щетининой Н.) сообщается, что Белинский, приезжая на каникулы из гимназии, бывал в доме своих близких родственников Ивановых, где «поверял свои думы и впечатления молоденькой, симпатичной и нежно-кроткой Катеньке Ивановой, получившей достаточное образование в доме уездного аристократа-помещика». Белинский, как сообщает далее Щ., «осмеивал светские приличия, которые старалась ему внушить кроткая кузина». В этом отрицании «приличий» сказывается опять-таки правдивая натура Белинского, с раннего детства ненавидевшего ложь и фальшь, как бы и в чём бы они ни проявлялись. Впоследствии Белинский уже в Петербурге, будучи знаменитым критиком, не любил бывать в светском обществе. В 1843 году, когда он переписывался со своей невестой М. В. Орловой о том, где и как должна состояться их свадьба, Белинский решительно запротестовал против намерения его будущей жены венчаться в Москве «с шампанским и поздравлениями, с идиотскими улыбками... с чиновническими шутками и любезностями,... встречи с образом и поклона в ноги». Это для него «позорная пытка». «Это не только на яву,—пишет он,—но и во сне страшно увидеть—можно проснуться с седыми волосами!». Расхождение со взглядами невесты Белинский объясняет тем, что их разделяет в данном случае «воспитание, а не природа». Так шутливое «осмеивание светских приличий» в ранней юности перерастает у Белинского в прямое отвращение к ним.

В связи с этим примечательно ещё одно место в воспоминаниях Щ., где говорится о том, что «Виссарион свободно шутил над детски-религиозною верою стариков Ивановых», питая к ним в то же время «почти сыновнее чувство». Но совсем не шутливым является ответ Белинского, только что приехавшего из Пензы в Москву, на совет матери «ходить

[1] Следует отметить, что «первым» своим произведением Белинский считал драму «Дмитрий Калинин», как он сам указывает в предисловии к ней.

по московским церквам». «Вы хотите,—пишет он,—из меня сделать благочестивого, странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счёта нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься».

Отрицательное отношение Белинского к церкви определилось ещё в Пензе. Не случайно, что он систематически пропускает уроки закона божьего, получает единицу по этому предмету за успехи, двойку за поведение. Много позднее, в конце своей жизни, в «Письме к Гоголю», с необычайной силой убеждения Белинский выразит это своё отношение к религии.

В детстве и юности зародилось в нём чувство горячей любви к народу и родине.

В 1829 году Белинский описал своё путешествие в Москву, куда он приехал из родных краёв для поступления в университет. Свой «Журнал поездки в Москву» он заканчивает описанием своих переживаний при виде исторических памятников. Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади вызывает в нём чувство национальной гордости за героическое прошлое русского народа, доставляет ему «священные минуты».

Минин и Пожарский для юноши Белинского «два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские,—они одни решились спасти её, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчёты подлой корысти—и спасли погибающую родину... Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь».

Глубокое патриотическое чувство, взращённое в детстве и юности, с годами крепло и усиливалось. Спустя несколько лет, в 1839 году, Белинский пишет: «Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь». В письме к Боткину от 8 марта 1847 года он говорит: «Я—натура русская. Скажу тебе яснее: я русский и горжусь быть русским».

Наконец, в Белинском-гимназисте выработалось и отрицательное отношение к крепостному праву. Крепостных слуг, живущих в доме его отца, он считал за своих «домашних». В письме к брату из Москвы он просит передать поклон Акулине, Василию, Авдотье и Марье, и Ивану. Он просит

первым трём сказать, что он их любит и помнит, а последним передать, что, хотя он их не знает, но любит, потому что они «наши домашние». Под влиянием каких же жизненных впечатлений сложились демократические взгляды юного Белинского?

II.

Виссарион Григорьевич Белинский родился в Свеаборге, в 1811 году. Его отец, Григорий Никифорович, был сыном священника с. Белыни, Нижнеломовского уезда (ныне Пачелмского района), учился в Тамбовской семинарии. При поступлении в семинарию получил фамилию Белынский (по месту рождения), которую впоследствии Виссарион Григорьевич смягчил, заменив «ы» на «и».

Григорий Никифорович, однако, не захотел стать служителем культа. Он вышел из духовной семинарии и поступил студентом в Петербургскую медико-хирургическую академию, по окончании которой с 1809 года служил в Кронштадтских морских госпиталях, в Свеаборге и Риге. В Кронштадте он женился на дочери шкипера Иванова. В 1816 году Г. Н. Белынский перешёл на службу в родной край. Он был назначен уездным лекарем в г. Чембар, неподалеку от с. Белыни, где и прожил до конца своей жизни. Умер с 3 на 4 июля 1835 года. Семья Григория Никифоровича состояла из жены Марии Ивановны (умерла в августе 1834 года, в возрасте 41 года), трёх сыновей—Виссариона, Константина и Никанора и дочери Александры.

Пятилетним ребёнком Виссарион Григорьевич был привезён в Чембар. С 1816 по 1829 год, до 18-летнего возраста, —своё детство и юность,—он прожил в Чембаре и Пензе, никуда не выезжая за пределы Пензенской губернии. В Чембаре Белинский получил первоначальное образование у учительницы Ципровской. С 1822 по 1825 г, он учился во вновь открытом Чембарском уездном училище, а с осени 1825 по 1829 г.—в Пензенской гимназии.

Таким образом, настоящей родиной В. Г. Белинского был Чембар. Пять лет раннего детства в Свеаборге и Кронштадте не оставили никакого следа в его памяти.

В 1829 году он покинул Пензенскую губернию, выехав в Москву для поступления в университет. Лето 1830 года студент В. Г. Белинский провёл в Чембаре. Это было последнее его пребывание на родине. До конца своей жизни он сохранил тёплые воспоминания о родных местах, мечтая посетить их, но, как известно, эти мечты не сбылись, и дальнейшая связь с Чембаром поддерживалась через переписку с родными.

Чембар был типичным уездным городком, провинциальным «захолустьем». В официальном отчёте городничего

«О состоянии города и уезда за 1826 год» сообщается, что жителей в Чембаре 2.340 человек, каменных домов пять и 328 деревянных. По данным однодневной переписи, произведённой значительно позже—14 марта 1870 года, из 3.948 жителей города 2.808 были неграмотными. Основной массой населения Чембарского уезда в 20-х годах было крепостное крестьянство.

С малых лет юный «ястребок» зорко всматривался в окружающую жизнь, наблюдение за которой пока что ограничивалось кругом семьи, городом Чембаром и расположенными недалеко от него сёлами и деревнями, где жили помещики и крепостные. Но этот небольшой уголок России отражал в себе всё характерное и типическое для всей «страны рабов. страны господ».

Материала для наблюдений было достаточно. Неизгладимые картины крепостного права, произвола, чинимого 72 дворянскими семействами над 30.000 крепостных рабов, были наилучшими уроками жизни для впечатлительной души будущего «Неистового Виссариона».

Отцу Белинского приходилось участвовать в освидетельствовании крепостных, подвергшихся истязаниям. О судебных делах, возникавших в связи с бесчеловечным обращением помещиков с крепостными, В. Г. Белинский мог слышать не только от отца, но и от близкого родственника П. П. Иванова, служившего секретарём Чембарского уездного суда.

Совсем близко от Чембара находилось имение богатого влиятельного помещика А. Ф. Мосолова, отличавшегося крайней жестокостью в обращении со своими крестьянами. В доме А. Ф. Мосолова бывал отец Белинского. Слава о помещике-самодуре распространялась по всему уезду. Даже окрестные помещики звали его «соловьём-разбойником», а крестьяне проще—«живодёром».

В Пензенском Облгосархиве хранится дело об убийстве этого «живодёра» его крепостными в 1842 году. Доведённые до отчаяния крепостные пытались сначала отравить помещика, но это не удалось: попался плохой мышьяк, и Мосолов отделался рвотой. Через некоторое время, ночью, семь дворовых, мужчин и женщин, задушили его.

В своих воспоминаниях «Из колыбели замечательных людей» («Живоп. обозр.», 1898, № 92) П. К. Шугаев сообщает и о родной сестре этого помещика, жившей в с. Поляны, недалеко от Чембара, также стяжавшей известность изуверскими истязаниями крепостных. По свидетельству Шугаева, она была заживо сожжена своими крепостными. В. Г. Белинскому, несомненно, приходилось много слышать о нравах ещё одного Мосолова, бывшего чембарским уездным судьёй.

Отправка ссыльных в Сибирь.

Рис. Б. Лебедева.

с которым отец Белинского был связан по своему служебному положению.

Кроме Мосоловых, было много и других помещиков, не уступавших им в приёмах мучительства по отношению к своим крепостным.

Были и другие впечатления у Белинского-мальчика. В раннем детстве, а затем и гимназистом Белинский часто посещал село Владыкино, где он «жадно слушал сказки и воспоминания о походах 100-летнего солдата суворовских времён».

От участников войны 1812 года он узнавал о победе русского народа над полчищами Наполеона. Общее количество воинов, выставленных Пензенской губернией в 1812 году, исчислялось в 22.000 человек, что составляло $^{1}/_{19}$ мужского населения губернии. Пензенские ополченцы с победоносными знамёнами прошли через Голштинию, Мекленбург, Пруссию. 14 апреля 1815 года они вернулись в Моршанск. Среди возвратившихся были юноши 16—17-летнего возраста, были и седобородые воины вроде 60-летнего крестьянина села Поляны, Чембарского уезда Матвея Серова, заслужившего два георгиевских креста. Рассказы вернувшихся из похода о героическом подвиге, совершённом русским народом в 1812 году, Белинский не раз слышал в родных краях.

Всё это рождало в мальчике Белинском тот патриотизм, которым отличалась его «натура русская», и усиливало в нём ненависть к угнетателям народа, в замечательную будущность которого он твёрдо верил.

В развитии Белинского большую роль имело влияние отца. В воспоминаниях Д. П. Иванова Григорий Никифорович рисуется человеком, стоящим выше окружающего его провинциального общества. «Совершенно чуждый его предрассудков, притом склонный к остротам и насмешке, он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения и о людях, и о предметах, о которых им и подумать было страшно». Он смело обличал притворство, был свободен от религиозных предрассудков, не ходил в церковь, любил читать Вольтера. Бедных лечил не только бесплатно, но снабжал лекарствами и даже деньгами. Но при всём этом характер отца Белинского был недоверчивым и подозрительным «в высшей степени». Это было причиной тяжёлых семейных сцен, болезненно переживавшихся Виссарионом. Тем не менее, в одном из студенческих писем он пишет, что его (отца) «почти он один умеет понимать и ценить».

Это признание нельзя недооценивать: положительные стороны характера и поведения отца не могли не оказывать влияния на правильное понимание наблюдаемых мальчиком фактов и их оценку.

III.

В августе 1825 года из Чембара, маленького уездного городка, «не лучше посредственного села», по выражению Лажечникова, приехал в Пензу и поступил в гимназию 14-летний юноша Виссарион Белинский, сын чембарского штаб-лекаря. В гимназии он пробыл три с половиной года. Последний раз имя Белинского встречается в ведомости об успехах учеников 3-го класса за февраль 1829 года. В этой ведомости вместо отметок об успехах против его фамилии директор гимназии Протопопов написал: «За нехождением не рекомен.»

Годы учения Белинского в Пензенской гимназии расширили и дополнили круг наблюдений над произволом помещиков, губернского и уездного начальства. События на Сенатской площади 14 декабря 1825 года совпали с пребыванием в Пензе ученика 1 класса гимназии Виссариона Белинского. Не сразу, конечно, известие о восстании декабристов дошло до Пензы и Чембара. Но слухи о нём распространялись в народе, несмотря на «меры пресечения», усердно применявшиеся начальством.

Среди арестованных по делу декабристов был Анненков, имения которого находились в Мокшанском и Городищенском уездах, Громницкий из Керенского уезда. В Пензу из следственной комиссии пересылаются для передачи родным вещи члена Южного общества Барятинского. В Саранск ссылается под «неослабное секретное наблюдение» поручик Жемчужников, родственник А. А. Тучкова, из числа лиц, «прикосновенных к делу о злоумышленных обществах». Наконец, непосредственно с Чембарским уездом были связаны декабристы Беляевы, сосланные на каторжные работы в Сибирь. Семья братьев Беляевых—мать и пять сестёр—жили в с. Ершове, Чембарского уезда. В Чембарском же уезде, в селе Голодяевке, с августа 1827 года жил Горсткин, тоже «прикосновенный к делу о злоумышленном обществе». В январе 1826 года он был арестован в Москве, где служил советником Губернского правления, отправлен в Петербург и после четырёхмесячного заключения в Петропавловской крепости был освобождён, но находился под «тщательнейшим надзором». В августе 1827 года ему разрешили жить в его имении при селе Голодяевке. Ежемесячно, по личному предписанию Бенкендорфа, доставлялись в третье отделение сведения «о поведении и образе жизни его». Было дано распоряжение, чтобы Горсткин «никуда из имения сего не отлучался». В январе 1828 года ему было разрешено бывать в Чембаре, куда он несколько раз приезжал по судебному делу с помещицей Мосоловой. В ноябре 1828 года Горсткину разрешено было жить в Пензе «попрежнему под бдительным

надзором». Но в течение нескольких лет Горсткин продолжает жить в своём имении при селе Голодяевке, время от времени приезжая в Пензу на несколько дней. Впоследствии Горсткин содержал в Пензе драматический театр.

Следует отметить, что Гр. Ник. Белынский бывал часто в с. Голодяевке. Так, в одной ведомости «о занимающихся прививкою предохранительной оспы» за 1828 год он сообщает, что в апреле, мае, июне и июле 1828 г. им лично сделана 41 прививка «по городу Чембару и сельце Голодяевке». Не исключена, таким образом, возможность и личного общения Г. Н. Белынского с Горсткиным.

Биографы Белинского объясняют охлаждение его к учению и преждевременный, до окончания курса, выход из гимназии тем, что он, с одной стороны, ещё в 1828 году задумал поступить в университет, с другой— неудовлетворительностью постановки обучения в гимназии и непривычными для гимназистов строгостями, начавшимися с вступлением нового директора Протопопова, назначенного в 1828 году. Вероятнее всего было бы предположение, что мысль об оставлении гимназии зародилась у Белинского, главным образом, под воздействием гнетущей обстановки, которая создалась в гимназии вскоре после 1825 года и которую честная и самостоятельная натура Белинского вынести не могла.

Не Протопопов, разумеется, ввёл «непривычные строгости». Они начались значительно раньше и были отражением общей политической реакции.

Директор гимназии Протопопов был, повидимому, только отличным исполнителем предначертаний свыше, более последовательно и прямолинейно вводя новые порядки, чем это делали его предшественники.

Столкнувшись при самом вступлении на престол с появлением новой свободной мысли, Николай I определил её в манифесте 19 декабря 1825 года как «заразу» и пришёл к мысли о необходимости преобразовать школьное дело, что и было поручено вновь образованному Комитету по устройству учебных заведений во главе с министром народного просвещения Шишковым. Новый царь вполне сошёлся со своим министром, утверждавшим, что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы».

Было бы, конечно, ошибочным предполагать, что только с начала царствования Николая I начались «строгости». Ещё задолго до 1825 года начинаются распоряжения, всё усиливавшие религиозное воспитание в гимназиях. В 1824 году Шишков, уже бывший тогда министром народного просвещения, с «высочайшего утверждения» приказал исключить из числа преподаваемых предметов политические науки, уменьшить число уроков по поэзии.

Таким образом, предпринятые Шишковым меры против «заразы» под влиянием событий 14 декабря проводились ускоренными темпами и распространялись решительно на все стороны учебной жизни. По гимназическому уставу 1828 года в перечне наказаний для учащихся допущены для трёх младших классов розги, как мера «желательная и полезная», по мнению Шишкова. Сословность была резко подчёркнута. В 1827 году Николай I приказал, чтобы в университеты, гимназии принимали только людей свободного состояния. Одно из учебных правил гласило, что дети, принадлежащие разным сословиям, «не могут быть воспитываемы вместе».

В учебной жизни Пензенской гимназии эти новые охранительные тенденции не замедлили сказаться и, пожалуй, с большей силой, чем в гимназиях других округов вследствие того, что попечителем Казанского учебного округа, в ведении которого находилась Пензенская гимназия, был назначен Магницкий.

Зеленецкий в «Историческом очерке Пензенской 1-й гимназии» пишет, что «при Магницком главнейшей целью образования в гимназии было поставлено развитие в детях религиозного чувства и воздвигнуто гонение на всё, что не согласовалось с библейским учением».

В 1824 году Магницкий предписал переводить по латинскому языку из Фомы Кемпийского «О подражании Христу». В 1826 году (при Белинском) от учителей истории требовалось: «для сравнения с упоминаемыми в истории лицами брать примеры из Библии, Четьи миней и других церковных учителей».

В 1828 году воспитание в религиозном духе было усилено. Ученики до начала классных занятий читали евангелие, а в воскресенье и праздничные дни собирались в гимназию для слушания того же евангелия.

Этот рутинный дух мог бы быть ослаблен наличием способных, опытных и любящих своё дело преподавателей. Но они во времена Белинского были редки. Господствовала система заучивания. Как сообщает в своих воспоминаниях Иванов, Знаменский, учитель истории и географии, удовлетворялся только дословными ответами по книге. К чести этого преподавателя следует, однако, отнести то, что он с похвалою и одобрением относился к тому ученику, который дополнял свой рассказ какими-нибудь новыми подробностями, заимствованными из других книг. С особенным вниманием Знаменский выслушивал Белинского, который отличался своей начитанностью и мастерством изложения. По окончании рассказа учитель нередко обращался к своему ученику с наивным вопросом: «Скажите, откуда вы это вычитали?» Белинский называл источник, и учитель рассыпался

Экзамен в Чембарском училище.

Рис. Б. Лебедева.

в похвалах... Что мог дать Белинскому этот добрый, простодушный, но ограниченный человек?

Белинский больше всего интересовался русской словесностью, но руководителя в гимназии он нашёл себе плохого. Учитель Яблонский «твёрдо зазубрил всевозможные риторики... Большею частью забивал он учеников хитрыми упражнениями на фигуры и тропы, как будто учил выделывать из слов разные фокусы... Вероятно, с того времени риторика ему (Белинскому) и опротивела».

Единственным «светлым явлением» среди преподавателей гимназии был учитель естественной истории М. М. Попов. В своих воспоминаниях он рисует Белинского юношей, выделявшимся из среды своих товарищей большою начитанностью и самостоятельностью суждений.

Могла ли гимназия удовлетворить Белинского при его неудержимом порыве к знанию? «Ум Белинского,—говорит Попов,—мало выносил из школьного учения».

В 1830 году Белинский, уже студент словесного отделения Московского университета, написал драму или, как он сам её называет,—драматическую повесть «Дмитрий Калинин».

Она представляет большой интерес, так как в ней Белинский со всею страстностью своей натуры выступил против крепостного права.

В момент создания драматической повести «Дмитрий Калинин» она была ему дорога, как первое детище его литературных опытов (первое—достойное напечатания). Белинский переживал истинный восторг вдохновения. Он испытывал «редкие минуты восторга», его оживляла «искра божественного огня», «животворного восторга», его грудь волновалась «каким-то тревожным чувством неизъяснимого беспокойства». В этой драме он желает «показать своё сердце». Надеясь, что его сочинение не будет лишним в литературе, хотя драма его есть «первое, несвязное лепетание младенца»,—Белинский далёк от желания заслужить «жалкую мелочную известность» и пишет единственно с целью выразить «внутренний мир самого себя», «мир собственных мыслей и чувствований». Так высказывается Белинский о своём первом литературном произведении в предисловии к «Дмитрию Калинину».

Ещё Пыпин отметил по поводу этой драмы, что настроение молодого Белинского исходило из опытов и впечатлений, встреченных в жизни провинциального захолустья, что Белинский нашёл подкладку для своей драмы в помещичьем и крепостном быту. Венгеров также указывает, что «живая действительность ворвалась в книжность замысла». Пыпин и Венгеров, высказывая такие предположения, имели в

виду слова Белинского в письме к отцу по поводу окончания этой драмы: «Вы увидите многие лица, довольно вам известные. Но вперёд говорить нечего: когда напечатается, тогда имеющие уши слышать, да слышат».

И действительно, внимательное чтение драмы позволяет установить, что в основе её лежат реальные образы и события, имеющие прямое отношение к пензенским и чембарским нравам и лицам.

Прежде всего внимание привлекает образ главного действующего лица драмы Дмитрия Калинина. Он формально сын дворового крепостного помещиков Лесинских, но, как обнаруживается впоследствии, «незаконный» сын помещика Лесинского, живёт в Москве. После смерти помещика Лесинского ему приказывают возвратиться в имение, так как в барском доме «недостаёт лакеев для служения при свадебном столе».

На протяжении драмы Дмитрий произносит монологи, направленные против крепостного права, против всякой сословности вообще, защищает свободу чувства.

Таков Дмитрий Калинин — герой драмы под тем же заглавием.

В своё время нами были просмотрены дела Пензенской гимназии с ведомостями об успехах учеников за время с 1825 по 1829 год. В них встречается имя и фамилия ученика Дмитрия Калинина. В одной из полугодовых ведомостей об успехах, в графе—«Имя и звание родителей»—против фамилии Дмитрия Калинина значится: «дворовый человек Егор». Герой драмы и ученик гимназии, реальное лицо,—носят одно и то же имя, отчество и фамилию (в драме горничная Лесинских Лиза называет Калинина Дмитрием Егоровичем). И тот и другой—дети дворовых людей. Оба получают образование, необычное для них. Это замечательное совпадение заставило, естественно, присмотреться к «живому лицу»—Калинину-гимназисту. Установить удалось следующее. Он поступил в гимназию в одно время с Белинским—в августе 1825 года, проучился 1825—26 учебный год вместе с Белинским же и, по малоуспешности, был оставлен на второй год в 1-м классе. Будучи второгодником, Д. Калинин учится сносно, получает время от времени по некоторым предметам хорошие отметки. Но в списке учеников 2 класса за 1827—28 уч. год, в котором он должен быть, а равным образом и во всех остальных списках учеников за этот и последующие годы Дмитрий Калинин не значится. Он выбыл. Однако нигде не сохранилось никаких данных, объясняющих причину ухода или увольнения его из гимназии.

Неизвестно, каким образом сын «дворового человека Егора» оказался в стенах гимназии. Одно необходимо учесть, что среди гимназистов он занимал совершенно исключитель-

ное положение: он был единственным крепостным, обучавшимся в гимназии. Явление крайне редкое.

Почему бросил учиться Д. Калинин? Никаких указаний в документах, как сказано выше, нет. Тем не менее, не лишено будет некоторого основания предположение, что на его судьбу повлияла усилившаяся охранительная тенденция, проводимая правительством Николая I. Именно к 1827 году, когда бросил учиться Калинин, относится специальный рескрипт Николая I, данный на имя министра народного просвещения Шишкова. В нём, между прочим, говорится: «до сведения моего дошло, что часто (!) крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двоякий: с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей в классах...; с другой стороны, отличнейшие из них по прилежности и успехам приучаются к роду жизни, к образу мысли и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного становятся для них несносны и оттого они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям».[1]

Но какова бы ни была причина выбытия Калинина из гимназии, интерес всё-таки не столько в нём, сколько в Белинском. Важно пока установить, что Калинин единственный из учеников гимназии—крепостной. Как относился к нему Белинский? Имеющиеся данные позволяют утверждать, что Белинский, повидимому, хорошо знал своего товарища по классу и—что особенно важно, — повидимому дружил с ним.

Внимательный просмотр всех ведомостей (более 30) об успехах за 1825—26 учебный год установил, что Калинин и Белинский сидели весь год вместе, на одной скамье. Подтвердить этот факт, очень важный для характеристики мировоззрения 14-летнего юноши Белинского,—оказалось легко.

Списки учеников в ведомостях составлены не по алфавиту. Каждый преподаватель составлял список, переписывая учеников по-своему: один начинал переписывать их по местам, ими занимаемым, с одной стороны, другой преподаватель—с другой. Один, так сказать, от двери, другой от окна. Только этим и можно объяснить, что Белинский и Калинин, по спискам преподавателей, как правило, идут то под №№ 1 и 2, то под №№ 24 и 25, реже—под №№ 23 и 24, 25 и 26, но неизменно рядом.

---

[1] Алешинцев. История гимназического образования в России. СПБ, 1912, стр. 110.

Из школьной практики хорошо известно, что значит сидеть рядом. Соседа обыкновенно выбираешь. Если же соседство случайно, то оно устанавливает большую интимность в отношениях друг с другом, чем с остальными учениками класса. Проходит много, много лет, уже почти забыты фамилии многих товарищей, еле вспоминаются при беседе о далёких школьных годах лица некоторых из них, но лицо соседа, с которым просидел хоть один год, его привычки, его манера ходить, говорить, его характер—врезаются в память и при воспоминании становятся отчётливыми. Такими приятелями представляются нам Белинский и Калинин. Часто они действуют согласованно. Оба не изучают немецкого языка, французского языка, оба пропускают одинаковое количество уроков по тому или иному предмету. Возможно, что и вне стен школы они были связаны.

Во всяком случае, важен тот факт, что Белинский сел и просидел весь учебный год на одной скамье с единственным из учащихся всей гимназии крепостным. Правда, дворян в гимназии было мало. Большую часть учащихся составляли дети чиновников. Но разве они не были заражены так называемыми сословными предрассудками? Многие бы из них сочли для себя позором сидеть рядом с крепостным. Ведь сесть рядом с ним—значило подчеркнуть своё отношение в условиях того времени не только к нему, как Калинину, а значительно больше—к крепостному крестьянству, бросить маленький, но в то же время яркий вызов всей «общественности» класса. Белинский это сделал...

Является ли Калинин-гимназист прототипом Калинина—героя юношеской драмы Белинского? К сожалению, мы располагаем немногими данными, но совпадение, отмеченное выше, знаменательно.

Неизвестна судьба Калинина-гимназиста после того, как он бросил учиться. Возможно, что она в чём-то была похожа на судьбу героя драмы. Вопрос этот требует, разумеется, дальнейших исследований.

Вместе с тем, нельзя, конечно, утверждать, что Белинский копировал действительность. При всей художественной незрелости драмы в целом, в ней есть страницы, представляющие большой литературный интерес по простоте языка и реализму обрисовки взаимоотношений помещиков и крестьян. Несомненно, что Белинский заставляет своего героя высказывать свои мысли с присущим ему самому неистовством и жаром. Д. Калинин—«голова пылкая и безумная», он «мечется из крайности в крайность» и «не попадает на счастливую середину». Д. Калинин тянется «ко всему прекрасному». В уста Д. Калинина Белинский влагает страстные, протестующие речи против крепостного права. Он не

может выносить слово «раб». С присущим ему пафосом он говорит: «Окованный цепями рабства, буду бессильными руками рвать их, грызть зубами, и, орошая их кровавою пеною ярости, изрыгать адские проклятия на моих тиранов... они не будут торжествовать мою гибель, и ежели я погибну, то не иначе как только вместе с ними».

В другом месте драмы Дмитрий Калинин с негодованием восклицает: «Кто дал это гибельное право—одним людям порабощать своей властью волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу?.. Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его как скота, выменять на собаку, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью и со всем, что для него мило и драгоценно». Но герой драмы не ограничивается только возмущением против крепостного права.

В драме есть отзвуки радищевских революционных призывов. В том месте драмы, где Сурский (одно из действующих лиц) утверждает, что нельзя нарушать законы и обычаи отечества, освящённые веками, что эти законы и обычаи справедливы, Д. Калинин с убеждённостью восклицает: «Нет, несправедливы!.. Когда законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и должен нарушать их».

Конечно, это слова самого Белинского. Мы не будем больше «догадываться», в какой степени Калинин-гимназист повлиял на создание образа Калинина—героя драмы. Мы устанавливаем только, что между совершенно реальным фактом дружбы с крепостными и сильнейшим протестом против крепостного права в драме, при пока что несколько загадочном совпадении имени, отчества и фамилии, некотором сходстве в биографии того и другого, есть безусловная связь. Но это «только» проливает свет на мировоззрение Белинского-юноши, почти мальчика. В 14 лет он оказался человеком, впитавшим в себя и переработавшим в своём сознании такие жизненные впечатления, которые внушили ему презрение и ненависть к величайшему позору современной ему жизни.

В драме Белинского протест против крепостного права нашёл яркое выражение в сценах, изображающих издевательство помещиков над крепостными, и в зарисовке образов дворян и крепостных. Дворяне—жестоки, грубы, невежественны, полны глупейшего чванства. Крепостные—честные и кроткие люди, страдающие от «дикого барства».

Помещица Лесинская, госпожа Дмитрия Калинина, отличается необычайной жестокостью. Об этом прежде всего свидетельствуют слова старого слуги Ивана: «Теперь

нас человек с пять передрали на конюшне: иную за то, что гарелку разбила, иную, что самовар упустила, инова, что смел оправдываться... Кричат, плачут, молятся, а Андрей Петрович (сын Лесинской) только изволит приказывать: «Эй, прибавь на калачи, прибавь на калачи!». А если кто плохо бьёт, как того учнёт из своих рук катать орапельником... На старости лет до чего дожил: порют, как какую собаку... такое житьё, хоть околевай, да и только... Иной охотник собак лучше кормит, как нас барыня».

Но Лесинская в способах наказания изобретательна. Белинский изображает одну из сцен подобного рода. Мы имеем в виду тот приём наказания, который она употребила по отношению к горничной Лизе. Вина Лизы заключалась в том, что она стала оправдываться, «когда барыня говорила, что она виновата».

За это она была наказана.

— «Лесинская: Да ты ещё вздумала вывёртываться, так вот же тебе (бьёт её по щекам). Да нет, ты не стоишь того, чтобы я марала об тебя свои руки. Эй, старый чёрт, отхлопай её, да смотри хорошенько, а не то ведь самого велю отодрать на конюшне».

«Старый чёрт»—это Иван, старый слуга покойного Лесинского. Лиза ему приходится внучкой. Он отказался бить Лизу и за это был выпорот на конюшне. Картины «тиранства» нарисованы реалистически, без всяких романтических прикрас, простым языком.

Откуда Белинский мог знать так хорошо бытовую жизнь помещичьей усадьбы? Как уже было сказано выше, недалеко от Чембара находились имения А. Ф. Мосолова и его сестры, убитых своими крепостными.

С. А. Венгеров, в связи с этим, высказал предположение, что прототипом Лесинской и является помещица Мосолова. Но, повидимому, не только она, но и её брат Мосолов.

В драме «Дмитрий Калинин» помещица Лесинская, ругая слуг, ссылается на своего брата, как на помещика, умеющего держать крепостных в повиновении:

— «Ох, грубияны, пожили вы бы у моего братца Филиппа Андреевича. Нет уж, у него не так бы заговорили! Он до полусмерти колотит вашего брата, да не смей рта разинуть, не смей слова пикнуть. Коли станет орать, али плакать, так вдвое велит приударить».

В архивном деле об убийстве помещика А. Ф. Мосолова имеются показания его дворовых.

Эти показания отражают невозможные условия их жизни у Мосолова.

— «Удушение совершили единственно из одной строгости, ибо нам девкам не позволялось даже подходить и к окошкам, не только выйти из комнаты и всегда за всякую вину или по капризам девка девку секла... он со всех взыскивал за всякую вину...»

Так показывает одна из участниц убийства

Особенно доставалось молодому лакею Африканту, которого барин бил «непрестанно за всякую малость». Мать Африканта, страдая за сына, и оказалась, в сущности, душою заговора против барина.

Следует отметить, что излюбленным, повидимому, методом наказания у Мосолова являлся именно тот, который применила Лесинская к Лизе, заставив Ивана отхлопать её по щекам. Все дворовые, которым приходилось на допросе касаться жестокого обращения с ними барина, указывают на этот способ, как постоянно применявшийся Мосоловым

Иевлий Березкин, камердинер Мосолова с 1820 года, говорит: «за день же до кончины позвали меня к барину: он велел себя остричь, а старик Пётр Кузьмин обрил ему бороду; во время стрижки и бритья бороды барин сидел без всякой поддержки и как я после стрижки не снял с плеч остриженных волос, то барин приказал дать мне за то 15 оплеух, что и исполнил Пётр Кузьмин».

Федосья Иванова показывает, что всех девок, находившихся при барине, он наказывал за каждый пустяк, «т. е. приказывал одна другую сечь палками так, что и палки всегда стояли в углу в гостиной, где он лежал».

Будучи больным, Мосолов особенно свирепствовал:

— «Иногда неловко станем переворачивать, стал наказывать палками, т. е. секли одна другую лозоков по двести и более». Любопытно, что данная барином мимоходом оплеуха за наказание не считалась. Федосья Иванова показывает:

«Однако ж он её ударил рукою и больше с нею ничего не делал, т. е. не наказывал».

Наказать—значило высечь девкам друг друга, дать друг другу 15 оплеух.

В том, что в воспроизведении картин крепостного права Белинский использовал несомненно известные ему рассказы о зверствах Мосолова, убеждает и то обстоятельство, что действие драмы он прикрепляет к имению именно Мосолова.

Действие третье драмы «происходит в городке, находящемся в трёх верстах от деревни Лесинского. Что это за городок? Это «проклятый городишко», где Дмитрий и Сурский насилу могли найти горенку, в которой ещё таки можно

жить». Приятель Сурского «служил чиновником особых поручений и заведует несколькими городами здешней губернии, в числе которых находится и этот». Как видно, городишко этот уездный.

Городок этот, конечно, Чембар.

Имение А. Ф. Мосолова находилось в селе Тархове, на таком же примерно расстоянии от Чембара.

Таким образом, вполне очевидно, что Белинский наделил Лесинскую многими чертами жестокого крепостника—чембарского помещика Мосолова. Становится понятной фраза в письме Белинского к отцу: «Вы увидите многие лица, довольно вам известные».

Правильное же решение вопроса о прототипе Лесинской заключается в том, что Белинский использовал наблюдения над целым рядом лиц и фактов, давших ему возможность создать образ, т. е. в форме единичного, индивидуального дать обобщённое отражение действительности.

Чем больше будет собрано материала о «прототипах» образов (не только Лесинской) драмы Белинского, тем лучше, так как это позволит яснее представить, насколько широк был круг его наблюдений, тем значительнее будут выводы, утверждающие, что юношеская драма Белинского создавалась на основе продуманных и осмысленных впечатлений, вынесенных им из наблюдений именно над чембарской и пензенской действительностью.

В связи с этим следует указать, что в 1924 году Р. И. Шор в статье «К источникам «Дмитрия Калинина», помещённой в сборнике «Венок Белинскому» («Новая Москва», 1924), высказал неверную, грубо тенденциозную мысль, предположив, что драма Белинского «Дмитрий Калинин» является подражанием... трагедии второстепенного немецкого драматурга Эрнста Раупаха «Изидор и Ольга». Такое предположение находится в прямом противоречии прежде всего со словами самого Белинского в письме к отцу. Не западным образцам подражал Белинский, а воспроизводил в своём раннем произведении подлинную, живую действительность, которая и легла в основу его драмы «Дмитрий Калинин».

Ничего удивительного нет, что при исключительной начитанности и самостоятельности в суждениях и поведении Белинский уже в Чембаре выработал, под воздействием картин окружающей жизни, свой взгляд на крепостное право. Не это ли обстоятельство заставило его при поступлении в гимназию учинить «демонстрацию» — сесть рядом с крепостным, а потом выразить своё негодование против крепостнического строя в драме «Дмитрий Калинин»? Итак,

Пенза. Здание гимназии, где учился Белинский. *Рис. Б. Лебедева.*

начал он свою жизнь с протеста против крепостного права, протеста исключительно смелого и сильного для того времени. Кончил тем же, т. е. гневным протестом против крепостнических условий русской жизни.

От «Дмитрия Калинина» до «Письма к Гоголю»—таков славный путь «Неистового Виссариона».

IV

В книге Т. Дынник «Крепостной театр» (Academia, 1933) приводятся интересные данные о количестве крепостных театров по различным губерниям, относящиеся к началу XIX века.

Пензенская губерния по этим данным идёт непосредственно после Московской и Петербургской, занимая третье место, а из провинциальных—первое. В Пензенской губернии в это время было 8 крепостных театров, из них три—в городе Пензе. Крупнейшим из них был театр Гладкова, дававший спектакли в течение 23 лет подряд, с 1806 до 1829 года. Два другие театра просуществовали недолго.

Советское искусствоведение проявляет исключительный интерес к «крепостной интеллигенции»—актёрам, композиторам, поэтам.

Этот интерес вызван не только драматизмом их жизненной судьбы, но и той ролью, которую они сыграли в развитии русского искусства.

Такое внимание к искусству крепостных понятно: оно отвечает давно назревшей потребности в специальном изучении его истоков.

В области сценического искусства исключительная роль актёров из крепостных не подлежит сомнению. Талантливый русский народ выдвинул из своей среды множество замечательных актёров и актрис, сыгравших видную роль в развитии сценического искусства. Достаточно назвать имя великого М. С. Щепкина.

Но в истории русского театра имели значение не только отдельные актёры из крепостных. Часто целые труппы крепостных играли лучше «вольных». Театры Шереметева, Дурасова не уступали императорским, а в некоторых отношениях и превосходили их.

Владельцы Пензенского крепостного театра Гладковы (отец и сын) отличались крайней жестокостью в обращении со своими крепостными. В 1828 году (В. Г. Белинский в это время был в Пензе) группа дворовых покушалась на жизнь своего барина, но неудачно. Покушавшиеся были наказаны плетьми и сосланы в Сибирь. Следствие вскрыло

невероятные факты насилия и зверства со стороны помещика.

Крепостным актёрам и актрисам приходилось постоянно испытывать на себе властную руку деспота.

Во время представления Гладков (сын), как сообщают мемуаристы, нисколько не стесняясь присутствием публики, «изрыгал громы на какого-нибудь «царя» или «героя», в лице известного крепостного Григория, называя его дураком или скотиной, а то, внезапно сорвавшись с места, грозно летел на сцену, чтобы чинить немедленную расправу с провинившимся актёром или актрисой посредством пощёчин и зуботычин».

П. А. Вяземский, бывши проездом в Пензе и посетив театр Гладкова в 1827 году, сожалеет о том, что «пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они дурно играли или не понравились помещику».

Белинский-гимназист неоднократно наблюдал такие сцены.

Невольно вспоминается выразительный портрет В. Г. Гладкова, изображённый В. А. Инсарским[1].

«Фигура его (В. Г. Гладкова), не в обиду будь сказано, была крайне непривлекательна и носила печать праздной беспутной жизни небольших помещиков того времени. Он очень походил на цыгана. Чёрный и красный, чёрный от природы, красный, или лучше сказать багровый, от постоянных кутежей, Гладков был небольшого роста, немножко пузат, с большой головой, покрытой чёрными волосами. Во всех манерах было что-то зверское, отталкивающее.

Видно было, что он не остановится ни перед каким скандалом. Нечего и говорить, что он был постоянно в подпитии».

Труппа в начале существования театра состояла исключительно из крепостных и лишь впоследствии, в 20-х годах, в театре Гладкова играли любители из семинаристов и приказных, женская же часть труппы всё время состояла только из крепостных. Остались неизвестными фамилии крепостных актёров и актрис Гладковского театра, за исключением одного Григория Сулейманова. Остальные, о которых есть упоминания в свидетельствах современников, известны под именами Данилки, Мишки, Машки—первой танцовщицы, Сашки и Катьки—певиц. Из любителей, принимавших участие в представлениях, известны двое—Бурдаев и Кондрагаров—пензенские приказные. Сведения о них относятся к 20-м годам.

---

[1] В. А. Инсарский. «Половодье. Картины провинциальной жизни», СПБ, 1875.

Сделать заключение об общем впечатлении от спектаклей крепостного театра Гладкова можно на основании воспоминаний Вигеля,[1] Инсарского и Вяземского[2]. Но при оценке этих воспоминаний следует иметь в виду, что они относятся к разным моментам существования театра, довольно далеко отстоящим друг от друга по времени.

Впечатления Вигеля относятся к первым годам существования театра. Они безотрадны: «эти представления я видел, но что сказать мне о них? Даже вспомнить и жалко и гадко».

Инсарский и Вяземский знали Гладковский театр в 20-х годах. Их отзывы совершенно противоположны отзыву Вигеля. Инсарский называет его «оригинальным», «замечательным», «самым редким из всевозможных театров». Наиболее определённый и одновременно благосклонный отзыв даёт П. А. Вяземский. «Вообще,—говорит он,—мало карикатурного и, должно сказать правду, на Московском театре, в сравнении столицы с Пензою и прозваньем императорским и Гладковским, более нелепого чем здесь».

Несовпадение в оценке Вигеля и Вяземского могло произойти от того, что Вяземский был в этом театре лет на 15—20 позже, чем Вигель. За этот срок игра актёров могла окрепнуть, общая постановка театральных представлений улучшиться. Были и декорации и сценические эффекты. В одной из пьес, «Отец и дочь», сцена представляла дремучий лес, сверкала молния. Ставились спектакли, требовавшие богатых декораций. В «Калифе на час» театр представлял великолепные чертоги. Как выглядели эти «великолепные чертоги» на сцене Гладковского театра, как справлялся он с молниеносными превращениями, постоянной переменой декораций в «Русалке»—сказать трудно. Но положительный отзыв Вяземского по поводу виденного им спектакля позволяет утверждать, что и здесь было «мало карикатурного». Таким образом, крепостной театр Гладковых был не плох. При наличии недурных исполнителей, надлежащего оборудования сцены, постановка представления, хотя и не достигала художественного совершенства, но и не падала так низко, чтобы можно было исключить возможность эмоционального воздействия на зрителя.

Некоторые же актёры были, несомненно, по-настоящему талантливыми исполнителями. Таким был актёр Григорий Сулейманов, который, судя по воспоминаниям Инсарского, пользовался большим успехом, многие находили его талантливым.

---

[1] Ф. Ф. Вигель. «Записки». М. 1928.
[2] П. А. Вяземский. «Полное собрание сочинений». СПБ, 1882.

Вяземский отметил в своих воспоминаниях крепостную актрису театра Гладкова Сашу, как лучшую певицу в труппе. Он нашёл её «недурной собою и немногим, а может быть, и ничем не хуже наших императорских».

Автор «Записки о Пензенском театре» («Репертуар и Пантеон», № 3, 1846) утверждает, что впоследствии из театра Гладкова вышло несколько таких артистов, «живая и художественная игра которых сделала бы честь сцене и не Пензенского театра».

Здание крепостного театра находилось в центре города, на огромной усадьбе Гладкова (рядом с нынешним Домом пионеров на улице Кирова). В театре были партер, четырёхместные и шестиместные ложи и, так называемый, раёк (галёрка).

Кто же был постоянным посетителем театральных представлений, любителем и настоящим ценителем их?

Живейший интерес проявляли к театру местные чиновники. Последние не ограничивались тем, что усердно посещали представления, но и принимали непосредственное участие в них. Каждый из них считал для себя обязательным испробовать свой талант в какой-либо роли и, когда его не оказывалось, уступал место другому. Эти господа, по заверению Инсарского, «менялись, как в панораме» на сцене Гладковского театра. Некоторые из них—Бурдаев и Кондрагаров—сделались постоянными исполнителями, пользовались успехом. Понятно, что местные чиновники, так тесно связанные с театральной сценой, были частыми посетителями театра.

Была и другая часть зрителей, заполнявшая раёк.

Инсарский рассказывает о том, как он, в ранней молодости, познакомился с райком. «Кондрагаров был первым виновником моего знакомства, ещё в самом раннем детстве, с райком Гладковского театра.

— Приходи в театр и жди меня у кассы, я тебя проведу, —скажет бывало Кондрагаров,—и вот заберёшься спозаранку в театр и ждёшь с волнением радостной минуты.

Вдруг среди толпы, осаждающей кассу, появляется Кондрагаров, сам уже закостюмированный, намазанный, как чучело, набелённый и нарумяненный, возьмёт меня за руку и поведёт в самый верх, казавшийся мне тогда действительно раем».

Не подлежит сомнению, что толпа, осаждавшая кассу театра, состояла из посетителей райка. Около кассы толпилась, главным образом, учащаяся молодёжь—семинаристы и гимназисты, — жаждавшая проникнуть за заветные двери. В этой толпе находился, конечно, и Белинский-гимназист, страсть которого к театру, развившаяся впоследствии до

поглощающего увлечения, проявилась впервые в Пензе, под непосредственным воздействием игры крепостных актёров помещика В. Г. Гладкова.

О страстной привязанности гимназиста Белинского к театру сообщают в своих воспоминаниях Иванисов, товарищ Белинского по гимназии, и Д. П. Иванов, проведший, как и Белинский, детские годы в Чембаре, поступивший годом позже его в Пензенскую гимназию, родственник его. В Пензе Д. П. Иванов жил вместе с Белинским, ездил вместе с ним на каникулы в Чембар. Воспоминания Д. Иванова очень ценны своей видимой достоверностью и теплотой отношений к Белинскому.

Иванов, рассказывая о домашней жизни Белинского в Пензе, вне гимназии, сообщает, что жили они, Белинский и Иванов, на одном дворе с группой семинаристов.

«По приезде моём в Пензу и соединении с ним и семинаристами мы квартировали и очень долго в Верхней Пешей улице, довольно видной и чистой, застроенной порядочными домами и выходившей на Соборную площадь, самую лучшую часть города. Хозяином нашим был мещанин, Яков Аврамович Петров, пожилой вдовец. У него был большой деревянный с мезонином дом, обращённый фасадом на улицу и занятый тогда сыном его, учителем рисования в гимназии, Иваном Яковлевичем Петровым; справа от этого дома на особенном небольшом дворе, оканчивавшемся маленьким фруктовым садом, построены были три флигеля, из которых в одном, состоявшем из двух с кухнею комнат, помещался сам хозяин с кухаркою; в другом, в одну большую комнату, жили семинаристы, в числе четырёх или пяти человек, и наконец часть третьего флигеля, состоявшую из одной довольно просторной комнаты, занимали Белинский и я; другая половина этого флигеля занята была кухнею и людскою учителя Петрова».

Судя по описанию Иванова, эта группа учащейся молодёжи составляла очень своеобразный «кружок», где преобладали литературные, философские и общественные интересы. Имена членов этого «кружка» стоит назвать: автор воспоминаний Д. П. Иванов, два земляка по Чембару А. С. Голубинский и М. С. Меридианов, учившиеся в Пензенской семинарии «в классе реторики, или философии», братья Соколовы Василий и Николай Гавриловичи, уроженцы Саратовской губернии, тоже семинаристы, К. И. Воздвиженский, чиновник удельной конторы.

Вот ближайшее окружение юноши Белинского.

Д. Иванов признаёт, что общение с этими людьми было очень полезно и для него и для Белинского. «Все обитатели общей квартиры были люди смирные, трезвые, трудолюбивые; никогда не было у них шумных вакханалий, тех неистовых

оргий, которые нередко происходят в кругу взрослой молодёжи, живущей на свободе... Не малую пользу приносили Белинскому оживлённые споры и беседы семинаристов о предметах, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни; при этих спорах он не всегда был только простым, внимательным слушателем, но принимал в них и сам деятельное участие; от таких прений возрастала и развивалась та неотразимая диалектическая сила в споре, которою всегда отличался Белинский, и против которой, действительно, трудно было устоять».

Иванов сообщает интересные сведения о дальнейшей судьбе некоторых друзей Белинского—Голубинского и Меридианова, которые считались «отличнейшими учениками в семинарии по учению и по поведению, оба, по окончании курса в семинарии, вступили казённо-коштными студентами в Казанский Университет и вышли из него лекарями первого разряда на обязательную службу в армию».

Голубинский и Меридианов, выходцы из среды духовенства, свернувшие с жизненного пути своих отцов и, вероятно, дедов, вынашивали, конечно, мысль об иной дороге, ещё учась в Пензенской семинарии. Их интересы, понятно, были шире круга интересов обычных семинаристов, у которых проблема «отцов и детей» не возникала. Иванов утверждает, что центром «кружка» был юноша Белинский. «Сколько помню, семинаристы, жившие с нами, считали себя в литературных познаниях ниже Белинского и настолько доверяли его вкусу, что нередко просили его выслушать школьные произведения пера своего. Белинский, бывало, читал им вслух статьи из добытых им журналов, сообщал свои мнения и воззрения, делился впечатлениями; особенными соучастниками этих чтений были Голубинский и Николай Соколов, очень даровитые люди».

Но наибольший интерес, судя по сообщению авторов воспоминаний, возбуждал театр. Иванисов («Воспоминания о Белинском», «Московские ведомости», 1861, № 135) сообщает, что Белинский «страстно любил театральные зрелища и часто посещал Пензенский театр, который содержал тогда помещик Гладков». Иванов говорит именно тоже о страсти, которую питал Белинский и его товарищи к театру. «Самое лучшее, соединявшее все вкусы, удовольствие доставлял театр; страсть к нему не была исключительною принадлежностью одного Белинского: она в равной, если не в большей, степени овладевала душою всей учащейся молодёжи, и семинаристов в особенности; я очень хорошо помню наружность двух бурсаков Пензенской семинарии, Сахарова и Кандачарова, которые вышли чуть ли не из последнего богословского

курса для того, чтобы поступить на сцену... Когда у Белинского недоставало собственных денег для театра, он прибегал к займам, которые всегда уплачивались при получении из дома денег».

Для того, чтобы яснее представить себе, какое место в жизни юноши Белинского занял театр, приведу следующее сообщение Иванова: «Мы четыре раза в году приезжали в Чембар для свидания с родными: на Рождество, масленицу, Пасху и летнюю вакацию; за нами присылали нарочных лошадей с покойным экипажем и надёжных проводников из дома моих родителей; очень редко случалось отправляться домой с так называемой оказией. Впрочем, на масленицу Виссарион оставался большею частью в Пензе, не желая затруднять себя и родных кратковременной поездкой и надеясь провести сырную неделю спокойнее в уединённой квартире за книгою и побывать лишний раз в театре».

Отказ от заманчивой перспективы поездки в «покойном экипаже» домой на масленицу ради того, чтобы «побывать лишний раз в театре» свидетельствует об исключительном интересе к спектаклям крепостной группы Гладкова.

И ещё один штрих, очень характерный для отношения Белинского к театру. «По небрежности и беспечности, свойственной тогдашнему его возрасту, он не обращал внимания на свою внешность и не заботился отдать в свободное от ученья время портному свою одежду для починки, требовавшей небольшой затраты тех денег, которыми Белинский располагал для театра». Иванов утверждает, что Белинскому-гимназисту нравилась «искусная постановка» пьесы Сумарокова «Дмитрий Самозванец», «увлекательное исполнение роли Лжедимитрия талантливым актёром Григорием Сулеймановым». Известно, что «Белинский спорил с семинаристами о достоинстве произведений Сумарокова и Хераскова». Мемуаристы, к сожалению, более точных сведений о содержании этих споров не сообщают, но о них можно догадываться.

Профессор Благой («Ист. русск. литературы XVIII в.», 1946) характеризует трагедию «Дмитрий Самозванец», как первую у нас политическую трагедию, где тема «тиранства взята в общеполитическом плане», где речь идёт о царской власти и проводится идея о том, что «в монархе важны именно добрые дела, а не царская порода», что царь не имеет права посягать на естественное право—свободу и имущество своих подданных. В трагедии Сумарокова был выражен и мотив патриотизма в осуждении Дмитрия, изменника родине, выдавшего Россию и русский народ польским панам и римскому папе.

На сцене Пензенского театра Белинский видел трагедии Озерова «Эдип в Афинах» и «Дмитрий Донской», образ которого явился центральной фигурой классической трагедии в первую треть XIX века. Темы трагедии Озеров разрабатывал так, что зрители видели в них и современный интерес. В эпоху борьбы с Наполеоном патриотические мотивы «Дмитрия Донского» оказались особенно близки публике.

Следует предположить, что споры Белинского с семинаристами касались не только чисто литературных достоинств виденных на сцене трагедий. Белинский, ценивший прежде всего идею произведения писателя, спорил, конечно, и по поводу политических проблем, выдвинутых драматургами.

Своё увлечение театром Белинский и его друзья переносили из Пензы в Чембар во время рождественских и летних каникул.

«Нередко,—говорит Иванов,—во время святок и летней вакации устраивались в нашем доме спектакли: однажды, на Рождестве, разыграли мы оперу Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик, сват ». Хорошо помню, что роль мельника исполнял семинарист Михаил Семёнович Меридианов, роль молодого крестьянина, Анкудина, другой семинарист Аркадий Степанович Голубинский, роль Анюты, невесты этого крестьянина, играл я, как самый младший из актёров; на долю Белинского выпала роль отца Анюты, но кто играл жену его, урождённую дворянку, я совершенно не помню; арии свои Виссарион передавал неискусным речитативом, потому что к музыке и пению был совершенно неспособен. На вакации 27 или 28 года мы давали на домашнем театре своём серьёзную пьесу: драму Шекспира «Отелло», но в переводе с французской искажённой переделки этого творения великого английского драматурга, состроенной Дюси. Здесь искажены не только многие подробности, монологи, но и самые имена действующих лиц без всякой нужды заменены другими: вместо Дездемоны является Эдельмона, вместо злодея Яго—Пезарро, вместо глупой жены его Амалии, выставлена какая-то наперсница Дездемоны—Эмилия. Роли были распределены так: 1. Венецианский дож—старший брат мой, Алексей Петрович Иванов, неизменный издетства друг и приятель Виссариона Григорьевича, 2. Брабанцио, сенатор, отец Дездемоны—семинарист М. С. Меридианов, 3. Отелло—семинарист А. С. Голубинский, 4. Яго или (по Дюси) Пезарро—В. Г. Белинский, 5. Дездемона (по Дюси Эдельмона)—пишущий эти строки, 6. Кассио—второй старший брат мой, Николай Петрович Иванов, 7. Амалия или (по Дюси) Эмилия—брат Виссариона, Константин Григорьевич Белинский. Немые роли сенаторов, солдат исполняли канцелярские чиновники земского суда».

Выбор драматических произведений—знаменитой оперы Аблесимова и трагедии Шекспира—указывает на то, что театральные вкусы организаторов домашнего театра были выше обычного уровня «любителей», что организаторы, они же актёры, не склонны были дать забавное зрителю, потешить его. На всей этой «забаве» лежит печать серьёзности. Иванов дальше сообщает, что «роли были разучены превосходно» и что городская публика пришла «в восторг». Наибольший успех выпал на долю Голубинского, Меридианова и Белинского, который «с большим старанием приготовлялся к спектаклю: просил других выслушивать его монологи, сходился с Голубинским для повторения своих с ним сцен; сопровождая речь свою приличными телодвижениями, он становился перед большим зеркалом и вообще исполнял роль свою с большим одушевлением». С «искусством и правдоподобием» исполнял свою роль Голубинский.

Белинский не позволил ни себе, ни другим отнестись к «домашнему» спектаклю безответственно.

Итак, «большое одушевление», с каким относился Белинский к театральному зрелищу, увлечение им, перешедшее, по словам его биографов, в страсть, зародилось в Пензе под воздействием игры крепостных актёров.

Нельзя поэтому признать случайным то обстоятельство, что первым произведением Белинского, предназначенным им для печати, явилось драматическое произведение «Дмитрий Калинин».

Белинский выбрал для своего первого выступления драматический жанр, что следует признать явлением вполне закономерным. Выбор именно этого жанра обусловлен впечатлениями от Пензенского театра. Игра крепостных актёров зародила в Белинском то увлечение сценическим искусством, которое он пронёс через всю свою жизнь. Спустя всего пять—шесть лет после того, как Белинский-гимназист сидел в зрительном зале Пензенского театра, он в своём первом литературно-критическом выступлении—«Литературных мечтаниях»—посвятил вдохновенные страницы театру:

«Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его; то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?

Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?»

Этот «энтузиазм», «исступление» было свойственно Белинскому-гимназисту, всему пензенскому «кружку» учащейся молодёжи, душою которого был будущий великий

критик. Самостоятельность мысли юного Виссариона, отмеченная Лажечниковым и Поповым, подтверждается интересными воспоминаниями Д. П. Иванова. В спорах по поводу прочитанных журнальных статей, художественных произведений, театральных пьес, шедших на сцене крепостного театра, определялись общественно-литературные взгляды Белинского-гимназиста.

* * *

Статья не претендует на исчерпывающее изложение темы «Белинский и Пензенский край». Тем не менее полагаем, что и приведённый материал может быть использован для биографии великого критика, революционера-демократа В. Г. Белинского, в которой этой теме следует уделить должное внимание.

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ

Публикуемые в настоящем сборнике документы к биографии В. Г. Белинского отобраны из материалов Пензенского областного государственного архива. Документы расположены в тематико-хронологическом порядке и распределены между пятью темами-отделами:

1. Сведения о городе Чембаре и Чембарском уезде, относящиеся к 1826 и 1836 году.

2. Материалы о семье Белынских.

3. Ведомости Чембарского уездного училища и Пензенской гимназии.

4. Личные документы В. Г. Белинского.

5. Документы о том, как отмечалась в Пензе 50-летняя годовщина со дня смерти В. Г. Белинского.

Сведения о Чембаре и Чембарском уезде включают данные о количестве и социальном составе жителей, об учебных заведениях и промышленности в уезде. Хотя этот отдел незначителен по количеству документов, но последние дают общее представление о городе Чембаре, который по своему внешнему облику, по выражению И. И. Лажечникова, был «не лучше посредственного села». Сведения по этому отделу даны за 1826 и 1836 годы, как наиболее полно представленные в архивных документах.

Документы второго отдела содержат материалы, относящиеся к семье Белынских. Они позволяют составить представление о среде, из которой вышел В. Г. Белинский. Многочисленна была его родня, состоящая из сельских попов, дьячков и пономарей, в массе своей грубая и невежественная. Эту среду Белинский хорошо знал. Следует предположить, что из наблюдений над нею исходит та убийственная характеристика, которую он впоследствии дал русскому духовенству и отношению к нему народных масс в знаменитом «Письме к Гоголю». В этот же раздел входят документы, относящиеся к биографии Григория Никифоровича Белынского: его формулярный список, несколько свидетельств, выданных им Чембарскому уездному суду после медицинского осмотра крестьян, пострадавших от истязаний помещиков.

Эти «дела», о которых, конечно, было много разговоров в семье, знакомили В. Г. Белинского с жестокостью и деспотизмом крепостнического режима, воспитывали ненависть к нему.

Представляют интерес документы из фонда Пензенской врачебной управы, дополняющие скудные сведения о врачебной деятельности Григория Никифоровича, его взаимоотношениях с губернским медицинским ведомством, которому он непосредственно был подчинён. Большое значение имеет документ, показывающий тяжёлое материальное положение русских врачей по сравнению с врачами-иностранцами. В нём отмечена «неуравнительность» между жалованьем, получаемым русскими врачами и служащими по контрактам врачами-иностранцами, хотя «польза службы от них та же, какая и от своих врачей», не уступающих им по своим знаниям и опыту. Из публикуемых документов выясняется, что из-за недостатка врачей Григорий Никифорович вынужден был обслуживать не только Чембарский, но ещё один уезд—Керенский.

Очень характерны документы, относящиеся к апрелю—июню 1835 года. Пензенская врачебная управа в лице оператора Радекера, исполнявшего должность инспектора управы, и акушера Фризе (оба—иностранцы) обвиняет Г. Н. Белынского в «бездеятельности», вызывает его для личных объяснений в «присутствие», в Пензу, угрожает ему увольнением от службы. Хозяйничавшие в врачебной управе немцы чванливо поучали Белынского русской речи, издевались над языком его рапортов, указывая, что своей речью, в которой «не имеется ни подлежащего (субъекта) ни сказуемого слова (предиката)» он «срамит учёное сословие», к которому «по званию своему причислен».

Документы свидетельствуют о прямом преследовании Белынского со стороны Радекера и Фризе, которые, видимо, настойчиво добивались его устранения. 13 июня 1835 года Г. Н. Белынский вынужден был подать рапорт об увольнении от должности. Документы эти относятся к последним месяцам жизни Г. Н. Белынского. В это время он был уже смертельно болен, чем и объясняется несвязность его письменной речи и то, что некоторые деловые бумаги он отсылал «без означения года, месяца, числа и номера».

Радекер и Фризе не давали умирающему Г. Н. Белынскому покоя буквально до самой смерти. Свой рапорт об увольнении он подал за три недели до кончины.

В действиях Радекера и Фризе поражают исключительная безжалостность, бессердечие, отсутствие элементарного внимания и чуткости к умирающему шестидесятилетнему старику, прослужившему более тридцати лет врачём.

Не случайно, что иностранцы Радекер и Фризе, как только был получен рапорт от Белынского об увольнении,

незамедлительно обращаются к губернатору с просьбой о назначении чембарским уездным врачём своего ставленника—немца Фёдора Христиановича Цвернера, хотя у Цвернера в это время отсутствовал необходимый для определения на службу документ—формулярный список...

Заканчивается эта переписка сообщением Радекера и Фризе губернатору о донесении чембарского городничего, уведомившего управу, что «тамошний штаб лекарь Белынский июля с 3 на 4 волею божиею помре».

В третьем отделе, самом обширном, опубликованы документы о годах учения В. Г. Белинского в Чембарском уездном училище и Пензенской гимназии.

В Чембарском уездном училище Белинский находился с 1822 года по 1825 г., но в фонде дирекции Пензенских училищ сохранилась лишь одна ведомость со сведениями об успехах Белинского. Однако из этой единственной ведомости имеется возможность сделать вывод о том, что Белинский учился в Чембарском училище хорошо, так как его имя значится среди лучших по успеваемости учеников. Публикуемый список принятых в Чембарском училище учебников, относящийся к последнему году пребывания в нём В. Г. Белинского, характеризует программу и содержание занятий в училище.

Большим количеством документов представлены годы учения Белинского в Пензенской гимназии (1825—1828). Это месячные и полугодовые ведомости об успехах, поведении, посещаемости учеников и о пройденном учебном материале. Все ведомости полностью не сохранились. Отсутствуют ведомости за 1825—1826 учебный год, частично за 1827 и 1828 г.г., но и дошедшие до нас дают полную возможность ознакомиться с постановкой учебного дела в гимназии, с программами по каждому предмету, учебниками, характером преподавания, отношением учащихся к изучаемым предметам. Просматривая публикуемые ведомости, легко убедиться, что к урокам по закону божьему В. Г. Белинский никакого интереса не проявлял, избегал их, математику не любил, а история, видимо, была его любимым предметом.

Полугодовые ведомости дают сведения о социальном происхождении учащихся гимназии, характеризуют окружение Белинского-гимназиста. Учились в гимназии преимущественно дети разночинцев, детей дворян почти не было. Дворяне, видимо, не желали смешивать своих детей с детьми небольших чиновников, купцов, мещан. Именно поэтому дворянство Пензенской губернии в начале 40-х годов открывает своё учебное заведение—Дворянский институт, куда детей разночинцев не принимали.

В 1825—1827 г.г. среди гимназистов был даже один

крепостной, «сын дворового человека Егора»—Дмитрий Егорович Калинин, возможно, прототип главного действующего лица юношеской драмы Белинского—«Дмитрий Калинин». Герой драмы носит те же фамилию, имя и отчество, что и Калинин-гимназист. За ярко выраженный антикрепостнический характер драмы Белинский, как известно, был исключён из Московского университета.

Четвёртый отдел—личные документы В. Г. Белинского. Они заключаются в деле «О дворянстве детей покойного коллежского ассесора Григория Никифоровича Белынского».

В этом деле имеются два автографа В. Г. Белинского. Один—его подпись на доверенности, данной им своему родственнику Н. П. Иванову 12 августа 1843 года. Другой автограф—расписка В. Г. Белинского от 30 января 1848 года в том, что им получено извещение о включении его в дворянскую родословную книгу.

Чин отца Белинского, коллежского ассесора, давал право его детям на потомственное дворянство. Вскоре после смерти Григория Никифоровича (1835 г.) возбуждают ходатайство об утверждении в дворянстве брат В. Г. Белинского Константин—в 1837 г. и сестра—в 1838 г. В. Г. Белинский не делает никаких попыток в этом направлении до 1843 года. Он начинает хлопотать об утверждении его в дворянстве лишь после рождения сына и дочери, желая избавить детей от приписки их к «податному сословию». Это дело тянулось пять лет и закончилось, как видно из расписки-автографа, только за полгода до смерти В. Г. Белинского.

Внесён в родословную книгу он был без членов семьи, один, и вдове Белинского пришлось снова хлопотать о дворянстве для дочери. Как относился Белинский к начатому делу об утверждении в дворянстве, видно из его письма от 1844 г. к Д. П. Иванову, где он проклинает своё дворянство, которое пришлось ему «солонее и хуже всякого мещанства».

Среди личных документов В. Г. Белинского, находящихся в рассматриваемом деле, публикуется письмо из канцелярии великого князя Константина Павловича — ответ Г. Н. Белынскому на его просьбу к князю быть восприемником новорожденного сына Виссариона; справка, выданная в августе 1829 года «благородными дворянами» города Чембара; справка Пензенской консистории о том, что Г. Н. Белынский вместе со всей семьёй значится в исповедных книгах Чембарской Николаевской церкви; копия свидетельства о браке В. Г. Белинского с М. В. Орловой в 1843 году и о рождении у них дочери Ольги в 1845 году, выданная Петербургской духовной консисторией.

Документы пятого раздела характеризуют отношение

правительственных кругов к памяти В. Г. Белинского в 1898 году, в связи с 50-летием со дня его смерти. Имеются только три документа. Но эти три документа важны. Они говорят о том, как боялось царское правительство влияния идей Белинского на молодёжь, о ненависти, которую оно питало к имени великого критика. Правительственные круги были явно обеспокоены растущей популярностью Белинского, несмотря на всевозможные «препоны и рогатки» цензуры.

Просьба директора Пензенской 1-й гимназии о разрешении отметить 50-летие со дня смерти Белинского панихидой и литературными чтениями, поставить портрет в актовом зале гимназии и чугунную статую перед зданием гимназии доходит через попечителя округа и министра народного просвещения до самого Победоносцева, известного мракобеса и черносотенца.

Попечитель учебного округа, «согласно с мнением статс-секретаря Победоносцева», не разрешает устроить панихиду. Кое-что разрешается, но с соблюдением установленных на то порядков и правил. Так, литературные чтения можно устроить, но «разрешение означенных чтений должно быть поставлено в зависимость от их характера», если же они будут публичные, то разрешение будет зависеть от соглашения окружного начальства с губернатором. В лучшем случае разрешение будет дано на чтение такое, чтобы «направление литературной деятельности Белинского было освещено и с отрицательной стороны». Такой характер носила официальная бумага, полученная директором Пензенской гимназии от своего непосредственного начальства. А «конфиденциальная» бумага, полученная директором от попечителя, запрещает по существу в какой бы то ни было форме участие учащейся молодёжи в чествовании памяти Белинского.

Не менее характерна в этом отношении переписка Пензенской городской управы «О чествовании памяти писателя В. Г. Белинского по случаю 50-летия со дня его смерти и постановке ему памятника в городе Пензе». Попытки прогрессивной части пензенской общественности отметить юбилейную дату возможно более широко встретили решительное возражение со стороны правительственных кругов.

Комиссия по организации чествования памяти В. Г. Белинского предполагала пригласить в Пензу не только родственников Белинского, «именитых и официальных лиц», представителей сословий, земских и городских управлений Пензенской губернии, но и представителей от университетов страны, Академии наук, литературных и учёных обществ. Но тщетны оказались ссылки на то, что Белинский—«знаменитый критик и публицист», что Белинский имеет огромное значение для русской литературы.

Министр внутренних дел, как это видно из отношения Пензенского губернатора от 10 апреля 1898 года на имя Пензенского городского головы, считал это «неуместным».

Ходатайство о разрешении «учредить в г. Пензе музей имени Белинского» также было отклонено.

«Преждевременным» нашёл министр внутренних дел и «включение в программу торжеств закладки фундамента или самого открытия памятника Белинскому». Министр выразил сомнение в том, что проект памятника получит «высочайшее утверждение».

Проект памятника был изготовлен скульптором М. Я. Капланом, жившим в Париже. 16 ноября 1905 года Каплан пишет Пензенскому городскому голове письмо, в котором есть такие строки: «Отношение министра внутренних дел в 1898 году против воздвижения памятника Белинскому в г. Пензе и все принятые меры воспрепятствовать этому воздвижению, принудили меня прервать на время работы памятника и ждать более благоудобного времени».

Так правительственные круги царской России делали всё, чтобы воспрепятствовать достойно почтить память великого сына русского народа.

* * *

Работа над выявлением документов и подготовка их к изданию велась сотрудниками Пензенского областного госархива в течение пяти лет. Она была начата в 1942 году под руководством кандидата филологических наук В. С. Нечаевой. В то время В. С. Нечаевой были выявлены, подготовлены к печати и снабжены вводной статьёй: личные документы В. Г. Белинского, часть публикуемых документов о семье Белынских и годах учения В. Г. Белинского в Чембарском училище и Пензенской гимназии, а также материалы о проведении в Пензе 50-летней годовщины со дня смерти В. Г. Белинского.

Дальнейшее выявление документов и подготовка их к печати велись под руководством начальника архивного отдела И. С. Фёдорова и декана факультета языка и литературы Пензенского Педагогического института М. П. Молебнова. Непосредственное участие в работе по выявлению документов, их систематизации и подготовке к печати принимали сотрудники архива: С. Г. Кузнецов, М. П. Бубнова, Т. А. Кузнецова. Вводная статья и комментарии к документам написаны М. П. Молебновым.

Все документы печатаются по новой орфографии. В прямых скобках даны окончания слов, недописанных в тексте документов и расшифровка археографом слов, не поддающихся прочтению.

I.

СВЕДЕНИЯ

О ГОРОДЕ ЧЕМБАРЕ И ЧЕМБАРСКОМ УЕЗДЕ

СТАТИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ, СТРОЕНИЙ И ПР. ГОРОДА ЧЕМБАРА И ЧЕМБАРСКОГО УЕЗДА ЗА 1826 ГОД.[1]

	В городе	В уезде
Дворян	10	72
Разночинцев	1076	53
Купцов	61	—
Мещан и цехов	189	—
Священно и церковнослужителей	30	470
Казённых крестьян	928	11186
Татар	—	3012
Свободных земледельцев	—	23
Помещичьих крестьян	46	29356
	2340	44172
Домов каменных	5	—
„ деревянных	322	—
Церквей каменных	1	23
„ деревянных	1	10
Мостов	2	36
Мельниц	2	83
Питейных домов	5	15
Ярмонок	2	2

[1] Пензенский Облархив. фонд № 5. дело 1214. лист 26

В дальнейшем в сносках будут указываться только номера фондов, дел и листов.

Таблица составлена 20 мая 1826 года для Нижегородского, Казанского, Симбирского, Саратовского и Пензенского генерал-губернатора и подписана гражданским губернатором Ф. П. Лубяновским.

ЧИСЛО СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ

	Казённых	Помещичьих
Селений	30	90
Дворов	3581	7458
Лошадей	8666	21083
Рогатого скота	5628	13308
Овец	30226	58496
Пожарных сараев	11	12
Почтовых трактов	1	—
Почтовых станций	3	—
Этапных помещений	3	—
Станционных домов	1	—
Волостных правлений	5	

О ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЧЕМБАРСКОМ УЕЗДЕ ЗА 1826 ГОД[1]

Фабрики и заводы	Число	Сила завода
Суконные	1	8000 аршин
Свечные воскобойные	1	60 пудов
Винокуренные	1	12600 вёдер

ОБ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ГОРОДЕ ЧЕМБАРЕ ЗА 1836 ГОД[2]

	Сколько учебных заведений	В них учеников	
		Мужского	Женского
Уездное училище	1	35	—
Приходское училище	1	18	—

---

[1] Фонд № 5, дело 1214, лист 30, 31.

Таблица составлена 20 мая 1826 года для генерал-губернатора и подписана Пензенским гражданским губернатором Ф. П. Лубяновским.

[2] Фонд № 5, дело 2219, лист 26.

Ведомость составлена 17 августа 1836 года и подписана директором Пензенских училищ Григорием Протопоповым.

Чембарское уездное училище, в котором учился В. Г. Белинский, было открыто 15 сентября 1822 года. Дело с постройкой здания и открытием училища тянулось в течение десяти лет. Только благодаря энергичному вмешательству И. И. Лажечникова, бывшего директором Пензенской гимназии и училищ Пензенской губернии с 1821 по 1824 г.г., постройка здания была закончена.

II.

МАТЕРИАЛЫ О СЕМЬЕ БЕЛЫНСКИХ

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА О ПРИЧТЕ СЕЛА БЕЛЫНИ.[1]

1795 года марта 2 дня скаска Верхоломовской округи села Белыни двоештатной Покровской церкви о священно и церковнослужителях штатных и заштатных и о их жёнах и детях обоего пола.

При означенной двуприходной Покровской церкви а именно штатные	Мужеска: По последней ревизии написаны были	Мужеска: И с того числа после ревизии до ныне разными случаями выбыли	Мужеска: Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными	Женска: По последней ревизии написаны были	Женска: И с того числа после ревизии до ныне разными случаями выбыли	Женска: Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными
	Л	е	т	а		
2-й священник Никифор Трифонов	44	—	57			
у него жена Агриппина Гаврилова	—	—	—	42	умре в 785 году[2]	
у него дети, написанные в последнюю пред сим ревизию Андрей произведён оной же округи в село Студенку во дьячка						

[1] Фонд 182, дело 270, листы 62—63

[2] Имеется в виду 1785 г.

При означенной двуприходной Покровской церкви а именно штатные	Мужеска: По последней ревизии написаны были	Мужеска: И с того числа после ревизии до ныне разными случаями выбыли	Мужеска: Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными	Женска: По последней ревизии написаны были	Женска: И с того числа после ревизии до ныне разными случаями выбыли	Женска: Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными
	Л	е	т	а		
Козьма обучается с 794 года в семинарии	2	—	15			
дочь Ксения	—	—	—	7	–	20
рождённой после ревизии Григорий	—	—	9			
2-й дьячёк Пётр Алексеев, произведенный в 794 году на место бывшего в прежнюю ревизию в штате отца своего дьячка Алексея Трифонова но уволенного за старостью от должности которой ниже сего в заштатном и показан	12	—	25			
у него жена Прасковья Петрова взятая Чембарской округи села Аргамакова дьяконова дочь	—	—	–	—	—	21
у них дети рождённые после ревизии						
Гаврила	—	—	2			
дочери						
Екатерина	—	—	—	—	—	году
Марфа	—	—	—	—	—	2 месяцев
Заштатной						
вышеписанный дьячёк Алексей Трифонов уволенный от должности в 794 году	52	—	65			
у него жена Ирина Артёмова взятая Нижеломовской округи села Владыкина попова дочь	—	—	--	52	—	65
у них дети написанные в последнюю пред сим ревизию Пётр определён к сей церкви как выше значит во дьячка Иван выбыл в Наровчатский Сканов монастырь в монашество дочери Ксения	—	—	—	17	—	29
Авдотья выдана в замужество оной же округи села Пачелмы за пономарёва сына						

О старшем сыне священника села Белыни Никифора Трифонова Андрее Никифорове, дяде В. Г. Белинского, находятся сведения в деле № 270 на листе 71, в ревизской сказке № 52, «Верхоломовской округи, села Студёнки, одноштатной Петропавловской церкви»:

«Дьячёк Андрей Никифоров оной же округи, села Белыни, попов сын, произведён в 791 году на штатное и убылое место лет по последней ревизии 12, ныне 24. У него жена Матрёна Алексеева, взятая в 790 году города Верхнего Ломова однодворческая дочь. Лет ныне 25».

В опубликованной ревизской сказке совершенно не упоминается старшая дочь Никифора Трифоновича Мария Никифоровна, семья которой играла большую роль в биографии Белинского. Это объясняется тем, что в ревизию 1782 года Мария Никифоровна не жила в доме отца, так как в 1781—1782 г. вышла замуж в село Нивешкино.

Имеется ревизская сказка № 125, церкви села Нивешкина, Чембарской округи, в которой среди других членов причта значится: «Дьякон Яков Фаддеев 48 лет. У него жена Агафья Дмитриевна взятая Верхо-Ломовской округи, села Новой Толковки, попова дочь, 48 лет. У них дети, написанные в последнюю ревизию, Степан—16 лет, взят по разбору 784 года в ведомство гражданское. Андрей—10 лет обучался с 787 году в семинарии, но из оной в 788 году вышел по желанию своему, а по увольнению откоман[дирован] в Московский почтамт в почтальона»..

«Степанова жена Марья Никифорова 17 лет вышла по разбору 784 г. в ведомство гражданское». Марья Никифорова и её муж Степан Яковлевич—родители Федосьи Степановны по мужу Ивановой, семья которой была близка В. Г. Белинскому в детские и юношеские годы. Брат Степана Яковлевича—Андрей Яковлевич Нивешкинский был впоследствии помощником пензенского губернского почтмейстера. Его навещал В. Г. Белинский во время учения в гимназии.

ИЗ РЕВИЗСКОЙ СКАЗКИ О ПРИЧТЕ СЕЛА БЕЛЫНИ ЗА 1811 ГОД.[1]

В селе Белыне означенная двоештатная Покровская церковь деревянного здания построена в 1787 году, при коей были и ныне налицо состоят священно и церковнослужители	Лета		
	По последней ревизии состояли	Из того числа выбыли	Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными
Священник Гаврил Тимофеев женат	26		42
у него дети	вновь		
Пётр	рождён-		6
Иван	ные		году

[1] Фонд 182, дело 629, листы 47, 48.

В селе Белыне означенная двоештатная Покровская церковь деревянного здания построена в 1787 году, при коей были и ныне налицо состоят священно и церковнослужители	Лета		
	По последней ревизии состояли	Из того числа выбыли	Ныне налицо с прибылыми и вновь рождёнными
Священник Никифор Трифонов от должности за старостью в 1797 году уволен у него дети	57		73
Козьма	15	Взят по разбору 1797-го года в военную службу	
Григорий	9	Выбыл в гражданское ведомство по желанию его из Тамбовской семинарии 1804-го года в штатскую службу	

Указание об отце В. Г. Белинского: «Выбыл в гражданское ведомство по желанию его из Тамбовской семинарии 1804-го года в штатскую службу» не совсем точно, так как Г. Н. Белынский выбыл не в «службу», а поступил студентом в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию.

Из многочисленных клировых ведомостей за 1803—1830 г.г. приведём те сведения, которые фиксируют изменения в составе семьи Белынских.

Дата смерти деда писателя, Никифора Трифоновича, осталась неустановленной. В клировой ведомости 1817 года он значится как «заштатный священник 79 лет». Клировые ведомости за 1818—1820 г. г. не сохранились, а в клировых ведомостях 1821 г. и позднее он уже не упоминается. Вероятно, что именно в эти годы он скончался.

В сведениях об Андрее Никифорове в клировой ведомости за 1812 г. (фонд 182, дело 638, лист 145) в графе «Кто какого состояния, не был ли в штрафах» и т. д. сначала было написано: «Доброго, в делах, штрафах не бывал». После приписано: «Был под следствием, о чём значится пометка по особой ведомости под № 28». Андрей Трифонов оставался священником в селе Белыни до 1828 года, когда был переведён в село Пачелму.

В 1828—1829 гг. произошли значительные перемены в причте села Белыни. Указом Пензенской духовной консистории 30 марта 1829 года в Белыни «один штат по малоприходству уничтожен» и в село Пачелму, кроме Андрея Никифоровича, переведён его двоюродный племянник, дьячёк Василий Филиппов (был женат на крестьянке села Белыни). Брат последнего, дьякон Ермолай Филиппов, был переведён

в заштатный город Верхний Ломов, их двоюродный брат, дьячёк Гавриил Петров,—пономарём в село Щепотьево, Чембарского же уезда. Из детей Никифора и Алексея Трифоновичей в Белыни осталась лишь семья второй дочери Никифора—Ксении. Её муж, священник Савва Ефимов, как видно из документов, был поведения «пьяного», знаний «средственных». Савва Тимофеев умер в 1824 году, у него и Ксении Никифоровны было много детей. С этими двоюродными братьями и сёстрами, живя в Чембаре, Белинский несомненно общался. Старший из братьев Ефим учился в Пензенской семинарии, но не кончил, «выйдя в светское звание». Младший Кирилл сперва обучался в Нижнеломовском уездном училище, потом поступил в Пензенскую семинарию, которую закончил в 1834 году. Оба брата имели в семинарии фамилию Кантовых. За товарища Ефима по семинарии, Михаила Гостомыслова (чаще встречаем написание Густомыслов), в 1828 году вышла замуж его сестра Дарья М. Л. Гостомыслов с того же года стал священником в селе Белыни, где жил с семьёй жены. Две другие сестры—Варвара и Аграфена, были выданы замуж также за священников в своём уезде. Пелагея осталась незамужней. Наиболее интересна судьба старшей сестры Гликерии, жены помещика Чембарской округи Николая Михайловича Владыкина. Через Гликерию (Белинские в письмах её называли Лукерьей Савельевной) В. Г. Белинский познакомился с чембарским помещичьим кругом.

Григорий Никифорович Белынский поступил в Тамбовскую семинарию осенью 1798 года, в так называемый «заправной» класс, бывший первым годом обучения. В октябре 1800 года Г. Н. Белынский значится учеником «высшего класса», последнего перед собственно семинарскими. В марте 1803 года Г. Н. Белынский—ученик риторического класса, являвшегося первым специальным классом семинарии. [1]

Во всех формулярных списках Г. Н. Белынского, имеющихся в распоряжении Пензенского Облархива, указано, что в январе 1804 года он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию, зная латинский язык.

Таким образом, Г. Н. Белынский, проучившись в Тамбовской семинарии с 1798 по 1803 г., не кончил полного курса в ней. Очевидно, Г. Н. Белынский не имел намерения пойти по стопам отца и своих многочисленных родственников, т. е. стать священнослужителем. Он выбыл из первого класса семинарии, не обучаясь в двух её последних классах—философии и богословия. Это подтверждается и записью в ревизской сказке 1811 года о том, что Григорий Никифорович выбыл из Тамбовской семинарии в гражданское ведомство «по желанию».

[1] Тамбовский Облархив, фонд 186, опись 10, дело 5-6, л. л. 5, 6, 7, 8

Чин, имя, отчество, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет	Из какого звания происходит	Есть ли за ним, за родителем его или когда женат за женою недвижимое имение: У родителей у самого его — Родового	Благоприобретен.	У жены буде женат — Родового	Благоприобретен.	Когда в службу вступил и во оной какими чинами в каких должностях и где происходил, также не было ль каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награждён и в какое время	Год, месяц и число	В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет когда именно	Не был ли в штрафах под судом если был то за что именно когда и чем дело кончено	К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем	Не был ли в отпусках. Если был, то когда именно и насколько времени явился ли на срок к должности	Не был ли в отставке с награждением чина или без оного и когда	Женат ли имеет ли детей кого именно каких лет и где они находятся
Чембарский уездный штаб лекарь Григорий Никифоров сын Белынский 49 лет	Из духовного	—	По городу Чембару дворовых людей мужеска пола одна душа	—	—	Для обучения врачебных наук поступил в Санкт-Петербургскую императорскую медико-хирургическую академию учеником и знает латинский язык . . Из оной выпущен кандидатом медицины и хирургии и определён для отправления должности в Кронштатские морские гошпитали . . . . Произведён лекарем . . . . Командирован для отправления должности в кампанию на гребную флотилию, где находился по 28-е октября . Командирован на оную ж гребную флотилию в г. Ригу, где и отправлял должность в сухопутной гошпитали, а из оной находился в резервном лазарете при пользовании больных раненых . . . . Потом командирован в 1 морскую артиллерийскую бригаду с прибавлением жалованья . . . . Произведён штаб лекарем . . . . . А из Морского ведомства уволен и определён г. генерал штаб доктором в город Чембар Пензенской губернии на ваканцию уездного врача . . . Чином коллежского ассесора награждён . . . . За беспорочную службу узаконенных лет с старшинством	1804 генваря 8 1809 июня 18 1810 августа 20 1811 июня 15 1812 июня 27 1813 генваря 11 1816 сентября 2 1816 октября 21 1830 августа 7 1826 сентября 30	В 1811 году на гребной флотилии рейс имели от Свеаборга до Гангута и обратно в Свеаборг В 1812 году на оной же флотилии рейс имели от Свеаборга до Риги, а от оной до Митавы где находился в сражении против неприятельских батарей, за что и получил на голубой ленте медаль	Не был		Не был	Не был	Женат, имеет детей сыновьёв: Виссариона 22 лет, который находится в Москве, Константина 21 года, Никанора 13 лет, дочь Александру 18 лет, которые находятся при мне

Чембарский уездный штаб лекарь коллежский ассесор

Григорий Никифоров сын БЕЛЫНСКИЙ.

[1] Пензенский Облархив, фонд 291, дело 12.

Из семи формулярных списков Г. Н. Белынского, которыми располагает Пензенский Облархив,—три подлинных (за 1823, 1833 и 1834 годы)[1] и две копии (в 196 фонде —Дворянского депутатского собрания, опись 2 в 111 деле «О дворянстве детей Г. Н. Белынского», л.л. 2, 3, 15 и 16). Публикуется один авторизированный список за 1834 год.

По ревизской сказке 1795 года, возраст Григория Никифоровича Белынского показан 9 лет. По авторизированным формулярным спискам за 1823 год—39 лет, 1833 г.—49-й год и в 1834 г.—49 лет. В копиях же за 1833 г.—50 лет, за 1834 г.—51 год, 1835 год—52 года. Основание к более точному предположению о рождении Григория Никифоровича в 1784 году дают три подлинных формулярных списка.

По тем же спискам графа «Имущественное положение» заполнена так: в 1823 году «дворовых людей 1 душу по городу Чембару за собою имею». Это подтверждается в 1833 году. В 1834 году эта запись дополнена: «мужеска пола одна душа». Копия же 1833 года графу «Имущественное положение» дополняет: «и деревянный дом».

В авторизированных списках графа «О движении по службе» имеет некоторое расхождение с публикуемым списком: за 1823 год «Произведён лекарем 1810 авг. 20, и в том же году отправлен в Свеаборг, а оттуда в кампанию на гребной флотилии в Гангут 1811 июня 15»... «А из морского ведомства по прошению уволен и определён господ[ином] генерал штаб доктором Пензенской губернии в город Чембар на вакансию уездного врача». В 1833 году последняя запись видоизменена: «А из морского ведомства за болезненными припадками перемещён г[осподином] генерал штаб доктором Пензенской губернии в город Чембар».

Сопоставляя тексты записей графы об участии в походах, мы встречаем тоже некоторое разночтение. В авторизированных формулярных списках значится: «В 1812 году на оной же флотилии рейс имели от Свеаборга до Риги, а от оной до Митавы, где находился в сражении против неприятельских батарей, за что и получил на голубой ленте медаль», а в копиях: «и получил за отправление должности в резервном лазарете за пользование больных и раненых серебряную на голубой ленте медаль».

Во всех трёх подлинных списках графа аттестации не заполнена, а в копиях имеет место разночтение. В 1834 году аттестован: «способность имеет». В копиях, составленных после смерти Григория Никифоровича, аттестован так: «способен и достоин».

---

[1] Две копии в фонде 6—Губернского правления.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА О ДВОРОВЫХ ЛЮДЯХ Г. Н. БЕЛЫНСКОГО. 1834 ГОДА.[1]

Тысяча восемь сот тридцать четвёртого года мая двадцать четвёртого дня, Пензенской губернии, города Чембара, коллежского ассесора Григория Никифорова, сына Белинского, о состоящих мужеского и женского пола дворовых людях, приписанных к дому, находящемуся в городе Чембаре между домов: купца Ляминцева и мещанина Силина.

Ревизская сказка. 1834 года, мая 24 дня, Пензенской губернии, города Чембара.					Ревизская сказка. 1834 года, мая 24 дня, Пензенской губернии, города Чембара.			
Семьи	Мужеский пол	По последней ревизии состояло и после оной прибыло	Из того числа выбыло	Ныне налицо	Семьи	Женский пол	Во временной отлучке	Ныне налицо
№	Дворовые люди	Лета	Когда именно	Лета	№	Дворовые женки	С которого времени	Лета
1	Василий Данилов	Куплен с женою его у коллежского секретаря Алексея Алыбина в 1818 году	—	65	1	Василья Данилова жена Акулина		60

Итого мужеского пола налицо 1   Итого женского пола налицо 1
Всего же наличных мужеска пола душа 1   Всего же наличных женска пола душа 1

Всего в сей ревизской сказке заключается наличных душ: мужеского пола одна и женского одна.

[1] Фонд 60, опись 4, дело 309, листы 730—732.

Графы ревизской сказки отпечатаны типографским способом. Графы бланка заполнены рукою Константина Григорьевича Белинского (чем и объясняется начертание фамилии Белинский вместо Белынский).

Рукою Григория Никифоровича написан конец от слов «что в сей ревизской сказке» ... и до конца.

Что в сей ревизской сказке все души к двадцать четвёртому числу маия тысяча восемь сот тридцать четвёртого года в наличности бывшие, показаны и прописных нет, Чембарский уездный штаб лекарь коллежский ассесор Григорий Никифоров сын Белынский руку приложил.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА О ДВОРОВЫХ ЛЮДЯХ М. И. БЕЛЫНСКОЙ. 1834 ГОДА.[1]

Тысяча восемь сот тридцать четвёртого года, мая двадцать четвёртого дня, Пензенской губернии, города Чембара, коллежской ассесорши Марии Ивановой, дочери по муже Белинской, о состоящей женского пола дворовой девке.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА. 1834 ГОДА, МАЯ 24 ДНЯ, ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГОРОДА ЧЕМБАРА.

Семьи	Женский пол	Во временной отлучке	Ныне налицо
№	Дворовые	С которого времени	Лета
1	Девка Авдотья Никифорова	—	27
	Итого женского пола налицо		1
	Всего же наличных женского пола		1 душа

Всего в сей ревизской сказке заключается наличных душ женского одна.

Что всей ривиской скаске все души к двадцать четвёртому числу маїя тысяча восемь сот тридцать четвёртава года в наличнасти бывшей паказаны инраписных нет Каллеская асесарша Марья Иванава дочь по мужи белинская руку прилажила.

---

[1] Фонд 60, опись 4, дело 309, листы 805—807. Бланк ревизской сказки отпечатан типографским способом. Графы бланка заполнены рукою К. Г Белинского. Конец текста, от слов «что всей ривиской скаске» и до конца написан М. И. Белынской и отличается исключительной неграмотностью, как и все дошедшие до нас её автографы. В публикуемом документе сохранена орфография подлинника.

В том же деле 309 находится ревизская сказка, поданная коллежским секретарём Алексеем Васильевичем Алыбиным, жившим в Чембаре, в которой значится, что дворовый Василий Данилов «продан коллежскому ассесору Белынскому в 1820 году». Алыбин распродал всех своих дворовых людей (4 человека) между 7 и 8 ревизиями разным лицам.

* * *

В письмах родных к В. Г. Белинскому в начале 1830 года неоднократно упоминается Акулина, бывшая кухаркой в их семье. В. Г. Белинский писал к брату Константину 21 мая 1833 г.: «Кланяйся всем, всем меня знающим и помнящим, и нашим домашним: Акулине, Василью, Авдотье и Марье и Ивану, первым трём скажи, что я их люблю и помню, а последним, что я их не знаю, но люблю, потому что они наши домашние».[1]

По каким-то причинам Авдотья Никифорова подвергалась преследованиям со стороны Г. Н. Белынского, и положение её было тяжёлое. К. Г. Белинский писал о ней В. Г Белинскому в 1834 году (письмо без даты): «Маминька боится, чтобы Авдотья не сбежала от нас или не решилась на что-нибудь ужасное для себя. Папинька с утра до ночи пьян, ругается, кричит и дерётся. Маминька, за недосугом, препоручила мне написать тебе, любезный брат, нельзя ли будет, когда будешь иметь денег ста два или три, прислать маминьке 50 рублей, которые нужны ей для отпущения Авдотьи на волю, ибо папинька гонит её каждый день и мучает, как преступницу какую, отчего она плачет и просит маминьку или кому продать её, или, чтоб откупиться самой ей на волю, а потому оные деньги и нужны, как Авдотья более ста рублей не в состоянии заплатить, а маминьке на сто рублей купить другой девки нельзя, а папинька ни гроша не даёт, потому что Авдотья записана на имя маминьки Итак, любезный брат, сжалься над нещастной Авдотьей и старайся присылкою денег 50 руб. сделать её счастливою, а маминьку спокойной».

В ответ В. Г. Белинский написал матери взволнованное письмо: «Бога ради, постарайтесь отпустить её на волю, иначе на вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека. Это прилично одним вампирам. Скажите папиньке, что месяца через три или четыре я уплачу ему за Авдотью, не только 50, пожалуй и сто рублей, и, если хочет, пришлю ему вексель в 100 рублях».[2]

В недошедшем до нас письме В. Г. Белинский укорял отца за его отношение к Авдотье, говоря, что он «мстит рабе». По поводу этого письма К. Г. Белинский писал ему 17 августа 1834 г.: «Папинька подозревает меня в жалобе на него о притеснениях Авдотье и эти сказанные тобою слова «мстить рабе» не выходят у него из памяти, что самое его и сердит».

После смерти матери Авдотья перешла к сестре В. Г.

---

[1] В. Белинский. Письма, т. I, стр. 52.

[2] Там же, стр. 59.

Белинского, Александре Григорьевне, которая не соглашалась безвозмездно отпустить её на волю, хотя М. И. Белинская, умирая, завещала это сделать.

По этому поводу, жалуясь на сестру, К. Г. Белинский писал В. Г. Белинскому 15 ноября 1838 года: «Научи, что мне делать в рассуждении Авдотьи, которая за претерпенные ею горести и заслуги, стоит, чтобы отпустить её на волю, не брав с неё ни копейки, которые для неё дороже всего».

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА О ДВОРОВЫХ ЛЮДЯХ Д. Е. ИВАНОВОЙ. 1834 ГОДА.[1]

Тысяча восемь сот тридцать четвёртого года, июля двенадцатого дня, Пензенской губернии, города Чембара, вдовы капитанши Дарьи Евсеевой дочери по муже Ивановой, о состоящей женского пола дворовой девке.

Семьи	Женский пол	Во временной отлучке	Ныне налицо
№	Дворовые	С которого времени	Лета
1	Девка Анна Иванова	—	27
	Итого женского пола налицо . .		1
	Всего же наличных женска пола		1 душа

Всего в сей ревизской сказке заключается наличных душ: женского пола одна.

Что в сей ревизской сказке все души к двенадцатому числу июля месяца, тысяча восемь сот тридцать четвёртого года в наличности бывшие, показаны и прописных нет, в том, вместо вдовы капитанши Дарьи, Евсеевой дочери, по муже Ивановой, неграмотной, по её приказанию, внук её родной коллежский регистратор Константин Григорьев, сын Белинский руку приложил.

* * *

Бабушка В. Г. Белинского Дарья Евсеевна Иванова, урождённая Дорофеева, мать М. И. Белинской, приехала с семьёй к дочери в Чембар из Свеаборга. Жила она отдельно и, как можно судить по её семейной переписке, не ладила с Григорием Никифоровичем Белынским. Очень вероятно, что она способствовала разладу в семье, поддерживая дочь и внучку Александру в их обострённых отношениях с

[1] Фонд 60, опись 4, дело 309, листы 808—810.

Бланк ревизской сказки отпечатан типографским способом. Заголовки бланка и графы заполнены рукою К. Г. Белинского.

главой семьи. В ревизской сказке она именуется капитаншей. Указано, что муж её «выше шкипера 9 класса», чина, дававшего лишь личное дворянство, по службе не поднялся. Характерны сведения ревизской сказки, что Дарья Евсеевна была неграмотна. Этим, может быть, отчасти объясняется безграмотность её дочери, матери Белинского, отсутствие интереса к книге и малограмотность внучки, на которую она имела влияние. «Девка» Анна Иванова была куплена Д. Е. Ивановой у надворного советника Никанора Николаевича Щетинина в 1831 году, о чём 19 сентября записано в делах Чембарского уездного суда. Куплена она была за 200 рублей ассигнациями. В том же деле на листах 812—814 находится ревизская сказка на дворовых, принадлежавших двоюродной сестре В. Г. Белинского Федосье Степановне Ивановой.

В ревизских сказках за 1811 год (фонд 60, дело № 1141, лист № 283) имеется сказка, написанная собственноручно Н. П. Ивановым «г[орода] Чембара губернским секретарём». В сказке значится 8 дворовых человек мужского пола (женские «души» в ревизии 1811 года не регистрировались). Все дворовые куплены в 1808—1811 годах.

ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ К. Г. БЕЛЫНСКОГО ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1866 г.[1]

Титулярный советник Константин Григорьев Белынский, бывший секретарь Чембарской городовой ратуши, 51 года, православного исповедания.

Имеет знак отличия беспорочной службы и бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов. Жалованья получал 150 руб. сереб. в год.

Из дворян.

В городе Чембаре деревянный флигель благоприобретённый.

По окончании курса в Чембарском уездном училище в 1827 году в службу вступил в Чембарский земский суд канцелярским служителем с чином кописта 1830 г[ода] октября 31.

Произведён в подканцеляристы 1831 г. марта 14.

Произведён в канцеляристы 1831 г. июня 13.

Произведён в коллежские регистраторы со старшинством 1832 г. декабря 31.

По прошению уволен от должности для приискания другой 1834 г. сентября 25.

[1] Фонд 196, дело 111, листы 164—167. Заголовок документа на верхнем поле, л. 164, имеет пометку: «Копия с копии». В публикуемом формулярном списке опускаются печатные заголовки граф, которые см. в публикации формулярного списка Г. Н. Белынского.

По прошению определён в число канцелярских служителей Чембарского земского суда 1835 г. сентября 13.

Утверждён столоначальником 1837 г. марта 14.

По принятию его Пензенским губернским правлением перемещён в Чембарскую городовую ратушу в секретари 1839 г. апреля 14.

Указом Пензенского губернского правления от 5 сентября 1841 года за № 23926 в числе прочих за найденный при ревизии оной ратуши порядок в делах изъявлена признательность губернского начальства 1841 г. сентября 10.

Произведён в губернские секретари со старшинством 1840 г. декабря 31.

Произведён в коллежские секретари со старшинством 1844 г. декабря 31.

Произведён в титулярные советники со старшинством 1848 г. декабря 31.

Награждён знаком отличия беспорочной службы за XV лет 1851 г. августа 22.

Согласно его прошению уволен от службы за болезнью 1862 г. октября 24.

На основании устава о пенсиях назначена Белынскому из местных городских доходов пенсия по восьмидесяти пяти рублей восьмидесяти коп. в год с производством с 25 октября 1862 года, о чём получено уведомление департамента министерства юстиции от 29 апреля 1863 года № 9218.

Находясь в отставке, умер 1863 января 16.

В походах, в штрафах и под судом не был.

К продолжению службы аттестовался способным и достойным.

В отставке был без награждения чином с 25-го сентября 1834 года по 13 сентября 1835 года.

Женат вторым браком на Марье Васильевой, у них дети:

Михаил, родившийся 1837 г. ноября 9, состоит на службе в Пензенской палате государственных имуществ.

Дмитрий, родившийся 1847 года ноября 10, обучался в Чембарском уездном училище, но по слабому здоровью на службу поступить ещё не может и живёт у родной тётки— коллежской ассесорши Кузминой.

Митрофан, родившийся 1851 года июня 4, обучается в Нижнеломовском уездном училище на счёт тётки коллежской ассесорши Кузминой и

дочь Ольга, родившаяся 1849 года февраля 24.

Жена и дети православного исповедания. Дети находятся у сестры покойного Белынского коллежской ассесорши Кузминой по случаю бедности мачехи их.

* * *

Копия формулярного списка К. Г. Белинского приложена к делу о дворянстве Белынских. К. Г. Белинский начал ходатайствовать о внесении его и его сыновей в родословную книгу в 1837 году, но утверждение в департаменте герольдии, из-за отсутствия метрики К. Г. Белинского, состоялось только в 1856 году, когда из Санкт-Петербургской консистории было прислано удостоверение, что К. Г. Белинский, сын штаб лекаря Г. Н. Белынского, родился 19 сентября 1812 года в г. Кронштадте и там же крещён 22 сентября. Вместе с К. Г. Белинским были внесены в родословную книгу его сыновья, Михаил и Виктор. Младший сын К. Г. Белинского Митрофан, родившийся в 1851 г., подал ходатайство о включении его в родословную книгу в 1870 году, когда окончил Пензенскую гимназию с серебряной медалью (см. Зеленецкий, «Исторический очерк Пензенской гимназии», Пенза, 1889 г., стр. 186).

В публикуемой копии не упоминается второй сын Виктор, родившийся 3 февраля 1841 года, но внесён Дмитрий, родившийся в 1847 году (см. В. Е. Рудаков. «Архивные розыскания о рождении Белинского», Исторический вестник, 1911 г., т. XXIV, стр. 598).

Перечисленные дети К. Г. Белинского были детьми его от первой жены Александры Капитоновны, урождённой Исаевой, на которой он женился в 1837 году и которая умерла, вероятно, в начале 50-х годов. Тётка этих детей, упоминаемая в списке, коллежская ассесорша Кузьмина Александра Григорьевна,—сестра В. Г. и К. Г. Белинских, вышедшая замуж за учителя Чембарского уездного училища и не имевшая своих детей.

Публикацией формулярного списка К. Г. Белинского разоблачается легенда о том, что он, подвергаясь преследованию со стороны начальства (губернатора Панчулидзева) за родство с Виссарионом Григорьевичем Белинским, был принуждён подать в отставку в 1858 году, «в которую вскоре и был уволен, с пенсией в 16 рублей с копейками в месяц» (И. Н. Захарьин-Якунин: «Встречи и воспоминания», стр. 21).

Список свидетельствует, что Белинский вышел в отставку «согласно его прошения за болезнью 1862 г. октября 24», за три месяца до смерти, через три года после того, как Панчулидзев перестал быть пензенским губернатором. Уведомление об утверждении пенсии К. Г. Белинскому пришло после его смерти. Однако считаем нужным отметить, что с 1851 года по 1862 год К. Г. Белинский не получал никаких чинов и наград по службе, тогда как служба его за предшествующие годы отмечена в формуляре рядом повышений и отличий.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОГО ГУБЕРНАТОРА О ШТАТАХ И УСЛОВИЯХ РАБОТЫ ВРАЧЕЙ ГУБЕРНИИ. 1826 ГОД.[1]

По содержанию предписания в[ашего] в[ысокопревосходительства] присутственные места и канцелярии ведомства министерства внутренних дел по губернскому в Пензенской губернии управлению суть следующие:...

Настоящий штат врачебной управы при сем[1] представляется. Частная практика может доставить членам управы пособие, но сверх того, что пособие сие зависит от обстоятельств, практика в столь малом городе, каков и Пенза, крайне ограничена. Могут быть и есть случаи, что не тот, другой член управы практики и совсем не имеют. В таком случае получаемого им жалованья достанет только на наём квартиры и необходимой прислуги. Уездному же врачу иметь практику трудно, ибо он весьма часто бывает в разъездах по должности. Сверх сего общего в определённых по нынешнему положению медицинским чиновникам окладах недостатка, нельзя не принять в уважение и той неуравнительности, которая находится между жалованьем, получаемым врачами русскими подданными и служащими в том же звании по контрактам из иностранных. Сим последним назначены оклады несравненно значительнейшие, сверх чинов, в кои они по тем же контрактам весьма скоро достигают до коллежских ассесоров, между тем, как от них ничего больше не требуется и польза для службы от них одна и та же, какая и от своих врачей.

* * *

Этот документ представляет собою копию донесений Пензенского гражданского губернатора Ф. П. Лубяновского генерал-губернатору и министру внутренних дел о штатах и условиях работы членов Пензенской врачебной управы и медицинских работников Пензенской губернии.

Публикуемый документ составлен на основании отчётов Пензенской врачебной управы, инспектором которой в это время был Е. И. Фаворский.

У Фаворского были веские основания указывать на обидное положение, в которое по сравнению с врачами из иностранцев были поставлены русские врачи. Судя по «формулярным спискам о службе чинов Пензенской врачебной управы, письмоводителя оной и подведомственных уездных и медицинских чиновников» за 1833 год в Пензенской губернии половина медицинских работников состояла из иностранцев. Это были Карл Рейснер, вызванный и принятый в «Российскую гражданскую службу по особому контракту с чином 9 класса» и назначенный в 1816 году саранским уездным врачом, а в 1823 году перемещённый в Пензу оператором

---

[1] Фонд 5, дело 1229-а, листы 14, 32, 33.

врачебной управы; Готфрид Фризе «вызван» из датских медиков и принят на особых условиях в службу городищенским уездным врачём в 1821 году, а в 1829 году перемещён акушером в Пензенскую врачебную управу. Из иностранцев были пензенские ветеринарные лекари Карл Гольдман и Иоганн Дрейер, инсарский уездный врач Генрих Радекер, впоследствии оператор Пензенской врачебной управы после Рейснера, саранский уездный врач Вильгельм Михельсон. В документе указано также, что врачи из иностранцев «весьма скоро достигают до коллежских ассесоров» (чин, дававший право на получение дворянского звания). И действительно, Рейснер и Фризе, например, получили этот чин, а с ним и русское дворянство через четыре года после вступления на службу, тогда как русские врачи получали этот чин через значительной больший промежуток времени. Так, Г. Н. Белынский был награждён этим чином через 21 год службы.

РАПОРТ Г. Н. БЕЛЫНСКОГО ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЕ О ПОЛУЧЕНИИ ЖАЛОВАНЬЯ. [1]

Заслуженное жалованье за сентябрьскую треть, мною сто шестьдесят шесть рублей за вычетом с одного рубля на медикаменты, старшим лекарским учеником Герасимовым шестьдесят шесть рублей за вычетом шестьдесят шесть копеек на медикаменты, из Чембарского уездного казначейства получено, и о чём сим честь имею рапортовать.

№ 3-й *Штаб лекарь БЕЛЫНСКИЙ.*

Генваря 4 дня 1823 года.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Г. Н. БЕЛЫНСКОГО ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ КЕРЕНСКОГО ВРАЧА. [2]

ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

1822 г. 17-го июля № 206.

Врачебная управа, слушав предложение его превосходительства г. Пензенского гражданского губернатора и кавалера от 14 июля полученное сею управою из города Керенска следующего содержания: «по неимению в Керенске уездного врача должность оного исправляет Чембарский уездный штаб лекарь.

По отдалённости городов сих один от другого и по затруднению которое, как известно, ему происходит от того в производстве дел в обязанность медицинского чиновника входящих, предлагает сей управе должность уездного врача по Керенскому уезду поручить исправлять уездному штаб лекарю ближайшего уезда Наровчатского. О чем вместе с

1 Фонд 291, дело 6, лист 225.
2 Фонд 291, дело 4, лист 472.

сим дал он знать Керенским: городничему и земскому суду. Приказали: с прописанием предложения г. Пензенского гражданского губернатора и кавалера предписать вам г. Белынскому, чтобы вы по дальнему расстоянию Чембара к Керенску и по невозможности успевать вам исполнять требования тамошних городничего и земского суда, как изъяснено в предложении г. гражданского губернатора и кавалера, сдать вам г. Наровчатскому штаб лекарю коллежскому ассесору Бородулину по каталогу: материалы, медикаменты и припасы, принадлежащие Керенской инвалидной команде, по учинении чего немедленно донести сей управе, о чём предписать г. Наровчатскому штаб лекарю Бородулину и донести его превосходительству г. Пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА О НАЗНАЧЕНИИ Г. Н. БЕЛЫНСКОГО К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТЕЙ КЕРЕНСКОГО ВРАЧА.[1]

ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЕ

5 января 1823 года № 450.

Представление ко мне врачебной управы от 5 сего генваря № 3 о удовлетворении жалованьем за сентябрьскую треть врачей, исправляющих должность по другим уездам, предложил я для надлежащего по оному распоряжения казённой палате. Как же по донесению Керенского земского суда, Наровчатский штаб лекарь Бородулин в течении сентябрьской трети должностию врача по Керенскому уезду, вероятно по уважительным причинам, не мог заниматься и как по случающимся в уезде делам, врач бывает необходимо нужен, то и предлагаю врачебной управе к исправлению должности врача по Керенскому уезду прикомандировать попрежнему Чембарского лекаря Белынского.

АКТ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ Г. Н. БЕЛЫНСКИМ МАКСИМА ПЕТРОВА. 1827 ГОД.[2]

1827-го года сентября 10-го дня по силе, учинённой в Чембарском уездном суде резолюции на представленном при прошении от прапорщицы Тугучевой, зятя её отыскивающим от г.г. Дубасовых вольности дворовом человеке Максиме Петрове в присутствии суда оного мною боевые знаки осматриваны и свежих знаков на нём не имеется, а оказались только на голове правой стороны опухоли, нагноенное на груде небольшое желтоватое пятно в том я штаб лекарь удостоверяю что действительно оные последовали чем либо

---

[1] Фонд 291, дело Б, лист 39.

[2] Фонд 34, дело 383-а, лист 11. Подпись Г. Н. Белынского собственноручная.

от ударов. Дворовый же человек Петров при сем свидетельстве изъявил, что шишки и знаки последовали от побой г. его которой дабы оные зажили держал его в оковах и стенной цепе слишком две недели и потом уже за столь долго прошедшим временем и свежести их быть не может.

Штаб лекарь БЕЛЫНСКИЙ.

* * *

Максим Петров, грамотный и развитый человек, был женат на дворянке, дочери вдовы—прапорщицы А. С. Тугучевой, которая и возбудила дело против владевшего Петровым помещика Дубасова. По постановлению Чембарского уездного суда Петров был признан свободным, но дело его было передано в высшие инстанции. Помещик Дубасов хотел принудить Петрова отказаться от «искания вольности» и с этой целью истязал его.

В деле имеются показания Петрова, в которых он рассказывает, как жил с женой у Дубасова и как тот им делал «жесточайшие и несносные истязания», как он был схвачен в Керенске, отдан вновь Дубасову, который его пять раз бил батогами, пригнал в с. Пачелму, «ковал в конские железы, в коих содержали трое суток, сутки содержал на собачьей стенной цепе и потом, спустя с цепе, приказал приготовить розги и выкопать яму». В деле есть также свидетельство прапорщика Е. П. Шмакова, который подтверждал суду факты истязания М. Петрова, «содержащегося на собачьей цепе и удручённого всегдашним бесчеловечным боем».

АКТЫ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ Г. Н. БЕЛЫНСКИМ СИМАНСКОГО. 1830 ГОД.[1]

1830 года марта 18 дня по сообщению Чембарского земского суда произведено было обще с Чембарскими п г б-лекарем Белынским и за стряпчего уездного суда секретарём Семёновым свидетельство оного земского суда дворянскому заседателю Симанскому, находящемуся в квартире Чембарского диакона Петра Трифонова по коему оказалось:

1-е на голове к левой стороне лобной кости вдоль прорублены до кости общие покровы длиною оные двух вершков, на затылочной части поперёк два вершка с половиною общие покровы прорезаны.

2-е правой ноги сквозь икры с внутренной вход острого орудия длиною без малых два вершка в длину а выход оной в полтора вершка и обе раны расстоянием одна от другой два вершка с половиною. На оной же ноге снутри выше коленной части с внутренной стороны прокол в $^{1}/_{4}$ вершка.

Коленка оной ноги самая расшибина. На левой ноге близь чашечки к наружи прокол длиною полвершка и на

---

[1] Фонд 34, дело 390, лист 9.

голенной части три пятна с запекшеюся кровью величиною и окружностию с монетную полушку, от каковых ран он Симанский находится в крайнем изнеможении сил за чем и слов от него понять невозможно.

Чембарский уездный штаб лекарь БЕЛЫНСКИЙ.
При оном присутствовали:
Городничий майор ХОЛОПОВ.
За стряпчего секретарь СЕМЕНОВ.

ЖУРНАЛ ЧЕМБАРСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА О МЕДИЦИНСКОМ ПОСОБИИ КРЕСТЬЯНАМ СЕЛА НИВЕШКИНА. 1830 ГОД. [1]

1830 года апреля 1 дня Чембарского земского суда в присутствие прибывающее в селе Нивешкине Чембарской старшей лекарской ученик Иван Григорьев объявил, что по отношению господина исправника штаб лекарь Белынский по занятию его в городовом лазарете для пособия в трудных болезнях воинских чинов прибыть не может а вместо себя прислал ево для пособия к заживлению села Нивешкина крестьянам ран полученных при взятье их к суду. Приказали: о сем записать в журнал, а явившемуся лекарскому ученику Григорьеву объявить чтоб он употребил все зависящие пособия пораненным преступникам к скорейшему оных заживлению до отправления их в городовой лазарет как будет возможно провести по настоящему теперь половодью приказав соцкому дать корпию полотна и всё нужное из домов тех виновных и больных крестьян и сей журнал приобщить к делу.

Исправник МОСКВИН.
Дворянские заседатели (подписи неразборчивы).
От поселян заседатель СЕМЕНОВ.
Секретарь ИВАНОВ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО. [2]

1830 года июля 17 дня в присутствии Комиссии военного суда в г. Чембаре учреждённой по свидетельству моему нахожу что у подсудимой села Нивешкина крестьянки Авдотьи Мартыновой действительно внизу мочки левого уха рубец по неровности оного сращения приметно что произошёл от разорвания.

Чембарский уездный штаб лекарь БЕЛЫНСКИЙ.
Присутствовали: презус Капитан ВОЙДЕНОВ
ассесор подпоручик МИШИН
ассесор прапорщик ИВАНОВ
ассесор прапорщик ТЕЛЬНОВ
дворянский заседатель МАЧИНСКИЙ
дворянский заседатель (подпись неразборчива)
сельский заседатель КАЗУРОВ.

---

[1] Фонд 34, дело 390, лист 31.
[2] Фонд 34, дело 390, лист 289.

* * *

Дело о «бунте» в селе Нивешкино, закончившееся в специально организованной в Чембаре в 1830 году комиссии военного суда, имело длительную историю. Ещё в 1825 году 130 казённых крестьян села отделились от сельского общества, не желая платить излишние, по их мнению, поборы, подати и выполнять повинности. В феврале 1826 года в Чембарском уездном суде разбиралось дело ясашного крестьянина села Нивешкина Григория Ефимова, который подговаривал односельчан не платить подати, «ибо подати собирать прощено». Ефимов был наказан 20 ударами плети, но оставлен в селе. Однако обострённые отношения с сельским головой и другими властями «отделившихся» крестьян становились всё очевиднее. «Неповинующиеся», как они именуются в деле, с 1825 по 1830 год крестьяне подавали прошения губернатору, ревизовавшему губернию сенатору Горголи, посылали ходоков в Москву для подачи жалоб.

В феврале 1830 года оказался изрезанным сельский голова, а его племянник убит. Для следствия был послан дворянский заседатель Чембарского суда Симанский с воинскими чинами, который произвёл в домах подозреваемых в убийстве крестьян погром, бил стёкла, ломал мебель, печи, избивал женщин, взламывал сундуки и т. д. «Неповинующиеся» же крестьяне в числе нескольких десятков скрылись из села. Группа их напала на Симанского с копьями и исколола его. Полуживого его доставили в Чембар, где его свидетельствовал Г. Н. Белынский.

В село Нивешкино была послана воинская команда для поимки «преступников». Одну группу, скрывавшуюся в лесу (11 человек), команда окружила, произошло неравное по силам сражение (воинская команда состояла из 30 человек и 264 понятых). Крестьяне, вооружённые топорами и копьями, должны были сдаться после нескольких солдатских залпов. Двое раненых крестьян умерли через день. Остальных должны были отправить для суда в Чембар. Для лечения раненых вызывался в Нивешкино из Чембара Г. Н. Белынский, но он послал вместо себя лекарского ученика. В Чембаре Г. Н. Белынскому пришлось ещё освидетельствовать избитую Симанским крестьянку Авдотью Мартынову, арестованную за неповиновение. 35 крестьян скрылись и не были разысканы. Военный суд 7 августа 1830 года вынес постановление: трое крестьян приговаривались к повешению, остальные к наказанию шпицрутенами и батогами. Дело было представлено в комитет министров. 31 марта 1831 года Николай I «повелеть соизволил» трёх руководителей движения «прогнать сквозь строй через 200 человек по одному разу, а потом отправить в крепостные работы», остальных наказать палками, отдать в солдаты или сослать на поселение.

Семьи Белынских и Ивановых были в родстве с причтом Нивешкинской церкви, и, вероятно, история крестьянского «неповиновения» была им известна во всех подробностях.

ЖУРНАЛ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ.[1]

ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

16 февраля 1828 года № 83.

Управа сия от 6 февраля за № 61-м предписала, чтобы вы доставили в сию управу о службе вашей документы, но вы по беспечности вашей и по сие время не доставили, чем самым и затруднили сделать представление о других медицинских чиновниках, почему и предписывается вам, дабы вы немедленно доставили оные, в противном случае не будете включены в список к получению знака отличия.

ЖУРНАЛ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ.[2]

ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

22 февраля 1828 года № 89.

Управа сия от 6 февраля за № 61-м предписывала вам доставить в сию управу о службе вашей аттестаты и документы для представления вас к знаку отличия беспорочной службы, но вы при рапорте от 16 февраля за № 10-м представили только пашпорт, данный вам из медицинской экспедиции морского министерства, который, как ненужный по вышеозначенному предмету, обращается к вам, буде же вы имеете какие либо аттестаты во время вашей службы приобретённые, то таковые доставили бы в самоскорейшем времени.

ЖУРНАЛ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ.[3]

Г. ПЕНЗЕНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

25-го февраля 1828 года № 94.

Во исполнение предложения вашего превосходительства от 2 генваря за № 84-м управа сия честь имеет при сем представить к вашему превосходительству по форме списки с аттестатами и документами удостоиваемых к знаку отличия беспорочной службы чиновников именно: акушера сей управы статского советника Планка, письмоводителя титулярного советника Попова, Пензенского уездного медика коллежского ассесора Ласковского, Наровчатского штаб лекаря над-

[1] Фонд 291, дело 9, лист 38.

[2] Фонд 291, дело 9, лист 41.

[3] Фонд 291, дело 9, лист 43. Журнал подписан инспектором Ефимом Яворским и оператором Карлом Рейснером.

ворного советника Бородулина и Чембарского штаб лекаря Белынского. Покорнейше просит ваше превосходительство удостоить их представлением вашим к означенному знаку отличия.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[1]

Г. ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

7 марта № 193.

Врачебная управа, рассмотрев свидетельство, доставленное вами в числе прочих при рапорте от 28 февраля за № 9, составленное в селе Поиме о найденном на дороге неизвестном мёртвом теле мужеска пола нашла: 1-е, что мнение, долженствующее быть всегда отдельно от прочих частей сего акта частию и при том для судебных инстанций самою важнейшею, изъясняемою в правильно написанной и совершенно понятливой речи, в сем свидетельстве хотя и выставлена, как отдельная часть оного, но не есть речь, ибо в оной не имеется ни подлежащего (субъекта), ни сказуемого слова (предиката), каковое не наблюдение даже первоначальных правил российской грамматики и всеобщей логики, доказывает совершенную беспечность и нерадение ваше. 2-е, вы говорите в мнении: «Что смерть воспоследовала от апоплексического удара, сопряжённого с описанными знаками, причинёнными ударами в голову тупым орудием»; но из сего совсем не явствует, чтобы апоплексия действительно воспоследовала от ударов тупым орудием в голову нанесённых, что вы вероятно хотели сказать. А по сему управа сия предписывает вам впредь составлять свидетельства так, чтобы всякий здравомыслящий человек мог понимать употребляемые вами выражения, ибо в противном случае вы сделаете в судебных местах остановку в производстве дел и срамите учёное сословие, к которому вы по званию своему причислены, вынуждая таким образом управу при всей ея снисходительности, прибегнуть к решительным и неприятным для вас мерам.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[2]

Г. ПЕНЗЕНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

2 апреля № 242.

Вашему превосходительству угодно было приказать членам управы вытребовать Чембарского штаб лекаря Белынского в присутствие оной. Во исполнение сего управа сия 12 марта № 200 предписывала г. Белынскому, чтобы он по

---

[1] Фонд 291, дело 12-а, лист 225.
[2] Фонд 291, дело 12-а, лист 236.

получении предписания в течение десятидневного срока, то есть не позже 22 того месяца явился в присутствие оной, буде же не явится к означенному числу, то сие почтено будет за непослушание начальства и с первою почтой сделается представление высшему начальству о удалении его от занимаемой должности. Г. Белынский на сие рапортом сей управе доносит, что он одержим двухдневною перемежающеюся лихорадкою с поносом, почему и прибыть в город Пензу не может. О чём врачебная управа имеет честь донести вашему превосходительству.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[1]

Г. ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

3 апреля № 247.

Его превосходительство г. гражданский генерал штаб доктор из представленного к нему сею управою от 25 истекшего генваря объездного журнала, веденного при обозрении медицинской части по Пензенской губернии за 1834 год, усмотрев, что вы, не радея о точном исполнении должности своей, допустили по заведываемой вами градской больнице и в особенности в больнице тюремного замка разные беспорядки и в пользовании больных найдены беспечным. От 15 истекшего марта № 589 изволил предписать врачебной управе за таковое нерадение ваше к службе сделать вам строгий выговор с подтверждением, что если вы впредь допустите таковые беспорядки, подвергнетесь строгому взысканию. Врачебная управа, давая вам знать о таковом предписании г. гражданского генерал штаб доктора предписывает, во исполнение прежнего предписания оной от 12 числа истекшего месяца, в возражении коего вы отказываетесь невозможностью прибыть в присутствие управы по причине болезни, по миновании оной немедленно явиться.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[2]

Г. НИЖНЕ-ЛОМОВСКОМУ ЛЕКАРЮ ШЕРЕМЕТЕВСКОМУ.

29 апреля № 298.

Чембарский штаб лекарь Белынский рапортом без означения числа и номера, года и месяца в сию управу в сей управе 1-го числа сего апреля полученном и за № 249 в докладной журнал записанном, доносит оной, что он одержим двухдневною перемежающеюся лихорадкой с поносом и хотя с трудом исправляет должность свою, но по требованию

---

[1] Фонд 291, дело 12-а, лист 237.
[2] Фонд 291, дело 12-а, лист 247.

сей управы от 12 числа истекшего марта о немедленном явлении его в присутствие оной до сих пор не только не является в присутствие управы, но как видно из дел оной должностью своею по обязанности службы совсем не занимается, как можно полагать по болезни им одержимой.

Почему управа сия с согласия г. начальника губернии поручает вам кроме собственного уезда ещё исправление должности Чембарского врача во всех ея отношениях с тем, чтобы вы коль скоро по требованию тамошних присутственных мест прибудете в город Чембар, нимало не медля освидетельствовали в болезни законным порядком означенного штаб лекаря Белынского и о том, что по свидетельству вашему окажется донесть управе сей по первой почте. Смотрение за больными в Чембарской градской больнице и таковой же в тюремном замке имеете поручать при отсутствии вашем под непосредственным надзором вашим вновь определённому в город Чембар старшему лекарскому ученику Гавржецкому.

ЖУРНАЛ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[1]

Г. ЧЕМБАРСКОМУ ШТАБ ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ.

30 апреля № 301.

В сию управу сего апреля 1-го числа поступил от вас рапорт без означения года, месяца, числа и номера, в коем вы прописываете что одержимы двухдневною перемежающеюся лихорадкой с поносом и хотя с трудом исправляете должность свою, но по требованию сей управы от 12 числа истекшего марта о немедленном явлении в присутствие оной до сих пор не только не явились, но как видно из дел управы должностию своею по обязанности службы совсем не занимаетесь, как можно полагать по болезни вас одержимой. Посему управа сия с согласия г. начальника губернии поручает вам должность свою по прибытии в город Чембар передать Нижне-Ломовскому врачу г. Шереметевскому, которому исправление должности уездного врача по городу Чембару оною управою поручено, при том предписано коль скоро он по требованию Чембарских присутственных мест прибудет в город Чембар освидетельствовать вас на законном основании, и свидетельство о болезни вашей представил бы в сию управу по первой почте. По выздоровлении же вашем имеете вы, не вступая в исправление должности вашей, немедленно прежде явиться в присутствие управы. При сем управа сия даёт вам знать, что по представлению оной к г. начальнику губернии от сего апреля 18 дня за № 264 Чембарский старший лекарский ученик Селезнёв по весьма малым способ-

[1] Фонд 291, дело 12-а, лист 248.

ностям и недостаточным по сей части познаниям от должности уволен, а на место его определён с 1-го мая сего года бывший Саранский старший лекарский ученик Осип Гавржецкий, удостоенный ныне при экзамене императорского Московского университета звания аптекарского гезеля 1-го отделения, который не только одарён способностями по части лекарского ученика, но имеет отличные познания по фармацевтической части. Аттестат об отставке имеете вы дать Селезнёву с подтверждением, чтобы он в течение полугода выбрал себе род жизни.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД. [1]

Г. НИЖЕ-ЛОМОВСКОМУ ЛЕКАРЮ ШЕРЕМЕТЕВСКОМУ.

17 июня № 434.

Чембарский штаб лекарь Белынский, присланным в сию управу на высочайшее имя прошением, просит уволить его от занимаемой им должности, по каковому предмету управа, сделав со своей стороны надлежащее распоряжение, сим вам предписывает, до определения на вакансию сию другого медицинского чиновника исправлять должность Чембарского врача во всех отношениях, кроме своей по местному назначению, принять от г. Белынского все дела до медицинского управления относящиеся, равно книги и инструменты по описи, а медикаменты и материалы по каталогу, о которых за общим вашим подписом, имеете представить в сию управу описи и каталоги.

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД. [2]

Г. ПЕНЗЕНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

18 июня № 435.

Чембарский штаб лекарь коллежский ассесор Григорий Никифоров Белынский представил при рапорте от 13 июня сего года в сию управу на высочайшее имя прошение, в коем, объясняя, что он хотя имеет ревностное желание продолжать, как верно подданным, службу его императорского величества, но совершенно расстроенное его здоровье от перенесённых трудов, долговременного его служения полученное и домашние обстоятельства лишают его возможности к дальнейшему продолжению и точному исполнению возложенной на него должности, а по сему просит по вышеозна-

[1] Фонд 291, дело 12-а, лист 275.

[2] Фонд 291, дело 12-а, листы 275—276.

ченным причинам от занимаемой им должности его уволить, снабдя пашпортом об отставке и аттестатом о службе его. Врачебная управа, не имея никакого со своей стороны препятствия к увольнению г. Белынского, честь имеет представить о сем копию формулярного списка о службе г. Белынского на благорассмотрение вашего превосходительства, с таковым при том [донесением],[1] что продолжающий ныне службу в Таврической губернии Днепровский уездный врач Фёдор Христианов Цвернер при рапорте от 16 апреля сего года за № 4 представил в сию управу на высочайшее имя прошение с изъяснением желания продолжать службу по Пензенской губернии в каком либо уездном городе оной, но как он Цвернер при просьбе не приложил о службе своей формулярного списка, то управа сия отнеслась о доставлении такового в Таврическую врачебную управу. Однако, чтобы не остановить ход дел, то управа сия, не дожидаясь от Таврической врачебной управы уведомления, сим имеет честь представить о таковом желании г. Цвернера вашему превосходительству со всепокорнейшею просьбою, не угодно ли будет, так как формулярные списки всех вообще медицинских чиновников гражданского ведомства имеются у г. гражданского генерал штаб доктора, представить о увольнении Белынского и о перемещении Цвернера в должность Чембарского уездного врача куда следует и управу сию по получении о сем разрешения, не оставить без уведомления

ЖУРНАЛ ПЕНЗЕНСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ ЗА 1835 ГОД.[2]

ГОСПОДИНУ ПЕНЗЕНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

7 июля № 467.

Чембарский городничий отношением от 4 июля за № 1430 уведомляет управу сию, что тамошний штаб лекарь Белынский июля с 3 на 4 число волею божию помре. О чём врачебная управа честь имеет донести вашему превосходительству.[3]

О СМЕРТИ М. И. БЕЛЫНСКОЙ.[4]

Из метрической книги данной из Нижне-Ломовского духовного правления города Чембара, Николаевской двоештатной церкви, причту для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1834 год.

---

[1] В скобках взято слово, не поддающееся прочтению, по смыслу подходит слово «донесением».

[2] Фонд 291, дело 12-а, лист 284-а.

[3] Аналогичное сообщение за № 468 от 7 июля направлено к гражданскому генерал штаб доктору.

[4] Фонд 182, дело 35, опись 1, ведомость за 1834 год, лист 55. В скобках расшифровка археографа.

Часть третья о умерших:

№№		Когда и кто именно померли	Лета		Отчего приключилась смерть	Кем исповеданы и приобщены	Где и кем погребены
Мужск. пол	Женск. пол		Мужес. пол	Женс. пол			
		В августе двадцать девятого ассесора Белынского жена Марья Иванова	—	41	волею	прот[онереем] Студенским	на отведённом кладбище

III.

ВЕДОМОСТИ

ЧЕМБАРСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА И ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

ВЕДОМОСТЬ О СОСТОЯНИИ ЧЕМБАРСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА ЗА 1823—1824 АКАДЕМИЧЕСКИЙ ГОД.[1]

В каких местах находятся и какие именно училища	Сколько классов и чему обучают	Приращение учебных пособий всякого рода и в чём оное состоит	Учители и другие чиновники штатные и сверхштатные, также и вакантные места по штату
1	2	3	4
Пензенской губернии в городе Чембаре уездное училище	Два класса: в I-м обучают катехизису, священной истории, чтению священного писания, российской грамматике, правописанию, 1-й части арифметики, чистописанию и рисованию	В сем академическом году к прежде присланным учебным пособиям поступили: 3 таблицы всемирной истории г-на Кайданова и 4-ре таблицы 2-го издания российской истории сочинения кавалера Филистри	Почётный смотритель. Штатный смотритель, он же и учитель 2-го класса. Учитель 1-го класса. Учитель закона божия. Учителя рисовального класса ваканция.

1 Фонд 81, дело 3, листы 20, 21.

Ведомость помещена на развёрнутом листе и состоит из семи рядом расположенных граф. Печатаем графы ведомости одну вслед за другой: в графе 5-й опускаем перечень 32 учеников 1-го класса, заменяя их точками.

В каких местах находятся и какие именно училища	Сколько классов и чему обучают	Приращение учебных пособий всякого рода и в чём оное состоит	Учители и другие чиновники штатные и сверхштатные, также и вакантные места по штату
1	2	3	4
	Во II-м классе: катехизису, 2-й части арифметики, всеобщей и российской географии, всеобщей и российской истории, начальным основаниям геометрии и физики, правилам слога и рисованию.		

Число учеников в каждом классе с показанием хороших, средственных и дурных по учению и поведению	Всего	В течение года учеников, окончивших с похвалою учение и не окончивших выбыло
5	6	7
Во 2-м классе 14 человек. Из них с хорошими успехами 4: Пётр Семёнов, Виссарион Белынский, Павел Семёнов и Сергей Протасов. С нехудыми 6: Дмитрий Иванов, Николай Иванов, Александр Семёнов, Михайло Репьин, Дмитрий Семёнов и Андрей Сударев. С слабыми 2: Фёдор Казуров и Константин Белынский. Все ученики 2-го класса хорошего поведения. В 1-м классе 32 человека. Из них: С хорошими успехами 6 . . . . . . С нехудыми 5 . . . . . . С слабыми 21	Всего в обоих классах учеников 46 человек	7 человек не окончивших курса учения

Из числа вышеписанных учеников 1-го класса с слабыми успехами 15 человек числятся в приготовительном классе.

Все ученики 1-го класса поведения хорошего, кроме 4-х, как то: Сергея Юлианова, Ивана Дмитриева, Гаврилы Веденяпина и Александра Иванова, кои поведения средственного.

Смотритель Аврам ГРЕКОВ.

* * *

Составляя ведомость, смотритель училища перечислил фамилии всех учеников, разбив их на группы по успеваемости. Сравнивая его ведомость с ведомостями других училищ, видим, что перечень вовсе не требовался по форме. Благодаря этому отступлению от формы мы узнаём о том, что Белинский был в числе четырёх лучших учеников училища, а также узнаём имена его товарищей по классу. Среди них отметим его младшего брата, малоспособного, неудачливого Константина и трёх его родственников (двоюродных племянников) Дмитрия, Николая и Александра Ивановых.

Чембарское училище было основано 1 ноября 1821 года, а открыто 15 сентября 1822 года, когда и поступил в него Виссарион Белинский. Следовательно, ведомость даёт сведения за второй год его обучения, которое он продолжал и в 1824—1825 г.г. Штат Чембарского училища в 1823—1824 г.г. составляли: почётный смотритель Алексей Беклемишев, помещик Чембарского уезда, штатный смотритель и учитель II класса Авраам Греков, учитель I класса и он же учитель приготовительного класса Василий Рубашевский и учитель закона божия священник Василий Чембарский. Учителя рисования училище не имело очень долго.

В фонде Дирекции Пензенских училищ есть несколько документов, свидетельствующих об убогой обстановке Чембарского училища в первые годы его существования. Мебель была самая примитивная, как можно судить по заявлению преемника Грекова, Тукальского: «С самого открытия училища, не было и нет при оном никакой казённой мебели, кроме простых крестьянских почти стульев и столов. Даже гг. учителя принуждены бывают приносить с собою в класс свои стулья, на которых могли бы сидеть, нет нужных ученических столов, скамеек, нет нужной для училища кафедры». (Фонд 81, дело 27, лист 100, а также дело 1427).

РЕЕСТР КНИГАМ, ПО КОИМ ПРЕПОДАЮТСЯ ПРЕДМЕТЫ В ЧЕМБАРСКОМ УЕЗДНОМ УЧИЛИЩЕ.[1]

1. Пространный катехизис, по книге, изданной при учреждении народных училищ в Российской империи, печатанной 1822 года.

---

[1] Фонд 81, дело 7-а, лист 9.

2. Чтение из четырёх евангелистов, по книге, изданной от главного правления училищ, печатанной 1825 года.

3. Священная история, по книге, изданной для народных училищ Российской империи, печатанной 1822 года.

4. Российская грамматика и правописание, по книге, изданной главным правлением училищ для преподавания в нижних учебных заведениях, печатанной 1823 года.

5. Арифметика, по книге, изданной главным правлением училищ для употребления в народных училищах, печатанной 1822 года.

6. Всеобщая история, по книге сочинения профессора императорского Царскосельского лицея господина Кайданова, печатанной 1821 года.

7. Российская история, по книге, изданной в пользу народных училищ Российской империи, печатанной 1816 года.

8. Всеобщая география, по книге сочинения господина профессора Санкт-Петербургского университета Зябловского, печатанной 1821 года.

9. Физика, по книге, изданной г-м Гиляровским, печатанной 1811 года.

10. Геометрия, по книге, изданной для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению, печатанной 1823 года.

11. Российская география, по книге, изданной для употребления в уездных училищах Российской империи, от департамента народного просвещения 1822 года.

Смотритель Аврам ГРЕКОВ.

* * *

Реестр составлен в ответ на предписания директора Пензенских училищ и послан в сопровождении особого отношения, подписанного А. Грековым и датированного 13 апреля 1825 года. Следовательно, реестр относится к последним месяцам учения В. Г. Белинского в уездном училище. Если сопоставить этот перечень книг с книгами, употреблявшимися в Пензенской гимназии в 1825—1826 г. г., то легко убедиться, что большинство учебников совпадают (катехизис, физика, российская история и география, всеобщие история и география).

Общность учебников училища и гимназии говорит за то, что училище дало неплохую подготовку В. Г. Белинскому. Слабым местом училища было отсутствие всяких пособий и малое число учебников. Преемник Грекова, смотритель Тукальский, писал об этом неоднократно в Пензенскую дирекцию: «Недостаток в учебных пособиях находится весьма ощутительным почти по всем частям. Нет никаких историче-

ских книг, не только для руководства учителям, но даже и учебных историй, употребляемых в училищах для учеников. По части физической нет не только каких либо инструментов, но даже и самых книг. По части математической также нет ничего». (Фонд 81, дело 1427, листы 21, 46. Краткая ведомость о состоянии Чембарского уездного училища за первую половину 1828 г.).

В 1831 году Тукальский жаловался дирекции на то, что «недостаток в учебных пособиях находится по части историко-географической и физико-математической. По первой: нет ни одного экземпляра Всеобщей истории, не только в руководство учителям, но даже и самим ученикам обыкновенных учебных книг на сей предмет изданных для уездных училищ, нет также ландкарт, кроме Европы, недавно покупкою приобретённой... Нет ни одного также экземпляра физики, а потому ученики из таких предметов с довольно ощутительным отягощением должны списывать уроки со слов учителя, нет небесного глобуса. По части геометрии нет самых простейших обыкновенных пособий, не говорю об астролябии, компасе, нет при училище даже циркуля, транспортира и подобных сему вещей». (Фонд 81, дело 27, оборот 25 л.).

ОТМЕТКИ В. Г. БЕЛИНСКОГО ПО ВЕДОМОСТЯМ ЗА 1825—1826 АКАДЕМИЧЕСКИЙ ГОД.[1]

	Закон Божий			Русская словесность			Математика		История и География					Латинский язык		Рисование		
	Успехи	Поведение	Не был в классе	Успехи	Поведение	Не был в классе	Успехи	Поведение	Успехи	Поведение	Прилежание	Был	Не был в классе	Успехи	Поведение	Успехи	Поведение	Не был в классе
В 1 классе																		
За месяц Октябрь 1825 г.	2	2	3	—	—	—	—	—	4	4	4	8	5	3	4	2	2	4
За Ноябрь	2	2	—	1	4	—	1	4	4	4	4	13	—	2	4	2	2	4

[1] Ведомости гимназии за 1825—1826 академический год не сохранились. Чтобы заполнить образующийся пробел из-за отсутствия архивных материалов за 1825—1826 учебный год, публикуемую сводку отметок В. Г. Белинского перепечатываем из книги Зеленецкого: «Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии» с 1804 по 1871 гг. (изд. Пенза, 1889).

	Закон Божий			Русская словесность			Математика		История и География					Латинский язык		Рисование		
	Успехи	Поведение	Не был в классе	Успехи	Поведение	Не был в классе	Успехи	Поведение	Успехи	Поведение	Прилежание	Был	Не был в классе	Успехи	Поведение	Успехи	Поведение	Не был в классе
За первую половину 1825—1826 учебн. года	2	3	—	1	4	30	—	—	—	—	—	—	—	3	4	2	2	9
За месяц Январь 1826 г.	2	2	—	1	4	7	3	3	4	4	4	9	—	3	4	2	2	4
За Март	2	2	—	2	4	—	2	4	4	4	4	12	—	4	4	1	1	2
За Апрель	2	2	—	1	4	—	—	—	3	4	3	2	4	3	3	—	—	—
За Май	—	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	6

В приводимой сводке есть неясности. Неизвестно, например, что означают чёрточки, проставленные за октябрь 1825 г. и апрель и май 1826 г. по математике: отсутствовали ли ведомости за эти месяцы, или Белинский отсутствовал на уроках и не получил отметок.

В первые же месяцы учения Белинского в гимназии установились его прекрасные знания по истории и географии, средние по латинскому языку и плохие по математике и закону божьему, а также плохое поведение на уроках по последнему предмету. Несколько удивляют единицы, которые Белинский получал в 1-м классе по русской словесности за успехи при отличных отметках за поведение, в следующих классах эти плохие отметки по словесности не повторялись.

Очень плохо зарекомендовал себя Белинский на уроках рисования, очевидно, не обнаружив никаких способностей и интереса к этому предмету.

Во II-м и III-м классах Белинский рисованию более не обучался, так же как и иностранным языкам.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА I-ю ПОЛОВИНУ АКАДЕМИЧЕСКОГО 1826—1827-го ГОДА.[1]

Число учеников	Имена и их прозвания	Имена родителей и состояние их	Возраст учеников	Год, месяц и число вступления в гимназию	Успехи	Поведение	Сколько было в полгода классов	Сколько раз ученик в течение полгода в классах: Не был	Поздно приходил	Сколько раз последовалось ученію с начала прихода ученика в гимназию	Ск. раз ученик с начала прихода в гимназию: Не был	Позано приходил
1	2	3	4	5	6	7	8	9		10	11	
	1-го класса											
1	Василий Гаврилов	Воспит[анник] коллеж[ского] советника Гаврилова	13	1824 Ав-г[уста] 1	3	4	299	—	—	1495	136	—
2	Николай Образцев	Купец Тимофей Образцев	12	—	2	3	299	70	—	1495	230	—
3	Димитрий Калинин	Дворов[ый] человек Егор	15	1825 Ав-[густа] 1	4	4	299	—	—	897	150	
4	Иван Курышов	Тит[улярный] совет-н[ик] Иван	13	—	3	4	299	—	—	897	50	
5	Александр Митюрин	Титул[ярный] совет-н[ик] Василий	14	—	1	2	299	100	—	897	300	—
6	Михаил Попов 1-й	Тит[улярный] совет-н[ик] Алексей	13	1825 Ав-[густа] 1	2	4	299	80 по бол.	—	897	80	
7	Константин Гвоздев	Купец Иван	13	—	3	4	299	30	—	897	100 по бол.	
8	Пётр Слепцов	Надв[орный] совет-н[ик] умер	14	—	3	4	299	—	—	897	30	
9	Пётр Ларионов	Статский совет[ник] Сергей	13	—	2	4	299	—	—	897	—	—

1 Фонд 58, дело 5, л.л. 1—17.

1	2	3	4	5	6	7	8	9		10	11	
10	Евгений Миловзоров	Отпущенник Евгений	13	1826 Ав[густа] 1	3	4	299	—	—	299	—	—
11	Александр Надеждин	Медведев	11		4	4	299	—	—	299	—	—
12	Пётр Казицын	Купец Александр	12	—	4	4	299	—	—	299	—	—
13	Александр Егоров	Титул [ярный] советник Иван	12	1826 Авг[уста] 1	3	4	299	—	—	299	—	—
14	Григорий Бабынин	Мещанин Николай	15	—	2	4	299	—	—	299	—	—
15	Михаил Полежаев	Титул [ярный] советник Василий	12	—	3	4	299	—	—	299	—	—
16	Николай Латышев	Тит [улярный] сов[етник] Михаил	14	—	1	3	299	—	—	299	—	—
17	Фёдор Дьячков	Колл [ежский] секрет[арь] Никиф[ор]	12	—	2	3	299	—	—	299	—	—
18	Дмитрий Алексеев	Воспитанник колл[ежского] секретаря	13	—	3	4	299	—	—	299	—	—
19	Николай Карыжин	Воспитанник Василия Радищева	15	1826 Ав[густа] 1	3	4	299	50	—	299	50	—
20	Дмитрий Дмитриев	Тит [улярный] совет[ник] Василий	14	—	4	4	299	—	—	299	—	—
21	Дмитрий Иванов	Тит [улярный] совет[ник] Пётр	12	—	3	4	299	—	—	299	—	—
22	Михаил Попов 2-й	Тит [улярный] совет[ник] Степан	10	—	4	4	299	—	—	299	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9		10	11	
	2 класса											
23	Алексей Максимов	Тит[улярный] совет[ник] Фёдор	15	1822 Ав[густа] 1	3	4	296	—	—	2688	429	—
24	Михаил Борщёв	Колл[ежский] сек-р[етарь] Иван	13	1823 Ав[густа] 1	3	4	296	—	—	2072	100	—
25	Степан Желдыбин	Тит[улярный] совет[ник] Степан	14	1824 Ав[густа] 1	2	4	296	—	—	1492	20	—
26	Павел Попов	Тит[улярный] совет[ник] Яков	10	—	2	4	296	—	—	1492	50	—
27	Виссарион Белынский	Штаб лекарь Григорий	15	1825 Ав[густа] 1	4	4	296	—	—	894	60	—
28	Павел Архипов	Колл[ежский] секрет[арь] Иван	15	—	4	4	296	—	—	894	—	—
29	Григорий Попов	Тит[улярный] совет[ник] Василий	13	—	3	4	296	—	—	894	—	—
30	Ипполит Коновалов	10 кл[асса] Антон	13	1825 Ав[густа] 1	3	4	296	—	—	894	—	—
31	Николай Слепцов	Подпоручик Лаврентий	13	—	4	4	296	—	—	894	—	—
32	Алексей Слепцов	„	14	—	3	4	296	—	—	894	—	—
33	Клавдий Лебедев	Губ[ернский] секрет[арь] Никифор	13	—	3	4	296	10	—	894	50	—
34	Павел Кашаев	Мещанин Николай	15	—	2	4	296	—	—	894	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9		10	11	
35	Козма Цветков	Коллеж[ский]секрет[арь]Игнатий	13	—	3	4	296	—	—	894	—	—
36	Семён Гвоздев	Купец Иван	14	1825 Ав[густа] 1	3	4	296	—	—	894	—	—
37	Константин Максимов	Тит[улярный] совет[ник] Фёдор	13	—	3	4	296	—	—	894	—	—
	3- го класса											
38	Николай Григорьев	Шт[абс] капит[ан] Лев	14	1824 Ав[густа] 1	3	4	303	20	—	1493	50	—
39	Кастор Лебедев	Губ[ернский] секрет[арь] Никифор	13	—	4	4	303	—	—	1493	—	—
40	Апп[олон] Протопопов	Тит[улярный] сов[етник] Андриян	15	1823 Ав[густа] 1	3	4	303	—	—	2091	300	—
41	Пётр Каптерев	Тит[улярный] совет[ник] Александр	13	1822 Ав[густа] 1	2	4	303	—	—	2683	30	—
	4-го класса											
42	Юлий Яги	Колл[ежский] ассес[ор] Иван	15	1823 Ав[густа] 1	4	4	316	—	—	2112	—	—
43	Леонид Лебедев	Губ[ернский] секр[етарь] Никиф[ор]	15	—	4	4	316	—	—	2112	—	—
44	Василий Желдыбин	Тит[улярный] сов[етник] Степан	15	—	4	4	316	—	—	2112	—	—
45	Николай Попов	Тит[улярный] сов[етник]Алексей	15	—	3	4	316	—	—	2112	—	—
46	Виктор Терентьев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	15	1823 Ав[густа] 1	4	4	316	—	—	2112	—	—
47	Константин Васильев	Колл[ежский] совет[ник] Иван	15	—	3	4	316	20	—	2112	254	—
48	Павел Каптерев	Тит[улярный] совет[ник] Александр	15	1822 Ав[густа] 1	3	2	316	—	—	2718	204	—

Исправляющий должность директора Пензенских училищ
Старший учитель Н. ДМИТРИЕВСКИЙ

Ведомости 1826—1827 года дают ценные сведения об ученике Дмитрии Калинине. Его отцом указан «дворовый человек Егор». Поступил он, как и Белинский, 1-го августа 1825 года, в 1826 году ему также было 15 лет. В ведомости 1826—1827 академического года Калинин значится в 1-м классе, так как, очевидно, остался в нём на второй год. Успехи его, как и поведение, оценены сводными отличными отметками (4). За первый год учения он пропустил 150 «классов», т. е. четверть всех уроков, бывших в этот год. Может быть, этим и объяснялось то, что он был оставлен на второй год.

В ведомостях за январь и февраль 1827 года, которые мы публикуем далее только за II класс, где учился Белинский, имеются следующие отметки Д. Калинина: математика —успехи 2, поведение 4, словесность—успехи и поведение 4, история и география—успехи 4, поведение 3, закон божий—успехи и поведение 3, латинский язык—успехи и поведение 4, немецкий язык—успехи и поведение 3, французский язык и рисование Калинин не изучал. В ведомостях 1827—1828 года и позднее имя Калинина отсутствует.

Класс В. Г. Белинского, состоявший из 15 человек, по социальному составу учащихся был довольно однороден: преобладали дети мелких чиновников (титулярных советников и коллежских секретарей). По возрасту Белинский был одним из старших, по учению в это полугодие — одним из лучших учеников своего класса.

Под № 19 в ведомости значится ученик Николай Карыжин. Очевидно, он ошибочно указан, как воспитанник Василия Радищева. В следующих ведомостях он значится воспитанником Николая Радищева, вероятно, сына Ал. Н. Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву». За год до поступления в гимназию В. Г. Белинского окончил в ней курс другой «воспитанник титулярного советника Ник. Алек. Радищева» Селиван Чекаевский. (Гимназические ведомости за 1824—1825 акад. год, IV класс).

По сводной ведомости за I полугодие 1826—1827 г.г. можно судить о том, что было пройдено Белинским в I полугодии первого класса, так как программа и преподаватели остались те же, что и в предшествующем году. По этой ведомости ясно представляется гимназическая программа всех четырёх классов.

ПЕРЕЧЕНЬ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ, ПРОЙДЕННЫХ ЗА I ПОЛОВИНУ 1826—1827 ГОДА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ.[1]

В первом классе.

1. По классу Закона Божия.

Выучено из пространного Катехизиса, изданного при учреждении народных училищ, с начала до пояснения 5 члена символа веры. Из священной истории пройдено в третьем периоде до кончины Авраама по руководству священной истории, изданной преосвященным Филаретом.

2. По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из части I-й, отделения I-го, с I-й главы об общих понятиях об Алгебре до главы XIX: о логарифмах.

Из Геометрии по Фусу: из части II-й, отделения I-го, с главы I-й, содержащей в себе предварительные изъяснения, до главы II о линиях прямых и сторонах прямолинейных фигур и из сей главы с § 71 до § 105-го.

3. По классу Логики и Риторики.

По краткой Логике и Риторике для учащихся в Российских духовных училищах пройдено:

Из Логики: введение, главу I о понятиях, гл. 2 о рассуждениях, гл. 3 о заключении, гл. 4 о истине и ложном, гл. 5 о способе находить истину.

Из Риторики: введение, гл. I о периодах, гл. 2 о разделении периода.

4. По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей Истории: введение, история Израильтян, Ассириян, Вавилоненян, Мидян, Персов, Финикиян, Карфагенян, Египтян и история Греции до Пелопонесской войны.

Из Всеобщей Географии: определение и разделение её; математическую, физическую географию, а из политической географии Европу и в ней государства: Швецию и Норвегию, Данию, Англию, Испанию, Португалию и Турцию.

5. По классу Латинского языка.

По Латинской грамматике Кошанского:
Из Этимологии: с начала до гл. III о местоимениях.

[1] Фонд 58, дело 5, листы 2—17.

6. По классу Французского языка.

По Французской азбуке Ушаковой, гл. I о буквах, гл. 2 особые правила о согласных буквах, гл. 3 молитвы до II части сокращённой Этимологии и учили слова на память.

7. По классу Немецкого языка.

Занимались чтением, чистописанием и учили вокабулы.

8. По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур и фигур.

Во втором классе

1. По классу Закона Божия пройдено то же, что и в первом классе.

2. По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из II-го отделения с главы I-й: о сложении составных количеств до главы X: о перемножении букв до § 247-го.

Из Геометрии по Фусу из II части, из отделения 1-го прошли главу III о круге и фигурах в нём вписанных и около него описанных, а из главы IV о линиях пропорциональных и о подобии фигур с § 178 до § 186. Сверх сего повторяли старое.

3. По классу Логики и Риторики.

Из Логики повторяли всю Логику. Из Риторики повторяли: гл. 3, гл. 4, гл. 5 и вновь прошли гл. 6 о хриях, гл. 7 о письмах, гл. 8 о расположении больших слов и занимались сочинением периодов.

4. По классу Истории и Географии.

Из Российской Истории от пришествия Рюрика до нашествия татар.

Из Российской Географии всю Географию Российского Государства.

5. По классу Латинского языка.

Занимались повторением Этимологии и прошли из Синтаксиса по грамматике Кошанского с I-й главы до главы IX: о падеже винительном. Сверх сего занимались переводами с Российского на Латинский и обратно.

6. По классу Французского языка.

По Французской Ломондовой грамматике: с главы I-й о имени, гл. II о члене, гл. III о прилогательном имени, гл. IV о местоимении, гл. V о глаголах до гл. VI о причастиях. Сверх сего занимались чтением, диктовкой и учением слов.

7. По классу Немецкого языка.

По грамматике Шумахера прошли до спряжения возвратных глаголов и занимались учением слов.

8. По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур, фигур и пейзажей карандашом и тушью.

В третьем классе.

I. По классу Закона Божия.

Из пространного Катехизиса: до таинства покаяния.

Из Священной Истории: в V периоде до Израильского судии Сампсона.

2. По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из I-й части, из III отделения с главы IV о решении уравнений I степени два или более неизвестных количеств в себе содержащих до гл. VII: о разрешении полных уравнений 2 степени.

Из Геометрии по Фусу: из II части, из I отделения: о превращении и делении фигур, из II отделения, с главы I-й до главы II о взаимном положении плоскостей.

Из физики Гиларовского: с I-го отделения об общих свойствах тел до отделения III-го о гасах. Из механики, изданной для народных училищ: с главы I-й о движении, с I-й статьи о равномерном движении до статьи III.

3. По классу Логики и Риторики.

Из Логики: повторяли всю логику.

Из Риторики: повторяли всю риторику с объяснением правил из словесности Толмачёва и занимались сочинением хрий.

4. По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей Истории прошли всю историю Англии.

5. По классу Естественной Истории.

Из Зоологии по Блуменбаху: общие рассуждения: о телах естественных, органических, о животных и разделении их по системам Линнея, Кювье, Ламарка, о млекопитающих и разделении их по Линнею, Блуменбаху, Дюмерилю и других, роды и виды оных по отделениям: двурукие, четверорукие, ногокрылые, свободнопалые, грызущие.

Из Минералогии по Ориктогнозии Фишера: общее рассуждение о сей науке, терминологию, из коей рассматривали наружные, физические и химические признаки минералов, историю и о пользе минералогии.

6. По классу Латинского языка.

Прошли из Синтаксиса до герундий и занимались переводами с Латинского на Российский из хрестоматии Кошанского.

7. По классу Французского языка.

По Ломондовой грамматике: с гл. VI о причастии до гл. XI о правописании и из сей главы до словоударения. Сверх сего занимались диктовкою, чтением и анализом.

8. По классу Немецкого языка.

Прошли из Синтаксиса гл. IV о управлении глаголов по грамматике Шумахера и занимались переводами с Немецкого на Российский.

9. По классу Рисования.

Рисуют с фигур карандашом и тушью.

В четвёртом классе.

I. По классу Закона Божия.

Пройдено то же, что и в третьем классе.

2. По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из I-й части, из отделения III-го гл. VIII: о разрешении полных уравнений 2 степени; из отделения IV прошли с гл. I: об отношении арифметическом до главы V: об отношении геометрическом.

Из Геометрии по Фусу: из II части, из II отделения прошли с главы III о поверхностях тел, гл. IV: о сравнении тел и гл. V: о толщине тел.

Из Физики Гиларовского прошли из отделения IV о воде до отделения V-го об огне.

Из механики из III главы о машинах и весах статью II о блоке до статьи III о вороте.

3. По классу Логики и Риторики.

Логику повторяли всю. Риторику повторяли всю с объяснением правил из словесности Толмачёва и занимались изъяснением хрий и риторическим разбором пиес из образцовых сочинений.

4. По классу Истории и Географии.

Из статистики Российского государства: историю и определение науки, границы России, горы и реки, естественные произведения, народонаселение, о народном богатстве до статьи об образовании. Кроме сего повторены первая и вторая части Всеобщей Истории, пройдены географии Азии, Африки и Европы.

5. По классу Естественной Истории.

Из Зоологии по Блуменбаху: общее рассуждение о птицах, и разделении их и главнейшие роды и виды оных по отделениям: хищные, легконосые, дятлы, соровые, певчие, дворовые, малокрылые, голенастые и плавающие. Сверх сего были изъясняемы новейшие системы животных в обще— Линнея, Кювье, Ламарка и других, млекопитающих—Линнея, Кювье, Жоффроа, Дюмериля, Фишера и Демаре.

Из Минералогии по Ориктогнозии Фишера: роды и виды земель и камней отделений: глинистые, тальковые, известковые, стронцианные и тяжёлые, соли и горючие тела.

Из Ботаники по Терминологии Вильденова: вообще о ботанике и разделении оной на части, о разделении растений на естественные семейства, о сушении трав, о частях растений.

Произращения: корень, ствол, ветви.

Цветорасположение: листы, подпорки, зимовье и плодотворение: чашечка, венчик, простой и сложный; тычинки; пестик и медовые сосудцы.

6. По классу Латинского языка.

Занимались чтением Цицерона о дружестве и переводами из других авторов: из Виргилия, из Тита Ливия.

7. По классу Французского языка.

Повторяли всё пройденное в 1-м и 2-м классах и занимались диктовкою, чтением, анализом и переводами.

8. По классу Немецкого языка.

Занимались переводами с Немецкого языка и обратно.

9. По классу Рисования.

Рисуют с фигур, пейзажей, исторических эстампов тушью и красками.

Испр. дела директора Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ТАКЖЕ О ДНЯХ НЕБЫТИЯ ИХ В КЛАССАХ И ЧТО ПРОЙДЕНО С НИМИ ИЗ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ ЗА МЕСЯЦ ГЕНВАРЬ 1827 ГОДА.[1]

(По Закону Божьему).[2]

Число учеников	Имена и прозвания	Сколько кто не был	Сколько кто был	Успехи	Поведение	Что пройдено из учебных предметов
	Ученики второго класса					
1	Павел Архипов	—	6	4	4	С учениками первого и второго классов пройдено из пространного Катехизиса до осьмого члена символа веры, а из истории до кончины Иосифа сына Иаковлева.
2	Ипполит Коновалов	2	4	4	4	
3	Павел Кашаев	—	6	3	4	
4	Григорий Попов	—	6	3	4	
5	Алексей Максимов	—	6	1	3	
6	Константин Максимов	—	6	1	3	
7	Павел Попов	2	4	2	3	
8	Клавдий Лебедев	—	6	3	4	
9	Стефан Желдыбин	2	4	3	3	
10	Михаил Борщёв	—	6	3	3	
11	Виссарион Белынский	6	—	1	2	
12	Семён Гвоздев	2	4	4	3	
13	Козма Цветков	—	6	3	3	
14	Алексей Слепцов	—	6	2	3	
15	Николай Слепцов	—	6	3	3	

Законоучитель священник Фёдор ОСТРОВИДОВ

[1] Публикуемая за январь месяц 1827 года часть ведомостей относится ко второму классу, в котором в этом году учился Белинский. Однородные заголовки, находящиеся в начале каждой из ведомостей опускаются, взамен в скобках указан предмет, по которому публикуются сведения. Из заголовка ведомости по истории и географии фамилия учителя перенесена в конец ведомости, как это имеет место в других ведомостях.

[2] Фонд 58, дело 5, лист 19.

(По Математике).[1]

Число учеников	Имена и прозвания	Успехи	Поведение	Был	Не был	Что пройдено
	2-го класса					
22	Алексей Максимов	2	3	6	2	II-го класса
23	Михаил Борщёв	3	3	6	2	Из Геометрии по Фуссовой
24	Степан Жалдыбин	2	3	6	2	Повторяли из части II-й отделения I-го из главы II-й до главы III-й о круге и фигурах в нем вписанных и около него описанных.
25	Павел Попов	2	4	6	2	
26	Вис[сарион] Белынский	1	3	6	2	
27	Павел Архипов	4	4	6	2	Из Алгебры по Фуссовой
28	Григор[ий] Попов	2	3	6	2	Прошли о переложении букв, на котором основано доказательство предыдущего правила до главы II-й о разложении неизвлекомых степеней в бесконечные ряды.
29	Иппол[ит] Коновалов	4	4	6	2	
30	Николай Слепцов	4	4	6	2	
31	Алексей Слепцов	4	4	6	2	
32	Клавдий Лебедев	4	4	6	2	
33	Павел Кашаев	3	4	6	2	
34	Кузьма Цветков	3	4	6	2	
35	Семён Гвоздев	3	4	6	2	
36	Констан[тин] Максимов	1	3	6	2	

[1] Фонд 58, дело 5, листы 18, 48.

(По Логике, Риторике и Французскому языку).[1]

Число учеников	Имена их и прозвания	По классу Российской словесности			По классу Французского языка			Поведение	Учебные предметы и что из оных пройдено
		Был	Не был	Успехи	Был	Не был	Успехи		
	2-го класса								Во 2-м По Краткой Логике и Риторике для учащихся в духовных училищах. Из Логики. Повторяли с начала до конца. Из Риторики. Прошли вновь гл. 9 о родах слога, гл. 10 о принадлежностях слога и гл. 11 последнюю о произношении слога. Из Ломондовой Французской грамматики. Повторяли все неправильные глаголы и занимались диктовкою, анализом и переводом.
	Алексей Максимов	7	3	1	Не учится			4	
	Михаил Борщёв	10	—	4	7	—	4	4	
	Степан Желдыбин	10	—	3	7	—	2	4	
	Павел Попов	9	1	1	Не учится			4	
	Виссарион Белынский	4	6	4	Не учится			4	
	Павел Архипов	5	5	3	3	4	2	4	
	Григорий Попов	7	3	2	5	2	1	4	
	Ипполит Коновалов	8	2	2	3	4	1	4	
	Николай Слепцов	9	1	1	6	1	4	4	
	Алексей Слепцов	9	1	1	6	1	4	4	
	Клавдий Лебедев	10	—	1	7	—	4	4	
	Павел Кашаев	10	—	2	Не учится			4	
	Козма Цветков	8	2	2	6	1	2	4	
	Семён Гвоздев	5	5	3	6	1	4	4	
	Константин Максин	9	1	1	Не учится			4	

Старший учитель Василий ЯБЛОНСКИЙ.

[1] Фонд 58, дело 5, лист 20.

(По Латинскому языку). [1]

Число учеников	Имена и прозвания	Успехи	Поведение	Был	Не был	Что пройдено
	2-го класса					Занимались повторением пройденного из синтаксиса и переводами с Российского на Латинский и обратно.
22	Алексей Максимов	3	4	6	—	
23	Михаил Борщёв	2	4	6	—	
24	Степан Жалдыбин	2	4	6	—	
25	Павел Попов	2	3	6	—	
26	Виссарион Белынский	3	4	6	—	
27	Павел Архипов	3	4	6	—	
28	Григорий Попов	3	4	6	—	
29	Ипполит Коновалов	3	4	6	—	
30	Николай Слепцов	4	4	6	—	
31	Алексей Слепцов	3	4	6	—	
32	Клавдий Лебедев	3	4	6	—	
33	Павел Кашаев	2	3	6	—	
34	Козма Цветков	2	3	6	—	
35	Семён Гвоздев	3	4	6	—	
36	Констант[ин] Максимов	3	4	6	—	

Старший учитель Латинского языка
Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

[1] Фонд 58, дело 5, листы 24, 44.

(По Истории и Географии). [1]

Имена и фамилии учеников	Поведение	Прилежание	Успехи	Был	Не был	Что пройдено в течение месяца
2-го класса.						(Февраля месяца)
Степан Желдыбин .	4	4	4	10	0	Из Географии выучили всю Азию и из Российской истории с начала 3-го периода Дмитрия 1-го Александровича.
Павел Архипов . .	4	4	4	10	0	
Виссарион Белынский	4	4	4	10	0	
Павел Кашаев . . .	4	4	4	10	0	
Ипполит Коновалов .	4	4	4	10	0	
Семён Гвоздев . .	4	4	4	10	0	
Кузьма Цветков . .	4	4	4	10	0	
Клавдий Лебедев . .	4	2	2	10	0	
Николай Слепцов .	4	4	4	10	0	
Алексей Слепцов .	4	3	3	10	0	
Алексей Максимов	4	3	3	10	0	
Константин Максимов	4	4	4	10	0	
Григорий Попов . .	4	3	3	10	0	
Михайло Борщёв .	4	3	3	10	0	
Павел Попов . .	4	3	3	10	0	

Старший учитель Сергей ВАСИЛЬЕВ.

Интересно отметить следующие показатели успеваемости Белинского за этот месяц. Он ни разу не был на уроках закона божьего (6 уроков—6 отсутствий), за что и получил двойку по поведению и единицу за успехи. В классе закона божьего он единственный с двойкой за поведение. Так как остальные уроки он посещал, то отсутствие на уроках закона божьего не может быть объяснено отъездом или болезнью, а очень похоже на демонстрацию.

По классу математики Белинский присутствовал наравне со всем классом 6 раз (два раза отсутствовали все, очевидно, уроки не состоялись), но тем не менее он имел единицу за успехи и три за поведение. По классу российской словесности Белинский также более отсутствовал (6 раз), чем присутствовал (4), но имел лучшую отметку (4), что следует подчеркнуть, так как, очевидно, отметки ставились строго: шесть единиц, четыре двойки, три тройки и только две четвёрки во всём классе. По латинскому языку Белинский присутствовал на всех уроках и имел сравнительно хорошую отметку—тройку, во всём классе одна лишь четвёрка.

[1] Фонд 58, дело 5, листы 22, 47.

Из десяти уроков истории Белинский не пропустил ни одного, как и весь класс, и имел хорошую отметку, как и большая часть класса. Мы помещаем в январской ведомости сведения о пройденном по истории с пометкой «Февраля месяца», так как, вероятно, это дата подачи сведений, а пройдена указанная программа в январе. В февральских ведомостях сведения о пройденном по истории другие, составляющие продолжение приведённых здесь.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ТАКЖЕ О ДНЯХ НЕБЫТИЯ ИХ В КЛАССАХ И ЧТО ПРОЙДЕНО С НИМИ ИЗ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ. ФЕВРАЛЬ (1827).

(По Закону Божьему).[1]

Число учеников	Имена и прозвания	Сколько был	Сколько не был	Успехи	Поведение их	Что пройдено из учебных предметов
	Второго класса					
1	Павел Архипов . . .	4	—	4	4	С учениками второго и первого классов пройдено из пространного Катехизиса до Таинств, а из Священной истории до вступления Моисея в должность избавителя евреев от рабства египетского.
2	Ипполит Коновалов .	4	—	3	4	
3	Павел Кашаев	4	—	2	3	
4	Григорий Попов . . .	4	—	3	3	
5	Алексей Максимов .	4	—	1	3	
6	Константин Максимов	4	—	1	3	
7	Павел Попов	4	—	2	4	
8	Клавдий Лебедев . .	4	—	2	4	
9	Степан Жалдыбин . .	4	—	2	3	
10	Михаил Борщёв . . .	4	—	2	3	
11	Виссарион Белынский	—	4	1	2	
12	Семён Гвоздев . . .	4	—	3	3	
13	Козма Цветков . . .	4	—	3	3	
14	Николай Слепцов . .	2	2	3	3	
15	Алексей Слепцов . .	2	2	3	3	

Законоучитель священник Фёдор ОСТРОВИДОВ.

---

[1] Фонд 58, дело 5, лист 39.

Белинский продолжал не посещать уроки по закону божьему и опять имел единицу за успехи и двойку за поведение. Отметим тупой, чиновничий язык законоучителя Островидова, записавшего, что пройдено «до вступления Моисея в должность избавителя евреев от рабства египетского».

(По Математике).[1]

	Имена и прозвания	Успехи	Поведение	Был	Не был	Что пройдено
	2-го класса					2-го класса
1	Алексей Максимов . .					Из Геометрии по Фуссовой повторяли из части II-ой отделения 1-го главу III-ю о круге и фигурах в нем вписанных и около него описанных, вновь прошли из IV-й главы о линиях пропорциональных и о подобие фигур до § 185-го. Из Алгебры по Фуссовой прошли из части I-й отделения I-го главу XI-ю о разложении неизвлекомых степеней в бесконечные ряды до главы XII-й о разложении степеней отрицательных.
2	Михаил Борщёв . . .					
3	Степан Жалдыбин . .					
4	Павел Попов					
5	Виссарион Белынский					
6	Павел Архипов . . .					
7	Григорий Попов . . .					
8	Ипполит Коновалов .					
9	Николай Слепцов . .					
10	Алексей Слепцов . .					
11	Клавдий Лебедев . .					
12	Павел Кашаев . . .					
13	Козма Цветков . . .					
14	Семён Гвоздев . . .					
15	Констан[тин] Максимов					

Старший учитель Яков ЛЯПУНОВ.

[1] Фонд 58, дело 5, лл. 27, 41.

Ведомость по математике за февраль осталась с незаполненными графами успехов, поведения и присутствия.

(По Логике, Риторике и Французскому языку).[1]

Число учеников	Имена их и прозвания	Из Российской словесности: Был	Не был	Успехи	Из французского языка: Был	Не был	Успехи	Поведение	Учебные предметы и что из оных пройдено
	2-го класса								Во 2-м
	Алексей Максимов . .	6	—	3	Не учится			4	По краткой Логике и Риторике для учащихся в Российских духовных училищах:
	Миха[ил] Борщёв . .	6	—	4	2	1	4	4	
	Степ[ан] Желдыбин .	6	—	3	2	1	2	4	
	Пав[ел] Попов . . .	6	—	2	Не учится			4	
	Виссар[ион] Белынский	5	1	4	Не учится			4	
	Павел Архипов . . .	6	—	4	—	2	00	4	Из Логики во всех классах повторяли с начала до конца.
	Григор[ий] Попов . .	6	—	2	2	1	1	4	
	Иппол[ит]Коновалов .	6	—	2	1	2	00	4	
	Никол[ай] Слепцов .	6	—	4	2	1	4	4	
	Алексей Слепцов . .	6	—	4	2	1	4	4	Из Риторики во всех трёх классах повторяли всё старое и занимались сочинениями периодов.
	Клавдий Лебедев . .	6	—	3	3	—	4	4	
	Павел Кашаев	3	3	2	Не учится			4	
	Козма Цветков . . .	5	1	3	2	1	3	4	
	Семён Гвоздев . . .	5	1	3	2	1	4	4	
	Констант[ин] Максимов	6	—	2	Не учится			4	Из Французской Ломондовой грамматики повторяли всё пройденное, занимались переводами.

Старший учитель Василий ЯБЛОНСКИЙ.

[1] Фонд 58, дело 5, лист 28.
По российской словесности Белинский продолжал иметь высшую отметку.

(По Латинскому языку).[1]

	Имена и прозвания	Успехи	Повед[е-ние]	Был	Не был	Что пройдено
	2-го класса					
1	Алексей Максимов	3	4	5	—	Из синтаксиса прошли по грамматике Кошанского: о местоимениях qui, quae, quod; о вопросительных частицах и об именах городов. Сверх сего занимались переводами.
2	Михаил Борщёв	2	4	5	—	
3	Степан Жалдыбин	1	4	5	—	
4	Павел Попов	1	4	5	—	
5	Виссарион Белынский	2	4	5	—	
6	Павел Архипов	3	4	5	—	
7	Григорий Попов	2	4	5	—	
8	Иппол[ит] Коновалов	2	4	5	—	
9	Николай Слепцов	4	4	5	—	
10	Алексей Слепцов	2	4	5	—	
11	Клавдий Лёбедев	2	4	5	—	
12	Павел Кашаев	1	4	5	—	
13	Козма Цветков	2	4	5	—	
14	Семён Гвоздев	2	4	5	—	
15	Констан[тин] Максимов	3	4	5	—	

Старший учитель Латинского языка
Н. ДМИТРИЕВСКИЙ.

1 Фонд 58, дело 5, листы 31, 36.

(По Истории и Географии).[1]

Имена и фамилии учеников	Поведение	Прилежание	Успехи	Был	Не был	Что пройдено в течение месяца.
2-го класса.						
Степан Жалдыбин	4	4	4	8	0	Во втором классе из Российской Истории до Симеона Иоанновича Гордого. Из Географии повторял и старое.
Павел Архипов	4	4	4	8	0	
Виссарион Белынский	4	4	4	8	0	
Павел Кошаев	4	4	4	8	0	
Ипполит Коновалов	4	4	4	8	0	
Семён Гвоздев	4	4	4	8	0	
Кузьма Цветков	4	4	4	8	0	
Клавдий Лебедев	4	2	2	8	0	
Николай Слепцов	4	4	4	8	0	
Алексей Слепцов	4	3	3	8	0	
Алексей Максимов	4	3	3	8	0	
Константин Максимов	4	4	4	8	0	
Григорий Попов	4	3	3	8	0	
Михайло Борщёв	4	3	3	8	0	
Павел Попов	4	3	3	8	0	

Старший учитель Сергей ВАСИЛЬЕВ.

[1] Фонд 58, дело 5, листы 29, 38.
По истории ученики присутствовали на всех уроках, пропусков нет. Поведение и успехи большинства учеников отмечены баллом 4.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ИХ БЫТИИ И НЕБЫТИИ В КЛАССАХ, ПОВЕДЕНИИ И О ТОМ, ЧТО ПРОЙДЕНО ИЗ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ТЕЧЕНИЕ МЕСЯЦА ОКТЯБРЯ 1827 ГОДА.[1]

Число учеников	Имена учеников и прозвание их	Логика и Риторика			Славянский язык			Французский язык			Поведение
		Был	Не был	Успехи	Был	Не был	Успехи	Был	Не был	Успехи	
	3-го класса										
	Алексе[й] Максимов	7	—	3	3	—	3	Не учится			4
	Мих[аил] Борщёв .	7	—	3	3	—	3	8	—	3	4
	Степ[ан] Жалдыбин	6	1	3	2	1	3	6	2	2	4
	Павел Попов	7	—	2	3	—	3	Не учится			4
	Виссар[ион] Белынский	4	3	4+	1	2	3	Не учится			4
	Павел Архипов . .	7	—	4+	3	—	4+	8	—	2	4
	Григор[ий] Попов .	7	—	4+	3	—	4+	8	—	2	4
	Иппол[ит] Коновалов	5	2	4	2	1	4+	Не учится			4
	Никол[ай] Слепцов .	7	—	4+	3	—	4+	8	—	4+	4+
	Алексе[й] Слепцов .	7	—	4+	3	—	4+	8	—	4+	4
	Клавдий Лебедев . .	7	—	3	3	—	3	8	—	4	4
	Павел Кашаев . . .	2	5	2	—	3	00	Не учится			4
	Козьма Цветков . .	7	—	3	3	—	3	7	1	2	4
	Семён Гвоздев . . .	6	1	4+	3	—	4+	7	1	4+	4
	Констант[ин] Максимов	7	—	2	3	—	3	Не учится			4

[1] Фонд 81, дело 18, лист 49.

Публикуется часть ведомости, относящаяся к третьему классу, в котором в 1827—28 г.г. учился Белинский. Далее заголовки ведомостей по другим предметам за октябрь месяц заменяются проставленными в скобках названиями тех предметов, по которым публикуются сведения. По логике и риторике Белинский получил высшую отметку—4 с плюсом. Его интерес к словесности, к языку был в это время настолько силён, что он уже задумывал написать свою грамматику и синтаксис, что и осуществил позднее. В 1837 году он писал Д. П. Иванову: «Я теперь обдумываю план большого сочинения под названием: «Полный курс словесности для начинающих»... Ещё будучи в гимназии, я мечтал о сочинении книги: теперь настало время, потому что мысли мои об этих предметах созрели»... (Письма, т. I, стр. 81). Однако, несмотря на интерес к проблемам изучения языка, по славянскому и латинскому языкам у Белинского за тот же месяц отметки посредственные и плохие (3 и 2).

Учебные предметы и что из оных пройдено.

В 3-м. По краткой Логике и Риторике для обучающихся в Российских духовных училищах:

Из Риторики из 6-й гл. о хриях превращённых и занимались сочинением.

Занимались переводами с Французского языка на Российский.

По славянской грамматике Пенинского: из гл. 3 о степенях уравнения, о числительных именах, гл. 4 о местоимении и изменении оного.

Старший учитель Василий ЯБЛОНСКИЙ.

(По Математике).[1]

№№	Имена и прозвания	Успехи	Пове-д[ение]	Был	Не был	Что пройдено
	3-го класса					3-го класса Из Алгебры по Фусовой из части I-й отделения III-го из главы III-й занимались практическими задачами, из главы IV-й прошли о решении уравнений первой степени два или более неизвестных количеств в себе содержащих до § 320. Из Геометрии по Фусовой прошли из части II-й отделения I-го из главы V-й о сравнении измерении фигур с § 227-го до главы VI-й о превращении и о делении фигур. Из Физики по Гиляровской прошли из отделения I-го о движимости и о притягательной силе до отделения II-го о воздухе. Из Механики по руководству, изданному для народных училищ, прошли из главы II-й о силах статью I-ю о силах вообще, статью вторую о силе людей и скота до статьи III-й о воздухе.
32	Алек[сей] Максимов	2	4	8	—	
33	Михаил Борщёв	2	3	6	2	
34	Степан Жалдыбин	2	2	6	2	
35	Павел Попов	3	4	7	1	
36	Виссар[ион] Белынский					
37	Павел Архипов	4	4	8	„	
38	Григорий Попов	4	4	8	„	
39	Иппол[ит] Коновалов	3	4	6	2	
40	Николай Слепцов	4	4	8	„	
41	Алексей Слепцов	4	4	8	„	
42	Клавдий Лебедев	4	4	7	1	
43	Павел Кашаев	3	3	7	1	
44	Козьма Цветков	4	4	7	1	
45	Семён Гвоздев	3	3	7	1	
46	Конст[антин] Максимов	1	3	6	2	

Старший учитель Яков ЛЯПУНОВ.

[1] Фонд 81, дело 18, листы 47, 58.

По классу математики против фамилии Белинского не проставлены ни отметки, ни показатели его присутствия и отсутствия в классе.

(По Латинскому языку).[1]

№	Имена и прозвания	Успехи	Поведение	Был	Не был	Что пройдено
	3-го класса					Пройдено из синтаксиса по грамматике Кошанского до 7 главы: о родительном падеже. Сверх сего занимались переводами с Латинского на Российский из книги: de viris illustribue Urbis Romae.
33	Алексей Максимов . .	3	4	8	—	
34	Михаил Борщёв . . .	2	3	8	—	
35	Степан Жаллыбян . .	1	3	8	—	
36	Павел Попов	1	3	8	—	
37	Виссар[ион] Белынский	2	3	7	1	
38	Павел Архипов . . .	3	4	8	—	
39	Григорий Попов . . .	2	3	8	—	
40	Иппол[ит] Коновалов .	2	3	7	1	
41	Николай Слепцов . .	4	4	8	—	
42	Алексей Слепцов . .	2	4	8	—	
43	Клавдий Лебедев . .	3	4	8	—	
44	Павел Кашаев	1	4	6	2	
45	Козьма Цветков . .	3	4	8	—	
46	Семён Гвоздев	3	4	8	—	
47	Констан[тин] Максимов	3	4	8	—	

Старший учитель Латинского языка
Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

[1] Фонд 81, дело 18, листы 50, 55.

(По Истории, Географии, Статистике и Естественной истории).[1]

Число учеников		По классу Политической истории				По классу Естественной истории			
		Сколько раз был	Сколько раз не был	Успехи	Поведение	Сколько раз был	Сколько раз не был	Успехи	Поведение
	3-го класса								
31	Белынский	7	—	4	4	12	—	4	4
32	Архипов	7	—	4	4	12	—	4	4
33	Ник[олай] Слепцов	7	—	4	4	12	—	4	4
34	Кашаев	7	—	3	4	12	—	3	4
35	Григор[ий] Попов	7	—	4	4	12	—	4	4
36	Пав[ел] Попов	7	—	3	4	12	—	3	4
37	Коновалов	7	—	1	4	12	—	2	4
38	Алекс[ей] Максимов	7	—	2	4	12	—	3	4
39	Конст[антин] Максимов	7	—	1	4	12	—	2	4
40	Гвоздев	7	—	2	4	12	—	1	4
41	Жалдыбин	7	—	3	4	12	—	3	4
42	Борщёв	7	—	2	4	12	—	2	4
43	Цветков	7	—	1	4	12	—	2	4
44	Алекс[ей] Слепцов	7	—	2	4	12	—	3	4
45	Лебедев	7	—	1	4	12	—	2	4

Старший учитель Естественной истории и исправляющий должность учителя Истории, Географии и Статистики Михаил ПОПОВ.

[1] Фонд 81, дело 18, листы 48, 57.

Учебные предметы и что из оных пройдено.

По классу Истории, Географии и Статистики во всех классах занимались повторением пройденного в первые два месяца: из Всемирной истории по изданной для народных училищ 1806 года, из Всеобщей географии по изданной от департамента Н. Просвещения 1821-го года, из Российской истории по изданной для народных училищ 1806-го года, из Российской географии по изданной от Департамента Н. Просвещения 1821-го года, из статистики по Зябловской.

По классу Естественной истории: в 3-м классе: из Зоологии по Блуменбаху окончили статью о животных и разделении их. Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера продолжали терминологию минералогии и прошли до излома.

* * *

Надо отметить, что в III классе гимназии начиналось изучение естественной истории, которую преподавал Михаил Максимович Попов, учитель, имевший несомненное влияние на Белинского в юности. В октябре 1827 года он вёл в третьем классе также занятия по истории, географии и статистике, вместо Степана Ив. Знаменского, который был назначен учителем истории с 27 сентября 1827 г. и который дал общие оценки за 1-е полугодие 1827—1828 г. Окончивший словесный факультет Казанского университета друг И. И. Лажечникова М. М. Попов был преподавателем естественной истории в гимназии, вероятно, только потому, что должность преподавателя словесности была занята. После ухода Г. Шапошникова он заменил его в преподавании словесности и оставил преподавание естественной истории, но это было уже после ухода Белинского из гимназии.

М. М. Попов выделялся среди других педагогов солидностью своих знаний и педагогическим талантом. Его записи о пройденном в классах отличаются обстоятельностью, он свободно пользовался научной терминологией и, очевидно, вёл преподавание шире пределов гимназического цикла. Особенно характерны для него практические занятия с учащимися по ботанике (собирание гербария, экскурсии) и по минералогии, по коллекциям минералогического кабинета, которым он заведывал. В архиве сохранилась представленная им записка о методах его преподавания и о недостатках, которые он считал нужным устранить. После отъезда Белинского в Москву он не прекратил с ним отношений, высоко ценя его литературные интересы и опыты. В 1840 годах М. М. Попов поступил на службу в III отделение по поручению Л. В. Дуббельта, начальника штаба корпуса жандармов, приглашал Белинского явиться к Дуббельту в марте 1848 года. Это посещение III отделения, грозившее Белинскому возможным арестом, не состоялось вследствие тяжёлой болезни, приведшей Белинского к смерти.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА 1-ю ПОЛОВИНУ АКАДЕМИЧЕСКОГО 1827—1828-го ГОДА, Т. Е. С 1-го АВГУСТА 1827-го ГОДА ПО 1 ГЕНВАРЯ 1828-го ГОДА.

№ №	Имена и фамилии учеников	Имена родителей и состояние их	Возраст учеников	Год, месяц и число вступления в гимназию	Успехи	Поведение	Сколько было классов в полгода	Сколько раз ученик в течение полгода в классах: Не был	Поздно приходил	Сколько раз преподавалось учение с начала прихода ученика в гимназию	Сколько раз ученик с начала прихода в гимназию: Не был	Поздно приходил
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	1-го класса											
1	Николай Латышев	Тит[улярный] совет[ник] Василий	15	1826 Ав[густа] 1	2	3	224	18 по бол.	—	822	68 по бол.	—
2	Фёдор Дьячков	Колл[ежский] сек[р[етарь] Никита	14	—	2	3	224	20 по бол.	—	822	50 по бол.	—
3	Алексей Андреев	Майор Игнатий	11	1827 Ав[густа] 1	3	4	224	15 по бол.	—	224	15	—
4	Дмитрий Гусев	Отпущ[енник] Фёдор	12	—	3	4	224	15 по бол.	—	224	15	—
5	Иван Шмукер	Колонист Томас	12	—	3	4	224	15 по бол.	—	224	15	—
6	Николай Павлюков	Капитан-лейтенант Леонтий	11	1827 Ав[густа]	4	4	224	80 по бол.	—	224	80	—
7	Гавриил Павлюков	•	10		3	4	224	90 по бол.	—	224	80	—
8	Владимир Новиков	Отпущ[енник] Степан	14	—	1	2	224	80 по неизв. причин	—	224	80	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
9	Николай Ишутин	Купец Алексей	12	—	3	4	224	40 по бол.	—	224	40	—
10	Василий Хишев	Мещ[анин] Степан	13	—	3	4	224	50 по бол.	—	224	50	—
11	Александр Татаринов	Отпущенник Алексей	13	—	4	4	224	20 по бол.	—	224	20	—
12	Фёдор Пономарёв	Купец Андреян	15	1827 Ав[густа]	3	4	224	50 по бол	—	224	50	—
13	Пётр Матвеев	Тит[улярный] совет[ник] Иван	14	—	2	4	224	40 по бол.	—	224	40	—
14	Фёдор Персеников	Колл[ежский] сек[ретарь] Макс[им]	14	—	3	4	224	40 по бол.	—	224	40	—
15	Ардалион Федосеев	Тит[улярный] совет[ник] Григорий	13	—	4	4	224	80 по бол.	—	224	80	—
	2-го класса											
1	Василий Гаврилов	Воспит[анник] стат[ского] советника	15	1824 Ав[густа] 1	2	4	228	30 по бол.	—	2022	166 по бол.	—
2	Николай Образцов	Купец Тимофей	15	—	2	4	228	50 по бол.	—	2022	280 по бол.	—
3	Иван Курышев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	13	1825 Ав[густа] 1	3	4	228	—	—	1424	150 по бол.	—
4	Михаил Попов 1-й	Тит[улярный] совет[ник] Алексей	13	—	3	4	228	—	—	1424	80 по бол.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
5	Константин Гвоздев	Купец Иван	15	1825 Ав-|гус-та 1	3	4	228	30 по бол.	—	1424	130 по бол.	—
6	Пётр Слепцов	Надвор|ный| совет|ник| Николай	15	—	3	4	228	15 по бол.	—	1424	45 по бол.	—
7	Пётр Ларионов	Статский совет|ник| Сергей	14	—	2	4	228	5 по бол.	—	1424	5	—
8	Евгений Миловзоров	Отпущенник Евграф	15	1826 Ав-|гус-та 1	3	4	228	—	—	826	—	—
9	Александр Надеждин	Медведев	12	—	4	4	228	50 по бол.	—	826	50 по бол.	—
10	Пётр Казицын	Купец Александр	12	—	4	4	228	—	—	826	—	—
11	Григорий Бабынин	Мещан|ин| Николай	16	—	3	4	228	30 по бол.	—	826	30 по бол.	—
12	Михаил Полежаев	Тит|уляр-ный| совет-|ник| Василий	12	1826 Ав-|гус-та| 1	3	4	228	16 по бол	—	826	16	—
13	Димитрий Алексеев	Восп|итан-ник| кол-л|ежского| секретаря	13	—	3	4	228	30 по бол.	—	826	30	—
14	Николай Карижин	Воспит|ан-ник| Василия Радищева	17	—	3	4	228	40 по бол.	—	826	105 по бол.	—
15	Димитрий Иванов	Тит|уляр-ный |совет-|ник| Пётр	14	—	2	4	228	28 по бол.	—	826	38 по бол.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
16	Михаил Попов 2-й	Тит[уляр]ный] советник Степан	12	—	4	4	228	60 по бол.	—	826	60 по бол.	—
17	Григорий Акимов	Майор Алексей	15	1827 Августа 1	3	4	228	50 по бол.	—	228	50 по бол.	—
	3-го класса											
1	Алексей Максимов	Тит[уляр]ный] совет[ник] Фёдор	16	1822 Ав[густа] 1	3	4	291	—	—	3275	429 по бол.	—
2	Михаил Борщёв	Коллежский] секретарь] Иван	14	1823 Ав[густа] 1	2	4	291	20 по бол.	—	2659	130 по бол.	—
3	Степан Жалдыбин	Тит[уляр]ный] сов[етник] Степан	15	1824 Ав[густа] 1	2	4	291	40 по бол.	—	2079	60 по бол.	—
4	Павел Попов	Тит[уляр]ный] со[в[етник] Яков	14	—	1	4	291	16 по бол.	—	2079	66 по бол.	—
5	Ипполит Коновалов	10 класса Антон	15	1825 Ав[густа] 1	3	4	291	60 по бол.	—	1481	70 по бол.	—
6	Виссарион Белынский	Штаб лекарь Григорий	17	—	2	4	291	80 по бол.	—	1481	160 по бол.	—
7	Николай Слепцов	Подпоручик Лаврентий	15	1825 Ав[густа] 1	4	4	291	18 по бол.	—	1481	18	—
8	Алексей Слепцов	»	16	—	3	4	291	19 по бол.	—	1481	19	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
9	Павел Архипов	Колл[еж-ский] сек[ретарь] Иван	15	—	4	4	291	10 по бол.	—	1481	10	—
10	Павел Кашаев	Мещ[анин] Ник[олай]	15	—	2	4	291	70 по бол.	—	1481	80 по бол.	—
11	Козьма Цветков	Колл[еж-ский] сек-р[етарь] Игнатий	13	—	4	4	291	20 по бол.	—	1481	20	—
12	Семён Гвоздев	Купец Иван	16	—	3	4	291	80 по бол.	—	1481	80	—
13	Константин Максимов	Тит[уляр-ный] совет-[ник] Фёдор	13	1825 Ав-[гус-та] 1	2	4	291	—	—	1481	—	—
14	Клавдий Лебедев	Губ[ерн-ский] секр[етарь] Никифор	15	—	3	4	291	10 по бол.	—	1481	60 по бол.	—
15	Григорий Попов	Тит[уляр-ный] со-в[етник] Василий	14	—	3	4	291	10 по бол.	—	1481	10	—
	4-го класса											
1	Кастор Лебедев	Губ[ерн-ский] секрет[арь] Никиф[ор]	15	1824 Ав-[гус-та] 1	4	4	295	50 по бол.	—	2091	50	—
2	Николай Григорьев	Штаб ка-пит[ан] Лев	15	1824 Ав-[гус-та] 1	3	4	295	40 по бол.	—	2091	80 по бол.	—
3	Апполон Протопопов	Тит[уляр-ный] со-в[етник] Андреян	15	1823 Ав-[гус-та] 1	3	4	295	80 по бол.	—	2689	380 по бол.	—
4	Пётр Любовников	Колл[еж-ский] совет-[ник] Пётр	15	1827 Сен-тября месяца	3	4	160	—	—	160	—	—

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ЧТО ПРОЙДЕНО ИЗ ОНЫХ В ТЕЧЕНИЕ ПОЛГОДА, Т. Е. С 1-го АВГУСТА 1827-го ГОДА ПО 1-е ГЕНВАРЯ 1828-го ГОДА.[1]

В I классе

По классу Закона Божия.

Из пространного Катехизиса пройдено с начала до 9 члена символа веры.

Из Священной Истории: с начальной статьи о сотворении мира до утверждения Саула царём народа Израильского.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу с начала части I-й, с отделения I-го с I-й главы: об общих понятиях об Алгебре до главы XI: о квадратных корнях и происходящих от того неизвлекомых числах.

Из Геометрии по Фусу: с начала части II-й, с отделения I-го с главы I-й до § 89.

По классу Логики.

По краткой Логике и Риторике, изданной для духовных училищ. Из Логики: введение, гл. I о понятиях, гл. 2 о рассуждениях, гл. 3 о заключении, гл. 4 о истине и ложном и гл. 5 о способе находить истину.

По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей Истории, изданной в пользу народных училищ 1806 года, с начала до Истории Греков и из Греческой Истории об Афинской Республике.

Из Всеобщей Географии, изданной от Департамента народного просвещения 1821 года: Математическую, Физическую и Политическую Географию, обозрение всей Европы и Швецию с Норвегией.

По классу Латинского языка.

По Латинской Грамматике Кошанского: с начала до местоимения.

По классу Славянского языка.

По Грамматике Пеннинского с начала до местоимения

По классу Французского языка.

По Азбуке Ушаковой: с начала до II части: сокращений Этимологии.

По классу Немецкого языка.

Учили слова, занимались чтением и чистописанием.

По классу Рисования.

Рисуют начальные правила лица, с голов и полуфигур карандашом.

[1] Фонд 81, дело 18, листы 1—8, 23—30.

Во 2 классе

По классу Закона Божия пройдено то же, что и в I классе.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу с начала главы I-й 2-го отделения. I-й части: о сложении составных количеств до главы VIII, о кубах и извлечении кубичных корней.

Из Геометрии по Фусу со II-й главы II-й части: о линиях прямых, углах и сторонах прямолинейных фигур и из главы III-й до § 147-го.

По классу Логики и Риторики.

Из Логики повторяли пройденное в 1-м классе.

Из Риторики с начала до 6 главы: о хриях и занимались сочинением периодов.

По классу Истории и Географии.

Из Российской Истории, изданной для народных училищ 1806 года, до нашествия татар на Россию.

Из Российской Географии по изданной от Департамента Народного Просвещения до Костромской губернии.

По классу Латинского языка.

Повторена вся Этимология и вновь пройдено из Синтаксиса с начала I-й главы до главы V: о сравнительной и превосходной степени. Сверх сего занимались переводами из Хрестоматии Грамматики Кошанского.

По классу Славянского языка.

Пройдено то же, что и в первом классе.

По классу Французского языка.

По Французской Грамматике Толмачёва: с начала Этимологии до спряжения средних глаголов.

По классу Немецкого языка.

Учили спряжение помогательных и правильных глаголов и первообразные слова.

По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур и фигур карандашом и тушью.

В 3 классе

По классу Закона Божия.

Пространный Катехизис пройден весь.

Из Священной Истории пройдена вся Ветхозаветная История.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу прошли с III-го отделения I-й части, с I-й главы: о решении вопросов вообще до главы V: о решении неопределённых вопросов первой степени.

Из Геометрии по Фусу прошли с IV главы, II-й части, отделения I-го о линиях пропорциональных и о подобии фигур до главы VI: о превращении и делении фигур.

Из Физики по Гиларовской: отделение I-е об общих свойствах тел и из отделения II-го о воздухе до звука.

Из Механики по руководству, изданному для училищ: с I-й главы I-й статьи о силах вообще до статьи III: о воздухе.

По классу Логики и Риторики.

Логика была вся повторяема.

Из Риторики прошли с главы 6-й: о хриях до главы 8: о расположении больших слов и сверх сего занимались сочинением периодов и хрий.

По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей Истории: прошли историю Прусского Шведского и Датского королевств.

По классу Истории и Географии.

Из Зоологии по Блуменбаху, общие рассуждения: о телах естественных, органических и животных и разделении их, о млекопитающих и разделении их, роды и виды млекопитающих следующих отделений: двурукие, четверорукие, ногокрылые.

Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, общее понятие о сей науке и разделение оной на части, историю и писателей Минералогии, терминологию оной, в коей рассмотрели: наружные, физические и химические признаки минералов, что было объясняемо по штуфам Минералогического кабинета гимназии.

По классу Латинского языка.

Пройдено из Синтаксиса Грамматики Кошанского с I-й главы до главы 12: о Герундии. Сверх сего занимались переводами из книги de viris illustribus Urbis Romae

По классу Славянского языка.

Повторяли пройденное в 1 и 2 классах и сверх того из словопроизведения с 4 главы: о местоимении, пройдено до I-й главы Словосочинения.

По классу Французского языка.

Прошли все правильные и неправильные спряжения глаголов по Грамматике Толмачёва и занимались диктовкой, анализом и переводами.

По классу Немецкого языка.

По Грамматике Шумахера: о знаках препинания и об употребительнейших сокращениях Немецкого языка; занимались переводами с Немецкого на Российский и учили первообразные слова.

По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур, фигур и пейзажей тушью, карандашом и пером.

В 4 классе

По классу Закона Божия.

Пройдено то же, что и в 3 классе.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: прошли с VII главы, I-й части, отделения III-го: о разрешении полных уравнений 2 степени до главы IV, отделения IV: о сыскании суммы прогрессии арифметической.

Из Геометрии по Фусу прошли со 2 главы II-й части: о взаимном положении плоскостей до главы IV: о сравнении тел.

Из Физики по Гиларовской: с III-го отделения о гасах до статьи: о воде в виде паров.

Из Механики прошли с I главы: о движении до § 71 о весах.

По классу Логики и Риторики.

Логика была повторяема вся.

Из Риторики пройдено: гл. 8: о расположении больших слов, гл. 9: о родах слога, гл. 10: о принадлежностях слога и гл. 11: о произношении, с изъяснением правил из словесности Толмачёва и занимались сочинением хрий и разбором образцовых сочинений.

По классу Истории и Географии.

Из Российской статистики по руководству Г. Зябловского: с начала до Государственного Правления.

По классу Естественной истории.

Из Зоологии, по Блуменбаху: общее рассуждение о птицах и разделении их, роды и виды птиц следующих отделений: хищные, легконосые, дятлы и соровые.

Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, роды и виды земель и камней следующих отделений: Глинистые, Известковые, Стронцианные, тяжёлые.

Из Ботаники по терминологии Вильденова, общее понятие о ботанике и разделение растений на естественные

семейства, о сушении трав, о частях растений: а) произращение: корень, ствол, ветви, цветорасположение, листы, подпорки, зимовье, и б) плодотворение, из коих рассмотрели: чашечку и простой венчик.

По классу Латинского языка.

При повторении Синтаксиса занимались переводами из Саллустия: de bello jugurthino и переводами с Российского языка на Латинский.

По классу Славянского языка.

Пройдено то же, что и в III классе.

2. По классу Французского языка.

Из сочинения слов по Грамматике Толмачёва прошли с 1-й главы: об употреблении членов до примечаний о глаголе и занимались диктовкой, анализом и переводами.

По классу Немецкого языка

Из Синтаксиса по Грамматике Шумахера прошли VI главу: о порядке слов в образовании положений, переводили с Немецкого языка на Российский и обратно.

По классу Рисования.

Рисуют с исторических эстампов карандашом.

Испр/авляющий/ дол/жность/ Дир/ектора/
Н. ДМИТРИЕВСКИЙ.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА 1-ю ПОЛОВИНУ 1827—1828 ГОДА.

(По Математике).[1]

	Имена и прозвания учеников	Успехи	Поведение	Сколько было в полугодие классов	Сколько раз преподавалось учение с начала прихода учен[ика] в гимназию	Сколько раз ученик с начала прихода в гимназию не был	Учебные предметы и что пройдено из оных в полугода
	3-го класса			60	180		III-го класса
32	А. Максимов .	2	3			29	Из Алгебры по Фусовой прошли из части I-й отделения III-го
33	М. Борщёв . .	2	3	—	—	30	главу 1-ю о решении вопросов

1 Фонд 81, дело 18, листы 32, 45, 46.

	Имена и прозвания учеников	Успехи	Поведение	Сколько было в полугодие классов	Сколько раз преподавалось учение с начала прихода ученика в гимназию	Сколько раз учения с начала прихода в гимназию не был.	Учебные предметы и что пройдено из оных в полугода
34	С. Желдыбин .	2	3	—	—	28	вообще, главу III-ю о решении некоторых вопросов, относящихся к предыдущей главе, главу IV-ю о решении уравнений первой степени два или более неизвестных количеств в себе содержащих. Сверх сего из главы занимались практическими задачами до главы V-й о решении неопределенных вопросов первой степени. Из Геометрии по Фуссовой прошли из части II-й, отделения I-го главу IV о линиях пропорциональных и о подобии фигур и главу V-ю о уравнении и измерении фигур до главы VI-й о превращении и о делении фигур. Из Физики по Гиларовской пройдено отделение I-е о общих свойствах тел и из отделения II-го о воздухе до звука. Из Механики по руководству, изданному для народных училищ, прошли главу I-ю о движении и из главы второй, статью I-ю о силах вообще, статью вторую о силе людей и скота до статьи III-ей о воздухе.
35	П. Архипов . .	4	4	—	—	27	
36	В. Белынский	1	3	—	—	32	
37	П. Попов . . .	4	4	—	—	30	
38	Гри.[1]						
39	Ип. Коновалов	3	3	—	—	25	
40	Ал. Слепцовы	4	4	—	—	29	
41	Н. Слепцовы	4	4	—	—	30	
42	П. Кашаев . .						
43	К. Цветков . .	4	4	—	—	40	
44	С. Гвоздев . .	3	3	—	—	42	
45	К. Максимов .	1	4	—	—	26	
46	Кл. Лебедев. .	4	4	—	—	22	

Старший учитель Яков ЛЯПУНОВ.

[1] Имя и фамилия не дописаны в подлиннике.

(По Логике, Риторике, Славянскому и Французскому языкам)[1]

Число учеников	Имена учеников и прозвания их	По классам Логики и Риторики: Сколько раз было учение в течение полугодия	Сколько раз ученик не был	С начала прихода в классе не был	Был	Успехи	По классам Славянского языка: Полугодичное число классов	Число небытия в классах	Число небытия в классах с начала прихода	Бытия	Успехи		Поведение
	3-го класса												
33	Алексей Максимов			327	164	4			29		3		
34	Михаил Борщёв		2	391	41	3		1	26	3	3		
35	Степан Желдыбин		5	291	13	2		5	21	8	2		
36	Павел Попов		2	262	42	3		1	27	2	3		
7	Виссарион Белынский		14	120	95	4+		11	15	14	3		[illegible]
38	Павел Архипов		1	184	80	4+		1	28	1	4+		
39	Григорий Попов	36	1	194	20	4+	19	1	28	1	4+		
40	Ипполит Коновалов		9	169	45	3		3	25	4	3		
41	Николай Слепцов		3	199	15	4+		2	27	2	4+		3
42	Алексей Слепцов		4	192	22	4+		3	26	3	4+		
43	Клавдий Лебедев		1	206	8	2		1	27	2	3		
44	Павел Кашаев		14	178	36	2		11	12	17	2		
45	Козма Цветков		6	200	14	3		3	23	6	3		[illegible]
46	Семён Гвоздев		10	173	41	4+		7	22	7	4		
47	Константин Максимов		—	211	3	3	—	—	29	—	3		

[1] Фонд 81, дело 18, листы 33, 44.

Учебные предметы и что из оных пройдено.

1. По краткой Логике и Риторике для обучающихся в Российских духовных училищах (во 2-м, в 3-м, в 4-м классе). Из Логики повторяли всё то, что пройдено в 1-м классе. Из Риторики гл. 6 о хриях, гл. 7 о письмах с изъяснением правил из словесности Толмачёва, повторяя пройдённое во 2-м классе и занимались сочинением периодов и хрий.

2. По Славянской Грамматике Пенинского (в 3-м и 4-м классе:) повторяли пройдённое в 1-м и 2-м классах и сверх того из Словопроизведения гл. 4 о местоимении и изменении оного, гл. 5 о глаголе и изменении оного, гл. 4 о предлогах, гл. 5 о наречии, гл. 6 о союзах, гл. 7 о междометии до 1-й главы словосочинения.

Старший учитель Логики, Российской словесности, Славянского и Французского языков Василий ЯБЛОНСКИЙ.

(По Истории, Географии и Статистике).[1]

Имена и фамилии	Успехи	Поведение	Сколько было классов в течение полугода	Сколько раз ученик в течение полугода не был	Сколько было классов со времени поступления его в гимназию	Сколько раз с начала поступления в гимназию не был	Что пройдено в течение полугода 1827-го года
3-го класса							
Алексей Максимов	1	3		—			Из Всеобщей истории по изданной 1806 года для народных училищ историю Прусского Шведского и Датского Королевств
Михаил Борщёв .	2	4		1			
Степан Желдыбин	3	4		1			
Павел Попов .	4	4		2			
Виссарион Белынский . . .	4	4		1			
Павел Архипов	4+	4		—			
Григорий Попов .	4	4	13	—	Не проставлено		
Ипполит Коновалов	4	4		3			
Николай Слепцов	4+	4		—			
Алексей Слепцов	4	4		—			
Клавдий Лебедев	2	4		1			
Павел Кашаев .	3	4		1			
Козма Цветков .	2	4		8			
Семён Гвоздев .	4	4		3			
Константин Максимов	2	2		—			

Старший учитель Степан ЗНАМЕНСКИЙ.

[1] Фонд 81, дело 18, листы 34, 43.

(По Естественной Истории).[1]

Имена и прозвания учеников	Поведение	Успехи	Сколько раз преподаваемо было учение во время классного течения	Сколько раз было учение во время классного его хождения	Учебные предметы и что из оных пройдено в первую половину академического года
3-го класса			46		Из Зоологии, по Блуменбаху, общие рассуждения о телах естественных, органических, о животных и разделении их, о млекопитающих и разделении их, роды и виды млекопитающих следующих отделений: (двурукие) (Bimanus), (четверорукие) (Quagrumana) и ногокрылые (Chiroptera). Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, общие понятия о сей науке и разделении оной на части: историю и писателей Минералогии, терминологию оной, в коей рассмотрели наружные, физические и химические признаки минералов, что было объясняемо по штуфам минералогического кабинета гимназии.
Висс[арион] Белынский	4	4		46	
Павел Архипов	4	4		46	
Николай Слепцов . . .	4	4		46	
Павел Кашаев	4	3		46	
Григорий Попов . . .	4	4		46	
Павел Попов	4	4		46	
Алексей Максимов . .	4	3		46	
Иппол[ит] Коновалов .	4	3		46	
Степан Желдыбин . . .	4	3		46	
Семён Гвоздев	4	2		46	
Михаил Борщёв	4	2		46	
Козьма Цветков . . .	4	2		46	
Алексей Слепцов . . .	4	3		46	
Клавдий Лебедев . . .	4	2		46	
Конст[антин] Максимов	4	1		46	

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

[1] Фонд. 81, дело 18, листы 35, 42.

* * *

Общий заголовок подлинника ведомости состоит из двух частей: первой со сведениями общего характера об учениках и о пройденном в классе, а также общими оценками успехов и поведения учащихся, и второй—со сведениями по классам о каждом из предметов в отдельности. Первая часть публикуется полностью, вторая лишь в той части, которая относится к третьему классу, где учился Белинский. Однородные заголовки ведомостей во второй части заменены поставленными в скобки названиями предметов, по которым публикуются сведения.

Общая оценка успехов Белинского за полугодие очень низка (2). Между тем во второй части ведомости имеются следующие его полугодовые отметки: по математике (1), логике и риторике (4+), славянскому языку (3), истории и географии (4), естественной истории (4). Средняя отметка должна бы была быть не менее трёх. Чем же объяснить эту двойку? В ведомости отсутствуют отметки учащихся по закону божьему, а между тем они, конечно, играли роль при выводе средней отметки. Если по закону божьему Белинский по примеру предшествующего года имел единицу или двойку, то вывод сводной двойки делается более понятен.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА 2 ПОЛОВИНУ АКАДЕМИЧЕСКОГО 1827—1828 ГОДА.

№	Имена и фамилии учеников	Имена родителей и состояние их	Возраст учеников	Год, месяц, число поступления в школу	Поведение учеников	Успехи учеников	Сколько раз преподавалось учение во время школьного течения	Сколько раз ученик во время преподаваемого учения: Не был	Поздно приходил.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	1-го класса								
1	Дмитрий Гусев	Отпущенн[ик] Фёдор	12	1827 Ав[густа] 1	4	4	332	—	—
2	Николай Павлюков	Кап[итан] лейт[енант] Леонтий	11	1827 Ав[густа] 1	4	4	332	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3	Александр Татаринов	Отпущ[енник] Алексей	13	1827 Ав[густа] 1	4	3	320	12	—
4	Выбыл с свидетельством Фёдор Персиянинов	Колл[ежский] сек[ретарь]	14	1827 Ав[густа] 1	4	4	315	17	—
5	Николай Ишутин	Купец Алексей	12	1827 Ав[густа] 1	4	4	320	12	—
6	Ардалион Федосеев	Тит[улярный] со-в[етник] Григорий	13	1827	4	4	272	60	
7	Иван Шмукер	Колонист Томас	12	1827 Ав[густа] 1	4	3	320	12	
8	Николай Латышев	Тит[улярный] со-в[етник] Михаил Васильев	15	1826 Ав[густа] 1	3	3	300	32	
9	Алексей Андреев	Майор Игнатий	11	1827 Ав[густа] 1	3	2	332	—	
10	Фёдор Дьячков	Колл[ежский] сек-р[етарь] Никита	14	1826 Ав[густа] 1	4	2	157	175 По бол[езни]	
11	Гаврил Павлюков	Кап[итан] лейт[енант] Леонтий	10	1827 Ав[густа] 1	3	2	332	—	
12	Василий Хишев	Мещан[ин] Степан	13	1827 Ав[густа] 1	3	2	172	160 По бол[езни]	
13	Фёдор Пономарёв	Купец Андреян	15	1827 Ав[густа] 1	4	2	300	32	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
14	Пётр Матвеев	Тит[улярный] со-в[етник] Иван	14	1827 Ав-[густа] 1	4	1	167	165	
15	Владимир Новиков	Отпущ[енник Степан	14	1827 Ав-[густа] 1	3	1	247	85	
	2-го класса								
1	Пётр Казнцын	Купец Александр	12	1826 Ав-[густа] 1	4	4	336	—	—
2	Александр Надеждин	Отпущ[енник Медведев	12	1826 Ав-[густа] 1	4	3	330	6	
3	Михаил Попов-2-й	Тит[улярный] со-в[етник] Степан	12	1826 Ав-[густа] 1	4	4	300	36	
4	Евгений Миловзоров	Отпущ[енник] Медведев	15	1826 Ав-[густа] 1	4	3	300	36	
5	Димитрий Алексеев	Восп[итанник] Кол[лежского] секр[етаря] Алекс.	13	1826 Ав-[густа] 1	4	3	325	11	
6	Михаил Полежаев	Тит[улярный] сов[етник] Василий	12	1826 Ав-[густа] 1	4	3	330	6	
7	Константин Гвоздев	Купец Иван	15	1826 Ав-[густа] 1	4	3	306	30	
8	Николай Образцов	Купец Тимофей	15	1824 Ав-[густа] 1	4	3	330	6	
9	Иван Курышев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	13	1825 Ав-[густа] 1	3	3	336	—	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10	Димитрий Иванов	Тит[улярный] советник Пётр	14	1826 Ав-[густа] 1	4	2	320	16	
11	Михаил Попов-1	Тит[улярный] сов[етник] Алексей	13	1825 Ав-[густа] 1	4	3	300	36	
12	Василий Гаврилов	Воспит[анник] ст[атского] сов[етника] Гаврил[ова]	15	1824 Ав-[густа] 1	4	2	336	—	
13	Николай Карижин	Восп[итанник] Николая Радищева	17	1826 Ав-[густа] 1	3	3	330	6	
14	Григорий Бабынин	Меш[анин] Николай	16	1826 Ав-[густа] 1	4	2	320	16	
15	Пётр Ларионов	Ст[атский] сов[етник] Сер[гий]	14	1825 Ав-[густа] 1	4	2	336	—	
16	Пётр Слепцов	Надв[орный] сов[етник] Николай	15	1825 Ав-[густа] 1	4	2	186	150 По бо-л[ез-ни]	
	3-го класса								
1	Павел Архипов	Колл[ежский] секр[етарь] Иван	15	1825 Ав-[густа] 1	4	4	359	—	—
2	Николай Слепцов	Подпоруч[ик] Лаврентий	16	1825 Ав-[густа] 1	4	4	340	19	—
3	Козьма Цветков	Колл[ежский] секр[етарь] Игнатий	13	1825 Ав-[густа] 1	4	4	350	9	—
4	Семён Гвоздев	Купец Иван	16	1825 Ав-[густа] 1	4	3	300	59	—
5	Григорий Попов	Тит[улярный] сов[етник] Василий	14	1825 Ав-[густа] 1	4	3	359	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6	Виссарион Белынский	Штаб лекарь Григорий	17	1825 Августа 1	4	3	239	120	—
7	Алексей Слепцов	Подпоручик Лаврентий	17	1825 Августа 1	4	3	340	19	—
8	Павел Кашаев	Мещанин Николай	15	1825 Августа 1	4	3	330	29	—
9	Ипполит Коновалов	10 класса Антон	15	1825 Августа 1	4	3	300	59	
10	Клавдий Лебедев	Губернский секретарь Никифор	15	1825 Августа 1	4	3	325	34	
11	Алексей Максимов	Титулярный советник Фёдор	16	1822 Августа 1	4	3	359	—	
12	Павел Попов	Титулярный советник Яков	14	1824 Августа 1	4	2	350	9	
13	Степан Жалдыбин	Титулярный советник Степан	15	1824 Августа 1	4	2	359	—	
14	Михаил Борщёв	Коллежский секретарь Иван	14	1823 Августа 1	4	2	305	54	
15	Константин Максимов	Титулярный советник Фёдор	13	1825 Августа 1	4	2	359	—	
	4 класса								
1	Кастор Лебедев	Губернский секретарь Никифор	16	1824 Августа 1	4	4	347	15	
2	Пётр Любовников	Коллежский советник Пётр	17	1827	4	4	362	—	
3	Николай Григорьев	Штабс капитан Лев	17	1824 Августа 1	4	3	362	—	
4	Апол. Протопопов	Титулярный советник Андреян	17	1823 Августа 1	4	2	362	—	

ЧЕМУ НАУЧИЛИСЬ ДЕТИ ПО ОКОНЧАНИИ ШКОЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ.

В I классе.

По классу Закона Божия.

По пространному Платонову Катехизису пройдено учение о церковных седми таинствах, десятисловие и повторены все лекции, которые и прежде были преподаны.

По церковной истории пройдено с царей Иудейских и Израильских до новозаветной истории церкви.

Исправляющий должность законоучителя
Пензенского Спасокафедрального собора свящ-нник
Димитрий ЖМАКИН.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из части I-й с I-го отделения, с I-й главы: общее понятие об алгебре, до главы XIX: о логарифмах.

Из Геометрии по Фусу: из части II-й, с I-го отделения прошли главу I-ю: определения, аксиомы и предварительные изъяснения, главу II: о линиях прямых, углах и сторонах прямолинейных фигур.

По классу Логики, Риторики и Славянского языка.

По краткой Логике и Риторике, изданной для употребления в духовных училищах: прошли кратко Логику и Славянскую грамматику, занимались из последней правописанием по диктовке и грамматическим разбором.

Ста[рший] учит[ель] I. ШАПОШНИКОВ.

По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей Истории по изданной в пользу народных училищ: определение, разделение и польза истории. Кратко о древних государствах: Вавилонском, Ассирийском и Египетском, Историю Финикиян, Карфагенян, Персов, Греков, Македонян и Римлян.

Из Всеобщей Географии по изд[анной] от Департамента Народного просвещения: определение и разделение Географии, общее обозрение всей Европы и все государства и империи в Европе находящиеся.

Общее обозрение Азии и об Азиатской Турции до Персии.

Старший учитель Степан ЗНАМЕНСКИЙ.

По классу Латинского языка

По Латинской Грамматике Кошанского прошли всю Этимологию до Синтаксиса и занимались переводами.

Старший учитель Латинского языка Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Французского языка.

Занимались чистописанием, учением вокабул и чтением.

По классу Немецкого языка.

По Грамматике Шумахера: склонения существительных и прилагательных имён, учили вокабулы и занимались чистописанием.

По классу Рисования.

Рисуют начальные правила лица с голов, полуфигур и фигур карандашом.

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ.

Во 2 классе.

По классу Закона Божия.

Пройдено то же, что и в первом классе.

Священник Димитрий ЖМАКИН.

По классу Математики.

Из алгебры по Фусу из части I-й, с отделения 2-го, с главы I-й: о сложении составных количеств до III-го отделения.

Из Геометрии по Фусу пройдено из части II-й с I-го отделения, со 2 главы о линиях прямых, углах и сторонах прямолинейных фигур до главы IV: о линиях пропорциональных и о подобии фигур до § 192.

По классу Логики, Риторики и Славянского языка.

Прошли кратко Логику и Славянскую грамматику, по Грамматике Пенинского. Из Риторики прошли до фигур. Занимались сочинением периодов и грамматическим разбором по славянски.

Ст[арший] учит[ель] Г. ШАПОШНИКОВ.

По классу Истории и Географии.

Из Российской истории по изданной в пользу народных училищ с начала до царствования императора Павла I.

Из Российской географии по изданию от Департамента Народного Просвещения: с начала до конца. Сверх сего пройдена была учениками из Географии вся Азия.

Старший учитель Степан ЗНАМЕНСКИЙ.

По классу Латинского языка.

По Грамматике Кошанского повторена вся Этимология, и вновь пройдено из Синтаксиса: с начала 1 главы до главы XII: о герундии и причастии будущем страдательном и занимались переводами.

Старший учитель Латинского языка Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Французского языка

По Грамматике Толмачёва прошли до неправильных глаголов. Сверх сего занимались чтением, чистописанием, диктовкою и анализом.

По классу Немецкого языка.

По Грамматике Шумахера кончили Этимологию, занимались переменою речей по всем временам глаголов и грамматическим разбором.

По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур, фигур и пейзажей тушью и карандашом

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ.

В 3 классе

По классу Закона Божия.

Все уроки как по Платонову пространному Катехизису, так и по церковной истории Ветхого и Нового Завета дочитаны и повторены.

Исправляющий должность законоучителя Пензенского Спасокафедрального собора . . .

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу: из части 1-й с III-го отделения, с I-й главы: о решении вопросов вообще, до главы VIII: рассуждение о свойствах уравнений 2 степени.

Из Геометрии по Фусу: из части II-й, с I-го отделения, с IV главы: о линиях пропорциональных и о подобии фигур, до § 345-го 2-й главы. II-го отделения, и из 2 главы о взаимном положении плоскостей и проч.

Из Физики Гиляровского прошли с I-го отделения: об общих свойствах тел, до отделения III-го и из оного: о газах до § 169.

Из Механики по руководству, изданному для народных училищ, прошли с 1 главы: о движении до II статьи о блоке.

По классу Логики, Риторики и Славянского языка.

Прошли кратко Логику и Славянскую грамматику, из Риторики: до хрии. Занимались сочинением периодов, басен и анекдотов.

Старш[ий] учит[ель] Гавр. ШАПОШНИКОВ.

По классу Истории и Географии.

Из Всеобщей истории по изданной в пользу народных училищ: историю Швеции, Англии, Франции. Сверх сего из Географии была пройдена вся Африка и Америка и занимались повторением древней истории.

Старший учитель Степан ЗНАМЕНСКИЙ

По классу Естественной истории.

Из Зоологии по Блуменбаху общие рассуждения о телах естественных, органических, о животных млекопитающих, роды и виды млекопитающих по всем отделениям новейшей Блуменбаховой системы.

Из Минералогии по Ориктогнозии Фишера, общее понятие о сей науке и разделение оной на части, терминологию, системы минералов, земель и камней, роды и виды земель и камней трёх первых отделений. Цирконной, кремнистой, глинистой. Терминологию и виды минералов объяснял по штуфам минералогического кабинета гимназии.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

По классу Латинского языка.

По Грамматике Кошанского пройден весь Синтаксис и занимались переводами с Латинского на Российский и обратно.

Старший учитель Латинского языка
Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Французского языка.

По Грамматике Ломонда пройдена вся Этимология до Синтаксиса и занимались диктовкой, анализом и переводами.

По классу Немецкого языка.

Прошли из Синтаксиса по Грамматике Шумахера до V главы и занимались переводами.

По классу Рисования.

Рисуют с голов, полуфигур, фигур, исторических эстампов карандашом, тушью и красками.

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ.

В 4 классе.

По классу Закона Божия.

Пройдено то же, что и в 3 классе.

Священник Димитрий ЖМАКИН.

По классу Математики.

Из Алгебры по Фусу прошли из части I-й, с III-го отделения с VII главы: о разрешении полных уравнений 2 степени, до главы VIII, IV отделения: о прогрессиях геометрических.

Из Геометрии по Фусу: из части II-й, отделения II-го, со II-й главы: о взаимном положении плоскостей до главы VI-й, III-й части, где говорится о дальнейших исследованиях тригонометрических формул.

Из Физики: с IV отделения: о воде, до света из отделения V-го.

Из Механики: с главы II-й о силах, до IV главы: о машинах сложных.

По классу Логики, Риторики и Славянского языка.

Прошли кратко Логику, Риторику и Славянскую грамматику и занимались сочинением лёгких пиес.

Стар|ший| учит|ель| Г. ШАПОШНИКОВ.

По классу Истории и Географии.

Из Российской статистики по руководству Зябловского: определение, разделение и происхождение статистики. О величине, пределах, племенах и числе жителей России, о народонаселении, качестве почвы, климате и о водах и их сообщении, о произведениях из трёх царств природы, о рукоделиях, фабриках и торговле. Сверх сего повторяли Всеобщую и Российскую Историю, Всеобщую и Российскую Географию.

Старший учитель Степан ЗНАМЕНСКИЙ.

По классу Естественной истории.

Из Зоологии по Блуменбаху, общее рассуждение о птицах, роды и виды птиц по всем отделениям Блуменбаховой системы, общие рассуждения и системы: земноводных, рыб, насекомых и червей. Объяснял новейшие улучшения в сей науке и системе известнейших животных, млекопитающих, птиц и всех других статей по сочинению Фишера. Zoognosia, tabulis Synopticis illustrata. о млекопитающих преимущественно по Mammalogia, on description des espéces de Mammiferes, par Desmarest.

Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, начиная с глинистых камней, прошли роды и виды остальных классов земель и камней, солей, горючих тел и металлов.

Из Ботаники по Вильденову, общее понятие о ботанике, о разделении прозябаемых на естественные семейства, о сушении трав о частях растений произращение (de partibus vegetationis) и плодотворении (fructificationis).

О ботанических системах: половой, линеевой, естественных Турнефорта и Жюсье. О практическом употреблении терминологии и половой системы. Занимал учеников практически: объяснял части растений и давал понятие о пензенской флоре, зимою по сушёным растениям, а летом по растущим на ботанических прогулках, где особенно упражнял их в приискивании прозябаемых по Персонову изданию. Species plantarum занимались сушением трав, объяснял способ составления флоры и заготовлял материалы для пензенской флоры.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

По классу Латинского языка.

Занимались повторением Синтаксиса и переводами с Российского на Латинский и обратно.

Старший учитель Латинского языка
Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Французского языка.

По грамматике Ломонда окончена вся грамматика, сверх сего занимались диктовкою, анализом и переводами.

По классу Немецкого языка.

Занимались переводами и повторением всей грамматики.

По классу Рисования.

Рисуют с фигур, исторических эстампов, карандашом и тушью.

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ.

Директор Григорий ПРОТОПОПОВ[1].

* * *

Ведомость публикуется полностью. Заголовок подлинника. В ведомости отсутствуют оценки успехов учеников по отдельным предметам, сводная же отметка успеваемости Белинского тройка (3) при четырёхбалльной системе вполне удовлетворительная. Между тем, Белинский остался в III классе на второй год. При наличии указанной отметки нет никаких оснований говорить о том, что Белинский был оставлен на второй год «за неуспешность» или потому, что имел «неудовлетворительные отметки по многим предметам», как указывают биографы. Причина заключалась в другом. Как рассказывает Д. П. Иванов в своих воспоминаниях, в это время у Белинского созрело решение расстаться с гимназией, не оканчивая её, и поступить в университет, что по возрасту, по совершенно определившимся интересам в области словесности, по умению самостоятельно работать было для него вполне возможно. Надеясь осуществить это решение, Белинский счёл для себя ненужным переходные экзамены в 4-й класс, так как для поступления в университет требовался не гимназический диплом, а сдача особых вступительных экзаменов.

У Д. П. Иванова читаем: «Белинский в конце учебного 1827—1828 года стал реже посещать заведение, не держал, помнится мне, годичного экзамена на переход в 4-й класс, надеясь в августе ехать в Москву, но надежда эта не осуществилась, он должен был возвратиться после вакационного времени в Пензу и продолжать учение в том же 3-м классе, как не державший экзамены и получивший неудовлетворительные отметки по многим предметам» (Письма, III, стр. 423). Относительно последних слов Иванова можно утверждать на основании архивных документов, что они не соответствовали действительности. В I-м полугодии плохая отметка была у Белинского только по математике и, вероятно, по закону божьему, во II-м же полугодии отметки были лучше, так как сводная оценка была 3, а не 2, как в первую часть года. Отметим зарегистрированное в ведомости, вполне соответствующее объяснению Иванова, большое число пропущенных Белинским уроков во втором полугодии. Им пропущено 120

---

[1] Фонд 81 дирекции народных училищ, дело 18, листы 9—22

уроков, тогда как у других учеников его класса пропусков от 9 до 59—не более. Белинский пропустил ровно половину всех занятий II полугодия (уроков было всего 239), и, несмотря на это, он имел вполне удовлетворительную оценку своей успеваемости.

ВЕДОМОСТЬ О УСПЕХАХ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА МЕСЯЦ НОЯБРЬ 1828 ГОДА[1]

№	Имена и прозвания учеников	Успехи каждого ученика из всех предметов	Сколько всех классов каждый ученик был в месяц	Сколько раз каждый ученик в течение месяца не был в классах	Поведение учеников в классах
	3 класса				
35	Пётр Ларионов . . .	3	48	—	4
36	Пётр Казицын . . .	4	48	—	4
37	Павел Попов . .	2	48	—	4
38	Алексан. Надеждин .	3	48	—	4
39	Михаил Попов-2 . . .	4	48	—	4
40	Михаил Борщёв . . .	3	48	—	4
41	Дмитр. Алексеев .	2	48	—	4
42	Виссар. Белынский .	3	48	—	4
43	Констан. Гвоздев . .	3	48	—	4
44	Никол. Карижин .	3	40	По болезни	4
45	Иван Курышев . . .	3	48	—	4
46	Михаил Попов . . .	3	48	—	4
47	Конст. Максимов . .	4	48	—	4
48	Дмитрий Иванов .	3	48	—	4
49	Григорий Бабынин .	2	48	—	4
50	Михаил Полежаев .	3	48	—	4
51	Василий Гаврилов .	3	47	1	4
52	Евгений Миловзоров	3	48	—	4
53	Пётр Слепцов	3	48	—	4

Учебные предметы и что из оных пройдено.

Из Алгебры по Фусу пройдено с § 329 до неопределённых уравнений, т. е. до § 337, из Геометрии по той же книге с § 209 до § 218.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

---

[1] Фонд 58, дело 6, листы 319—322.

Заголовок подлинника. Ведомость публикуется лишь в части, относящейся к III классу, в котором учился Белинский.

Ведомость имеет только сводную оценку успеваемости учеников.

Отметка Белинского была вполне удовлетворительная и посещаемость уроков также вполне нормальная. Ведомость подписана новым директором гимназии Гр. Протопоповым, который занял также должность преподавателя математики. Новое руководство в гимназии частично по личным качествам директора, частично в связи с общим направлением школьного руководства в эпоху растущего реакционного режима николаевского царствования, могло лишь способствовать решению Белинского расстаться как можно скорее с гимназической скамьёй.

По классу Российской словесности.

Из Риторики пройдено: о правильности слога, о ясности и определённости слога, о порядке мыслей и о единстве. Занимались переводами с Славянск[ого] языка на Русский и сочиняли хрии.

Старший учитель Гавриил ШАПОШНИКОВ

Из Всеобщей истории о Французском королевстве с Франциска I до республиканского правления в оном. Потом о древнем состоянии Швеции до Густава Вазы.

Из Всеоб[щей] географии вся Африка.

Старший учитель Истории и Географии
Степан ЗНАМЕНСКИЙ.

По классу Естественной истории:

Из Зоологии по Блуменбаху, общее рассуждение о млекопитающих животных и разделении их по исправленной Блюменбаховой системе.

Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, о физических и химических признаках ископаемых.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

По классу Латинского языка:

Из Синтаксиса пройдено о дательном падеже и занимались переводами с Российского на Латинский и обратно.

Старший учитель Латинского языка
Н. ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Немецкого языка:

Из Синтаксиса читают IV главу о упражнении глаголов, переводят с Немецкого на Российский и наоборот с прозаических сочинений.

Учитель Немецкого языка Александр ЗОММЕР.

По классу Французского языка.

Из грам[матики] учат спряжение глаголов, занимаются переводами с Франц[узского] на Рос[сийский], также с Рос[сийского] на Фран[цузский], состоящих из кра[тких] примеров.

Исправляющий должность учителя
Французского языка Александр ЛОМБАР.

Ученики 3 и 4 классов из того же Катехизиса прошли IV, V, VI, VII, VIII до таинств. По церковной Гибнеровой

истории от Иоанна Крестителя, вступившего в своё звание, до истории плевел сельных повторяли с истории потопа до Иосифа, проданного братьями своими.

Законоучитель Пензенского кафедрального собора
священник Димитрий ЖМАКИН.

По классу Рисовального искусства.

В 3-м классе рисуют с полуфигур, фигур и пейзажей, карандашом и тушью.

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ.

Директор Григорий ПРОТОПОПОВ.

ВЕДОМОСТЬ О УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА МЕСЯЦ ДЕКАБРЬ 1828 ГОДА[1]

	Имена и прозвания учеников	Успехи каждого ученика из всех предметов	Сколько всех классов каждый ученик был в месяц	Сколько раз каждый ученик в течение месяца не был в классах	Поведение учеников в классах.
	3-го класса				
35	Пётр Казицын	4	40	—	4
36	Павел Попов	4	40	—	4
37	Алексан[др] Надеждин .	2	40	—	4
38	Пётр Ларионов	3	30	10 по бол[езни]	4
39	Михаил Попов-2	в	ы б	ы л	
40	Михаил Борщёв	2	40	—	4
41	Дмитр[ий] Алексеев .	2	40	—	4
42	Виссар[ион] Белынский	3	30	10 по лености	4

[1] Фонд 58, дело 6, листы 307—310. Заголовок подлинника. Ведомость публикуется лишь в части, относящейся к III-му классу, в котором учился Белинский. За последний месяц пребывания Белинского в гимназии он имеет сводную отметку по успехам 3 и указание на пропуск 10 уроков «по лености». Очевидно, Белинский, решив после каникул не возвращаться в гимназию, опять стал небрежно посещать занятия, что и вызвало указанную запись в ведомости.

Разница в написании фамилий и имён учеников в разных ведомостях объясняется тем, что общего журнала по каждому классу не существовало, а каждый учитель составлял свою ведомость. Тем же объясняется и разница в написании фамилий авторов учебников.

	Имена и прозвания учеников	Успехи каждого ученика из всех предметов	Сколько всех классов каждый ученик был в месяц	Сколько раз каждый ученик в течение месяца не был в классах	Поведение учеников в классах
43	Конст[антин] Гвоздев	2	30	10 по болезни	4
44	Никол[ай] Карижин . .	3	20	20 по лености	4
45	Иван Курышев	3	40	—	4
46	Михаил Попов	3	30	10 по болезни	4
47	Констан[тин] Максимов	2	40		4
48	Дмитр[ий] Иванов . .	3	40	—	4
49	Григорий Бабынин . .	2	40	—	4
50	Михаил Полежаев . . .	4	40	—	4
51	Василий Гаврилов . . .	3	40	—	4
52	Евгений Миловзоров .	2	40	—	4
53	Пётр Слепцов .	4	40	—	4

Учебные предметы и что из оных пройдено.

Из Алгебры по Фусу пройдено с неопределённых уравнений, т. е. с § 329 до уравнений второстепенных, т. е. до § 343, из Геометрии по той же книге с § 218 до § 227.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

По классу Естественной истории.

Из Зоологии по Блуменбаху, разделение млекопитающих животных по исправленной Блюменбаховой системе и занимались повторением пройденного в первую половину академического года. Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера, о пользе ориктогнозии, разделении ископаемых на классы, а первого из сих на отделения, также занимаются повторением.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

Ученики III и IV классов также занимались повторением с начала богопознания откровенного до VIII члена символа веры.

Из истории церковной с сотворения мира до исхода израильтян из Египта—и с истории рождества христова до истории Петра апостола, ходившего по морю.

Законоучитель соборный священник
Димитрий ЖМАКИН.

По классу Росс[ийской] словесности кончена общая Риторика. Ученики упражняемы были сочинением хрий и небольших рассказов, также занимались переводами с Славянского языка на Российский.

С[тарший] у[читель] Г. ШАПОШНИКОВ.

Из В[сеобщей] истории о древнем состоянии Швеции до Густава Вазы.

Из В[сеобщей] географии занимались повторением всей Азии и Африки.

С[тарший] у[читель] ЗНАМЕНСКИЙ.

Пройдено из синтаксиса о винительном падеже и занимались переводами с Российского на Латинский и обратно.

Старший учитель Латинского языка
Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По 3 и 4 классах занимались повторением пройденного из Синтаксиса и переводили с Немецкого на Российский и обратно.

Учитель Немецкого языка А. ЗОММЕР.

По классу Росс[ийской] словесности кончены: общая Риторика и Пиитика, ученики сочиняли хрии, описания и переводили с Славянского на Российский язык.

С[тарший] у[читель] ШАПОШНИКОВ.

Из Р[оссийской] статистики по руководству Зябловского, историческое обозрение горных промыслов. Сверх сего занимались повторением Р[оссийской] истории.

По классу Французского языка грамматика пройдена с начала до конца, из Синтаксиса до глагола. Ученики занимаемы были переводами с Французского языка на Российский и обратно.

ЛОМБАР.

Директор Григорий ПРОТОПОПОВ.

ВЕДОМОСТЬ ОБ УСПЕХАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ ЗА 1-ю ПОЛОВИНУ 1828—1829 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА. [1]

№№	Имена и фамилии учеников	Имена родителей и состояние их.	Возраст учеников	Год, месяц и число поступления в школу	Поведение учеников	Способности учеников	Сколько раз преподавалось учение во время школьного течения	Сколько раз ученик во время преподаваемого учения		Сколько раз было учение во время школы его хождения	Сколько раз ученик с начала прихода его в школу	
								Не был	Поздно приходил		Не был	Поздно приходил
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	1-го класса											
1	Василий Хишев	Мещан[ин] Степ[ан]	13	1827 Ав[густа] 1	4	3	224	20 по бол.	—	204	20 по бол.	—
2	Алексей Андреев	Майор Игнатий	12	—	4	4	—	—	—	224	—	—
3	Гавриил Павлюков	Капит[ан] лейтен[ант] Леонтий	11	—	4	3	.	—	—	224	—	—
4	Иван Зедлер	Доктор Михаил	14	1828 Ав[густа] 1	4	4	.	—	—	224	—	—
5	Конст[антин] Великопольский	Тит[улярный] сов[етник] Василий	13	—	4	4	.	—	—	224	—	—
6	Николай Диотроптов	Тит[улярный] сов[етник] Яков	12	—	4	4	.	—	—	224	—	—
7	Исай Веденяпин	Из дворян	15	—	4	2	.	10 по вол[е] родит.	20	214	10 по вол[е] родит.	20

[1] Фонд 58, дело 6, листы 324—337.

Заголовок подлинника. Ведомость публикуется полностью. Ранее ведомость была опубликована Зеленецким в «Историческом очерке Пензенской I гимназии». Пенза, 1889, стр. 201—223.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
8	Дмитр[ий] Попков	Отпущ[енник] Иван	13	—	4	4	»	—	—	224	—	—
9	Автоном Данилов	Тит[улярный] сов[етник] Иван	13	—	4	4	»	10 по бол.	—	214	10 по бол.	—
10	Михаил Колпашников	Купец 1-й гильдии Андрей	12		4	4	»	—	—	224	—	—
11	Алексан[др] Колпашников	»	14	—	4	4	»	—	—	224	—	—
12	Яков Курышев	Тит[улярный] совет[ник] Иван	13	—	4	3	»	—	—	224	—	—
13	Василий Бабынин	Мещан[ин] Никол[ай]	15	—	4	3	»	20 по бол.	—	2[illegible]4	20 по бол.	—
14	Николай Смолин	Отпущен[ник]	14	—	4	3	224	—	—	224	—	—
15	Яков Неудачен	Купец Михаил	14	—	4	3	»	—	—	224	—	—
16	Михаил Соболев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	13	—	4	2	»	—	—	224	—	—
17	Фёдор Поляков	Канцел[ярист] Василий	12	—	4	3	»	24 по бол.	—	2 0	24 по бол	—
18	Фёдор Буслаев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	12	—	4	3	»	10 по бол.	—	214	10 по бол.	—
19	Николай Черкаев	Тит[улярный] сов[етник] Василий	12	—	4	3	»	—	—	224	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
20	Паве[л] Иванов	Поручик Илья Иванов	12	—	4	2	„	24 по во-л[е] ро-дит.	—	200	24 по во-л[е] ро дит.	—
21	Едуар Ягн	Штаб лекарь Иван	12	—	4	4	„	—	—	224	—	—
22	Иван Горчаков	Тит[улярный] совет-[ник] Фёдор	14	—	4	2	„	—	50	224	—	50
23	Пётр Горчаков	Тит[улярный] сов[етник] Фёдор	13	—	4	2	„	—	50	224	—	50
24	Михаил Душютин	Мещан[ин] Яков	13	1828 Авгус-[та] 1	4	4	„	—	—	224	—	-
25	Алексан[др] Бонье	Кол[лежский] регистрат[ор] Иван	13	—	4	2	„	—	—	224	—	—
	2-го класса											
26	Дмит[рий] Гусев	Отпущ[енник] Фёдор	14	1827 Ав-[густа] 1	4	4	224	—	—	224	—	—
27	Николай Павлюков	Кап[итан] лейт[енант] Леонтий	13	—	4	4	„	—	—	224	—	—
28	Ардалион Федосеев	Тит[улярный] совет-[ник] Григор[ий]	14	—	4	4	„	14 по бол.	5	210	14 по бол.	5
29	Николай Ишутин	Купец Алексей	14	—	4	4	„	10 по во-л[е] ро-дит.	10	214	10 по во-л[е] ро-дит.	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
30	Александ[р] Татаринов	Отпущ[енник] Алексей	14	—	4	3	»	40 по бол.	15	184	40 по бол.	15
31	Иван Шмукер	Колонист Томас	14	—	4	3	»	—	—	224	—	—
32	Фёдор Дьячков	Колл[ежский] Секр[етарь] Никита	15	1826 Ав[густа] 1	4	3	»	30 по лен[ности]	20	194	30 по лен[ности]	20
33	Пётр Матвеев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	14	1827 Ав[густа] 1	4	2	»	20 по бол.	10	204	20 по бол.	10
34	Никол[ай] Латышев	Тит[улярный] совет[ник] Михаил	15	1826 Ав[густа] 1	4	2	»	50 по лен[ности]	20	174	50 по лен[ности]	20
	3-го класса											
35	Пётр Казицын	Купец Алексан[др]	14	1826 Ав[густа] 1	4	4	224	—	—	224	—	—
36	Михаил Попов 1	Тит[улярный] сове[тник] Алекса[ндр]	14	1825 Ав[густа] 1	4	4	»	—	—	224	—	—
37	Александ[р] Надеждин	Отпущ[енник] Медведев	14	1826 Ав[густа] 1	4	3	»	—	—	224	—	—
38	Пётр Ларионов	Стат[ский] сов[етник] Сергей	15	1825 Ав[густа] 1	4	3	»	—	—	224	—	—
39	Михаил Попов 2	Тит[улярный] Сов[етник] Степан	13	1826 Ав[густа] 1	4	4	»	20 по бол.	—	204	20 по бол.	—
40	Михаил Борщёв	Кол[лежский] Секр[етарь] Иван	15	1825 Ав[густа] 1	4	3	—	—	10	224	—	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
41	Дмитр[ий] Алексеев	Воспит[анник] кол[лежского] секретаря Алек.	13	1826 Ав[густа] 1	4	3	„	—	—	224	—	—
42	Виссар[ион] Белынский	Штаб лекарь Василий [Григорий]	16	1825 Ав[густа] 1	4	4	„	30 по во л[е] родит.	20	194	30 по во л[е] родит.	20
43	Констан[тин] Гвоздев	Купец Иван	15	1826 Ав[густа] 1	4	3	„	—	20	221	—	20
44	Никол[ай] Карижин	Восп[итанник] Николая Радищева	17	1826 Ав[густа] 1	4	3	„	53 по бол.	30	189	35 по бол.	30
45	Иван Курышев	Тит[улярный] сов[етник] Иван	15	1825 Ав[густа] 1	4	3	„	—	—	224	—	—
46	Павел Попов	Тит[улярный] сов[етник] Яков	16	1824 Ав[густа] 1	4	3	„	—	—	224	—	—
47	Констан[тин] Максимов	Тит[улярный] сов[етник] Фёдор	14	1825 Ав[густа] 1	4	4	„	—	—	224	—	—
48	Дмитр[ий] Иванов	Тит[улярный] сов[етник] Пётр	14	1826 Ав[густа] 1	4	3	„	25 по лен[ности]	15	199	25 по лен[ности]	15
49	Григор[ий] Бабынин	Мещ[анин] Никол[ай]	16	„	4	2	„	—	—	224	—	—
50	Михаил Полежаев	Тит[улярный] сов[етник] Василий	14	—	4	4	„	—	—	224	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
51	Васил[ий] Гаврилов	Восп[итанник] стат[ского] совет[ника] Гаврилова	16	1824 Ав[густа] 1	4	3	„	—	—	224	—	—
52	Евгений Миловзоров	Отпущ[енник] Медведев	16	1826 Ав[густа] 1	4	3	„	—	20	224	—	20
53	Пётр Слепцов	Над[ворный] совет[ник] Николай	16	1825 Ав[густа] 1	4	4	„	10 по бол.	—	214	10 по бол.	—
	4-го класса											
54	Павел Архипов	Колл[ежский] секр[етарь] Иван	17	1825 Ав[густа] 1	4	4	224	—	—	224	—	—
55	Никол[ай] Слепцов	Подпоруч[ик] Лаврентий	17	1825 Ав[густа] 1	4	4	„	—	—	224	—	—
56	Алексан[др] Протопопов	Над[ворный] сов[етник] Григорий	17	1828 Ав[густа] 1	4	4	„	—	—	224	—	—
57	Козма Цветков	Кол[лежский] секр[етарь] Игнатий	16	1825 Ав[густа] 1	4	3	„	—	—	224	—	—
58	Григор. Попов	Тит[улярный] сове[тник] Васил[ий]	15	1825 Ав[густа] 1	4	4	„	—	—	224	—	—
59	Павел Кашаев	Мещан[ин] Никол[ай]	17	1825 Ав[густа] 1	4	3	„	10 по бол.	8	214	10 по бол.	8
60	Клавд[ий] Лебедев	Губ[ернский] секр[етарь] Никифор	16	—	4	3	„	4 по воле родит.	15	220	4 по воле родит.	15

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
61	Алек[сей] Слепцов	Подпоруч[ик] Лаврентий	18	1825 Ав[густа] 1	4	3	„	20 по бол.	10	204	20 по бол.	10
62	Семён Гвоздев	Купец Иван	17	1825 Ав[густа] 1	4	3	„	30 по бол.	20	194	30 по бол.	20
63	Иппол[ит] Коновалов	10 класса Антон	17	—	4	4	„	—	—	224	—	—
64	Степ[ан] Жалдыбин	Тит[улярный] сове[тник] Степан	17	1824 Ав[густа] 1	4	3	„	20 по лен[ности]	30	204	20 по лен[ности]	30
65	Алексей Максимов	Тит[улярный] сове[тник] Фёдор	17	1822 Ав[густа] 1	4	4	„	—	10	224	—	10

ЧЕМУ НАУЧИЛИСЬ ДЕТИ ПО ОКОНЧАНИИ ШКОЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ.

Из Платонова пространного Катехизиса: по предварительном наставлении о существенной и безусловной необходимости всякому христианину знать своё вероисповедание, преподавалось во первых учение о Боге и о доказательствах из здравого разума о бытии Божии. Прошедши всю катехизическую науку естественного богословия ученики научаемы были познавать Бога и из откровения или св[ятого] писания, где прошли до IV члена символа веры.

По церковной истории Гибнера занимались классическими уроками с истории миробытия до исхода израильтян из Египта в Месопотамию или обетованную землю.

Законоучитель кафедрального собора священник
Дмитрий ЖМАКИН.

Из Алгебры по Фусу пройдено с начала о сложении, вычитании, умножении и делении простых и сложных величин, о степенях вообще, квадратах и извлечении квадратных корней до кубов сложных величин, т. е. § 231.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

Во втором классе из Алгебры по Фусу пройдено о сложении сложных величин, т. е. с § 173 до уравнений, т. е. до § 274.

Из Геометрии по той же книге с свойств круга, т. е. с § 130 до подобия треугольников, т. е. до § 186.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

По классу Росс[ийской] словесности.

В течение I-й половины учебного года пройдено из Логики: введение в оную, о понятиях, суждениях и заключениях. Занимал учеников диктованием лёгких стихотворений, особливо басен, задавая оные учить наизусть. Из славянского языка пройдено кратко о правописании и склонении имён существительных мужеского и среднего родов, сверх сего упражняемы были письмом по славянски. Отличнейшие ученики: Попков, оба Колпашниковы, Андреев, Деетроптов, Душутин, Ягин и Данилов.

Стар[ший] учит[ель] Гавр. ШАПОШНИКОВ.

Из Всеобщей истории по изданной в пользу народных училищ 1806 года.

Предварительные понятия истории. Кратко о древних царствах Ассирийском, Вавилонском и Мидийском. Историю финикиян, карфагенян, египтян, персов и греков до Спартанской республики, где показывал первобытное их состояние, причины возвышения сих государств и упадка, разбирал характеры государей и прочих мужей славных по своим делам. Изобретения, науки художества, вера и военные действия порознь каждого народа были разбираемы.

Стар[ший] у[читель] С. ЗНАМЕНСКИЙ.

Из Всеобщей географии по изданной от департамента народного просвещения, введение в оную, вообще о Европе. Потом о Швеции с Норвегией, Дании, Великобритании, Германском союзе и Нидерландском королевствах, в каждом из сих показывал: границы, почву земли, климат, произведения, правление, веру, достопримечательные города и места по истории, военным действиям и торговле, промыслы каждого народа. Сравнивал одно государство с другим в политическом и физическом отношениях.

Стар[ший] у[читель] С. ЗНАМЕНСКИЙ.

По классу Немецкого языка.

Занимаются чтением чистописанием, учат вокабулы, разговоры на определённый член, склонением членов определённого и неопределённого и главы I и II по Грам[матике] Шумахера.

Занимаются чтением и чистописанием, учат слова и разговоры наизусть.

Исправляющий должность учите[ля]
Французского языка Александр ЛОМБАР.

В первом классе ученики занимались рисованием с лиц, голов и полуфигур карандашом. Отличные ученики по поведению и прилежанию: Данилов I-й и 2 Колпашниковы, Неудачин, Яги, Душутин и Попков.

Учитель Рисования И. ПЕТРОВ.

Второклассные ученики теми же уроками занимались, какие проходили и первоклассные по Катехизису и цер[ковной] истории.

Законоучитель священник Димитрий ЖМАКИН.

Во втором классе

По классу Немецкого языка.

По Гр[амматике] Шумахера проходят неправильные глаголы и занимаются диктовкою, разбором и переводами с Немец[кого] на Российский язык.

По классу Латинского языка:

Обучались чтению и письму, после чего преподаваема была грамматика, из которой, по руководству Грамматики Кошанского пройдено: из Этимологии: о частях речи, об имени существительном, о склонениях вообще, о 1, 2, 3, 4 и 5 склонениях. Отлично занимались в сем классе пред прочими: Эдуард Яги, Попков, Душутин, Александр и Михаил Калпашниковы, Смолин, Деотрептов, Зедлер, Поляков, Бабынин, Курышев, Данилов, Великопольский, Павлюков, Андреев, Хишев.

Старший учитель Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Российской словесности:

Из Риторики пройдено: о периодах, тропах и фигурах, занимаемы были сочинением оных и переложением стихов в прозу. Из Славянского языка пройдено правописание и склонения имён существительных и изустно переводили некоторые места из св[ященного] писания.

Отличнейшие ученики по прилежанию и благонравию: Гусев, Павлюков и Ишутин.

Ст[арший] уч[итель] ШАПОШНИКОВ.

Из Российской истории по изданной в пользу нар[одных] училищ о древних народах в России обитавших, свойстве славян и внутреннем их состоянии до призвания Рюрика. Вообще о государях до Василья II-го Дмитриевича.

Из Росс[ийской] географии: границы, произведения, воды и их сообщение. Разделение в политическом и физическом отношениях, вообще о губерниях до областей Российского государства.

Ст[арший] уч[итель] ЗНАМЕНСКИЙ.

Из Катехизиса Платонова: прошли и повторили с начала II части или откровенного учения о Боге до VIII члена символа веры.

По церковной истории Гибнера: повторив ветхозаветную историю церкви с начала мира до исхода израильтян из Египта в Месопотамию вновь прошли из новозаветной от истории р[ождества] х[ристова] до усекновения главы Иоанна господня крестителя.

Законоучитель священник Димитрий ЖМАКИН.

Из Алгебры по Фуссу пройдено с уравнений т. е. с § 274 до уравнений второй степени т. е. до § 343. Из Геометрии по той же книге с пропорциональных линий т. е. с § 178 до § 227.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

По классу Латинского языка.

Сначала повторяема была вся Этимология и пройдено из Синтаксиса: о родах имён существительных, о падежах вообще, о некоторых союзах, о сочинении местоимений: qui, quae, quodo вопросительных частицах и об именах городов, о сочинении винительного с неопределённым, о сравнительной и превосходной степени. Сверх сего занимались переводами с Российского на Латинский и обратно. Отлично пред прочими занимались в сем классе: Гусев, Николай Павлюков, Ишутин, Шмукер и Федосеев.

Старший учитель Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Росс[ийской] словесности.

Пройдена общая Риторика вся. Занимаемы были сочинением хрий, рассказов и периодов также переложением стихов в прозу и переводили с Славянского языка на Российский. Отличнейшие ученики по прилежанию и поведению: Белынский, Максимов, Слепцов, Павел Попов, Попов 2-й и Казицын.

Ст[арший] уч[итель] ШАПОШНИКОВ.

Из Всеобщей истории о Французском королевстве и Шведском до Густава Вазы, где было пройдено о крестовых походах подробно, начало и следствия оных, о реформации, произведённой Лютером.

Из Всеобщей географии вся Азия и Африка.

Стар[ший] уч[итель] ЗНАМЕНСКИЙ.

Из Зоологии по Блуменбаху общие рассуждения: о предмете Естественной истории и разделении тел естественных, об орудных телах, о животных, о млекопитающих и разделении их по новейшей Блюменбаховой системе.

Из Минералогии, по Ориктогнозии Фишера общие понятия о сей науке и разделение оной на части, историю минералогии, терминологию оной, в которой рассматривали: наружные, физические и химические признаки минераллов, наружные признаки объяснял по ископаемым минералогического кабинета гимназии. Разделение ископаемых на классы а первого из оных (земли и камни) на отделения. О пользе минералогии.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

По классу Немецкого языка.

Из Синтаксиса читают IV главу о управлении глагола и употреблении оного, переводят с Немецкого на Российский и с Российского на Немецкий.

По классу Латинского языка.

Пройдено из Синтаксиса то же, что и во втором классе и сверх сего: об именительном, родительном, дательном и винительном падежах. Занимались переводами с Российского на Латинский и обратно. (Отлично занимались в сем классе пред прочими: Константин Максимов, Николай Карижин, Михаил Попов 2, Александр Надеждин и Пётр Казицын).

Старший учитель Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

Из Грамматики пройдено: глаголы до составления времён, занимаются переводами с Французского на Российский, разбором частей речи и словесным переводом с Российского на Французский.

Исправляющий должность учителя
Французского языка Александр ЛОМБАР.

Во 2-м и 3-м классе ученики занимались рисованием с голов, полуфигур, фигур и пейзажей, карандашом, тушью и некоторые красками, отличные ученики по прилежанию и поведению были: Никол. Павлюков, Татаринов, Казицын, Надеждин, Ларионов, Полежаев, Пётр Слепцов и Гаврилов.

Учит[ель] Рис[ования] И. ПЕТРОВ.

Четвероклассные ученики теми же занимались уроками, какие проходили и ученики третьего класса.

Законоучитель соборный священник
Димитрий ЖМАКИН.

Из Штереометрии по Фуссу пройдено с начала до § 436.

Из Физики по Шрадеру со света или оптики, т. е. с § 191 до § 285.

За учителя Григорий ПРОТОПОПОВ.

Ученики 2-го класса занимаемы были грамма[тикой], из коей пройдено с начала до глаголов, упражнялись переводом с Фра[нцузского] на Росси[йский], разбором частей речи.

По классу Росс[ийской] словесности.

Пройдена вся общая Риторика и Пиитика. Ученики сочиняли: описания, хрии, периоды, также занимались переложением стихов в прозу и переводами с Славянского языка на Российский. Отличнейшие ученики по прилежанию и поведению: Архипов, Николай Слепцов, Протопопов, Максимов и Коновалов.

Ст[арший] учит[ель] Г. ШАПОШНИКОВ.

Из статистики Росс[ийского] государства. История, определение, происхождение, предмет, разделение статистики и различие оной от географии. Качество земли, климат, произведение из трёх царств природы, разделение жителей по племенам, о народонаселении, хлебопашестве, лесоводстве, шелководстве и виноделии было пройдено подробно. Сверх сего учени[ки] были занимаемы повторением отечественной истории с начала до четвёртого периода.

Стар[ший] уч[итель] С. ЗНАМЕНСКИЙ.

Из Зоологии по Блуменбаху, общее рассуждение о птицах и разделение их, роды и виды птиц следующих отделений: хищные (Accipitres), легконосые (Zevirostris), дятлы (Pici), соровые (Coraces), певчие (Pastores), дворовые (Fallinae) и малокрылые (Struthiones).

При начале курса объяснял новейшие системы животных вообще и млекопитающих в особенности, по сочинению Фишера: Zoognosia tabulis synopticis illustrata, изложение же родов млекопитающих по Mammalogia, on description des espèces de Mammiferes, par Desmarest. Из минералогии, по Ориктогкозии Фишера, роды земель и камней отделений тальковые (terra magnesia), известковые......[1], стронцианные (t. strontianea) и тяжелые (t. ponderosa) потом соли горючие тела и драгоценные металлы: платина (Platinum), золото Aurum) и серебро (Argentum).

Виды ископаемых объяснял по минералогическому кабинету гимназии.

Из Ботаники по Вильденову, общие понятия о сей науке и разделение оной на части, о прозябаемых и разделении их на естественные семейства (ordines naturales) о частях растений: 1) произращения (de partibus vegetationis) корень (radix), ствол (truncus) и разные его виды, из коих

[1] Не поддаётся прочтению

стебель (caulis) рассмотрели с особенною подробностью, ветви (rami), листья (folia), подпорки (fulera) и зимовье (hybernaculum); 2) о частях плодотворения (de partibus fructificationis), цветорасположение (inflorescentia), цветок (flos) и части его: чашечку (calyx) и венчик (corolla). Части растений объяснял рисунками и по сушеным растениям. Давал понятие о Пензенской флоре по гербарию оной.

Старший учитель Естественной истории
Михаил ПОПОВ.

По классу Латинского языка.

При повторении Синтаксиса занимались переводами с Российского на Латинский и с Латинского на Российский из Цицерона: . . . . [1]. Отлично пред прочими занимались: Александр Протопопов, Павел Архипов, Николай Слепцов и Козма Цветков.

Старший учитель Николай ДМИТРИЕВСКИЙ.

По классу Французского языка.

В четвёртом классе ученики пишут синтаксис, из коего пройдено до глагола, занимаются переводами с Французского на Российский и обратно, словесным переводом, разбором частей речи и частым чтением на Французском диалекте.

Исправляющий должность учителя Французского языка Александр ЛОМБАР.

По классу Немецкого языка.

Из Синтаксиса по Гр[амматике] Шумахера занимались VI главою о порядке слов в образовании положений, переводят с Немецкого на Российский и обратно.

Учитель А. ЗОММЕР.

Четвёртого класса ученики занимаемы были рисованием с фигур, пейзажей и исторических эстампов карандашом, тушью, пером и красками, отличные ученики по поведению и успехам были: Архипов, Цветков, Кашаев, Коновалов, Жалдыбин и Алекс[ей] Максимов.

Учитель Рисования Иван ПЕТРОВ .

---

1 Текст не поддаётся прочтению.

По классу Немецкого языка.

Ученики, занимающиеся с отличною похвалою:

I класса:

1. Эдуард Ягн, 2. Николай Черкаев, 3. Александр, 4. Михаил Колпашниковы, 5. Автоном Данилов, 6. Дмитрий Попков, 7. Николай Диотроптов, 8. Василий Бабынин, 9. Константин Великопольский и 10. Михаил Душутин.

2 класса:

1. Дмитрий Гусев и 2. Николай Павлюков.

3 класса:

1. Пётр Казицын, 2. Константин Гвоздев, 3. Михаил Борщёв и 4. Василий Гаврилов.

4 класса:

1. Павел Архипов, 2. Николай Слепцов, 3. Семён Гвоздев, 4. Ипполит Коновалов.

Очень худо занимаются следующие:

Иван и Пётр Горчаковы, Исай Веденяпин, Матвеев, Латышев, Дьячков, Карижин, Белынский и Максимов 4 класса. Все прочие оказывают успехи, некоторые порядочные и иные хорошие.

Учитель А. ЗОММЕР.

Директор Григорий ПРОТОПОПОВ.

* * *

Сводная ведомость за последние месяцы пребывания Белинского в гимназии даёт сведения о новом гимназическом приёме 1828 г. (1 класс), социальный состав которого не отличается от предшествующих годов: дети мелких чиновников по преимуществу, купцов, мещан и двух бывших крепостных «отпущенников». Поступили также сыновья двух коллег Г. Н. Белынского, врачей-немцев: доктора Зедлера и штаб лекаря Ягна. Класс, в который попал Белинский, оставшись на второй год в третьем классе, состоял из мальчиков на два-три года моложе его. Среди них был его двоюродный племянник и друг Дмитрий Иванов. Только Николай Карижин, воспитанник Николая Александровича Радищева, был с

ним одного возраста, т. е. имел 17 лет. Отметим, что в декабре Н. Карижин, так же, как и Белинский, пропустили 10 уроков по «лености». Из других товарищей его по классу отметим двух гимназистов—Александра Надеждина и Евгения Миловзорова, отцом которых показан отпущенник Медведев. Не был ли он фиктивным отцом этих мальчиков и не были ли они «незаконнорожденными» детьми его бывшего помещика Медведева. Отметим ещё двух «воспитанников» в этом классе среди товарищей Белинского: Дмитрия Алексеева—«воспитанника» коллежского секретаря Алексеева и Василия Гаврилова — «воспитанника» статского советника Гаврилова. Мы обращаем внимание на этих воспитанников в связи с темой первого литературного произведения Белинского «Дмитрий Калинин», где «незаконнорожденный» сын является «воспитанником» своего отца и получает благодаря ему хорошее образование.

В ведомости за 1 полугодие 1828—1829 академического года даны сводные оценки не успехам учеников, а их способностям. Слово «успехи» в графе 7 зачёркнуто и написано «способности».

Белинский имел высшую оценку способностей (4) и такую же оценку поведения.

Надо ещё отметить, что в обзоре пройденного по русской словесности учитель Шапошников среди перечня «отличнейших учеников по прилежанию и поведению» в III классе первым назвал Белинского, а учитель немецкого языка Зоммер поместил его в перечне «очень худо» занимающихся. Так как в сохранившихся месячных ведомостях по немецкому языку за 1826—1827 годы Белинский нигде не числится, то мы предполагаем, что он в эти годы не учился немецкому языку. Не начал ли он учение в 1828 г.?

Что касается посещаемости, то из 224 уроков, бывших за полугодие, он, не учившийся языкам и рисованию, должен был иметь 194 урока, из них он 30 пропустил и 20 раз опоздал. Причиной пропуска указана уже не леность, а «воля родителей». Если 10 пропущенных уроков падают на декабрь, а ноябрь он посещал без пропусков, то остальные 20 уроков не пропустил ли он в августе, может быть, опоздав к началу учебного года «по воле родителей»? Может быть, он надеялся все-таки уехать в Москву в университет и затянул возвращение в гимназию. Многочисленные опоздания говорят о его небрежном отношении к гимназическому учению. В своих воспоминаниях Д. П. Иванов пишет, что учение Белинского продолжалось в 1828—1829 академическом году около пяти месяцев: «К рождеству он уехал в Чембар и не возвращался

уже в гимназию, заявления о своём выходе из неё он не давал: никаких документов получать ему было не нужно, и вот почему в январе 1829 года в гимназических ведомостях о нём было отмечено, что за нехождением в класс не рекомендуется, а в феврале того же года он был вычеркнут из списков с отметкою: за нехождение в класс». (Письма, III, стр. 423—424).

Действительно, в сохранившихся в архиве январских и февральских ведомостях мы находим эти пометки.

IV

ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

ПИСЬМО Г. Н. БЕЛЫНСКОМУ ИЗ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА О ЕГО СОГЛАСИИ БЫТЬ ВОСПРИЕМНИКОМ В. Г. БЕЛИНСКОГО. 1811 г.[1]

«Милостивый государь мой!

Его императорское высочество государь цесаревич и великий князь Константин Павлович по письму вашему от 31-го минувшего майя на восприятие от купели новорожденного сына вашего Вис[с]ариона, изволил изъявить своё согласие и приказал мне вас о сем уведомить с тем, чтобы на место его высочества при святом крещении избрали кого заблагорассудите.

Исполняя сим волю его императорского высочества имею честь быть с истинным к вам почтением, милостивый государь мой.

Вашим покорнейшим слугою

Иван ЛАГОДА

№ 315.

Июня 9 дня 1811 года.

ЕГО БЛАГОРОДИЮ 7-го ГРЕБ[НОГО] ЭКИПАЖА Г[ОСПОДИНУ] ЛЕКАРЮ БЕЛЫНСКОМУ».

* * *

Документ подписан адъютантом великого князя Константина Павловича Иваном Григорьевичем Лагодой. Письмо датировано 9 июня: именно в этот день было совершено крещение Виссариона Белинского и, следовательно, сообщения о согласии великого князя Г. Н. Белынский не дождался. Вис-

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, лист 14.

«Дело о дворянстве детей покойного коллежского ассесора Григория Никифоровича Белынского, коллежского регистратора Константина, Виссариона, Никанора, Александры, жены и дочери Виссариона Белынских».

Опубликовано без обращения и заключительных слов в статье А. Архангельского «Об утверждении В. Г. Белинского в дворянском достоинстве». (Русская старина, 1899, кн. IV, стр. 201).

сариона крестил сослуживец его отца—штаб лекарь Гаврила Эллерс и жена лекаря Василия Кухтерева—Мария Фёдоровна. Имя великого князя Константина Павловича в метрическую книгу внесено не было. Иван Лагода ссылается на письмо В. Г. Белинского от 31 мая, чем подтверждается неточность записи в метрической книге Александро-Невской церкви Свеаборгской крепости, где дата рождения В. Г. Белинского обозначена так: «Тысяча восемьсот одиннадцатого года, июня, первого числа». Известно, что сам В. Г. Белинский считал днём своего рождения 30 мая.

Письмо Лагоды долго служило Белинскому вместо метрического свидетельства о рождении и крещении, которого у него не было и которое он не знал откуда получить. В качестве замены метрики он представил этот документ в Пензенское дворянское собрание при ходатайстве о включении в дворянское сословие. Об этом документе В. Г. Белинский сообщал в письме к брату Константину в июне 1838 года (Письма, т. I, стр. 188) и в письме к Д. П. Иванову в ноябре 1842 года (Письма, т. II, стр. 314),

ВЫПИСКА ИЗ ИСПОВЕДНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ О СЕМЬЕ Г. Н. БЕЛЫНСКОГО ЗА 1818—1829 Г.Г. ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ДВОРЯНСКОМУ ДЕПУТАТСКОМУ СОБРАНИЮ.[1]

28 февраля 1847 г. № 1296.

«На отношение оного собрания от 22 февраля сего года за № 243 Пензенская духовная консистория имеет честь уведомить, что по исповедным ведомостям города Чембара Николаевской церкви за 1818 год показаны: Штаб лекарь Григорий Никифоров 28, жена его Марья Иванова 26-ти, дети Висилион 6 и Константин 5 лет, за 1819-й—штаб лекарь Григорий Никифоров 29, жена его Марья Иванова 27, дети Висилион 7, Константин 6 и Марья 3 лет. За 1820 Титулярный советник Григорий Никифоров 32, жена его Марья Иванова 30, дети Висилион 8, Константин 7 и Марья 4-х лет. За 1821 титулярный советник Григорий Никифоров 33, жена его Марья Иванова 31, дети Василий [вместо Висилиона] 9, Константин 8 и Марья 5 лет. За 1822 год титулярный советник Григорий Никифоров 34, жена его Марья Иванова 32, дети Висилион 10, Константин 9, Марья 5 и Никанор году. За 1823 титулярный советник Григорий Никифоров 36, жена его Марья Иванова 34, дети Висилион 11, Константин 10, Марья 6 и Никанор 2-х лет. За 1824 титулярный советник Григорий Никифоров 35, жена его Марья Иванова 33-х, дети Висилион 11, Константин 10, Марья 6 и Никанор 2-х лет.

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, листы 38, 39.

За 1825 титулярный советник Григорий Никифоров 36, жена его Марья Иванова 34, дети Висилион 12, Константин 11, Марья 7 и Никанор 3 лет. За 1826 титулярный советник Григорий Никифоров 36, жена его Марья Иванова 34, дети Висилион 12, Константин 11, Марья 7 и Никанор 3 лет. За 1827 титулярный советник Григорий Никифоров 37, жена его Марья Иванова 37, дети Висарион 14, Константин 13, Александра 12, Никанор 6 лет. За 1828 титулярный советник Григорий Никифоров 40, жена его Марья Иванова 38, дети Висарион 15, Константин 14, Александра 1[?] и Никанор 7 лет. За 1829 год титулярный советник Григорий Никифоров 41, жена его Марья Иванова 40, дети Висарион 17, Константин 15, Александра 16 и Никанор 8 лет.

За все сии годы фамилии Белынского не показано».

* * *

Когда департамент герольдии сената отказал В. Г. Белинскому в утверждении его в дворянстве, за неимением метрического свидетельства, удостоверяющего его законное происхождение от Г. Н. Белынского, поверенный В. Г. Белинского Н. П. Иванов в прошении, поданном в Пензенское депутатское собрание 16 декабря 1845 года, указал, что доказательством вместо метрики может служить регистрация В. Г. Белинского, как сына своего отца, «по духовным исповедным росписям по Николаевской города Чембара приходской церкви».

Н. П. Иванов уехал к этому времени в Енисейскую губернию. Дело задержалось. Вернувшийся из Сибири Н. П. Иванов сам навёл справки в книгах Николаевской церкви и обнаружил записи о Г. Н. Белынском с семьёй ежегодно, с 1818 года по 1829 г. Причина недоразумения в консистории заключалась в том, что в исповедных ведомостях нигде не указана фамилия Белынского, а только имя и отчество, а вместо «штаб лекарь» почти всюду стоит «титулярный советник». После указаний, сделанных Н. П. Ивановым, и нового запроса депутатского собрания консистория прислала небрежно составленный, публикуемый документ, с допущением целого ряда искажений, в том числе имени Виссариона (Висилион).

СВИДЕТЕЛЬСТВО, ДАННОЕ В. Г. БЕЛИНСКОМУ ЧЕМБАРСКИМИ ДВОРЯНАМИ.[1]

1829-го года августа 10 дня мы нижеподписавшиеся Пензенской губернии города Чембара и уезда оного благо-

---

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, лист 17.

Свидетельство написано на гербовой бумаге двухрублёвого достоинства. Подписи, заменённые многоточием, неразборчивы. Текст свиде-

родные дворяне сим свидетельствуем в том, что здешнего уездного штаб лекаря Григорья Никифорова Белынского, продолжавшего служение в звании лекаря 29 августа 1810, а штаб лекаря 2 сентября 1816-го, сын Виссарион действительно рождённый от него прошлого 1811 года мая 30 числа, который нигде в службе ещё не находился и определён не был, а ныне ему от роду 19-й год, в чем удостоверяя подписуемся.

Чембарский уездный предводитель и кавалер МОСОЛОВ.

Городничий майор ХОЛОПОВ.

Уездный судья порутчик и кавалер МОСОЛОВ.

Дворянский заседатель . . .

Дворянский заседатель МАЧИНСКИЙ.

Чембарский уездный стряпчий титулярный советник Акиньфий ВАСИЛЬЕВ.

Подполковник и кавалер Кондратий ЖИЛИНСКИЙ.

Губернский секретарь Евгений НОРОВ.

Гвардии прапорщик Степан ВЛАДЫКИН.

Надворный советник Никон ЩЕТИНИН.

Чембарского земского суда дворянский заседатель КРЫМСКИЙ.

Титулярный советник Иван ПОСПЕЛОВ.

Чембарского земского суда секретарь титулярный советник Пётр Петров сын ИВАНОВ.

Чембарского уездного суда секретарь титулярный советник Игнатий Семёнов сын СЕМЕНОВ.

Подпорутчик и кавалер Матвей ПУШКАРЕВ.

Губернский секретарь Иван СОКОЛЬСКИЙ.

Губернский секретарь Пётр МАЧИНСКИЙ.

Губернский секретарь Василий ПАТРИКЕЕВ.

Коллежский секретарь Павел . . .

Губернский секретарь Фёдор АГРИНСКИЙ.

Титулярный советник Тимофей ГОРОХОВСКИЙ.

Губернский секретарь Никифор Борисов сын ЩЕГЛОВ.

Коллежский регистратор Василий ГРИГОРЬЕВ сын СЕМЕНОВ.

Титулярный советник Яков Алексеев сын МУХИН.

тельства был полностью напечатан В. Якушкиным в «Русской старине» (1900, кн. 4—8, стр. 416) и Н. Волковым в «Памятной книжке Константиновского межевого института за 1901—1902 г.г.» (М., 1902, стр. 117).

В обеих публикациях текст воспроизведён по копии, находившейся в архиве Константиновского межевого института в деле В. Г. Белинского, бывшего учителем института в 1838 году. Подписи, неразборчивые в оригинале, Якушкиным и Волковым по копии опубликованы: 1-я Суряев, 2-я Ангриц (Якушкин), Анфенц (Волков). В публикации Якушкина есть пропуск и другие неточности.

1829-го года августа 30-го дня сие свидетельство Пензенской губернии Чембарского уезда у предводительских дел явлено и в книгу под № 44-м записано.

За предводителя уездный судья поручик
и кавалер Пётр МОСОЛОВ.

(печать Чембарского уездного суда)

Протоколист Павел ЦЫПРОВСКИЙ.

ДОВЕРЕННОСТЬ, ДАННАЯ В. Г. БЕЛИНСКИМ Н. П. ИВАНОВУ НА ВЕДЕНИЕ ИМ ДЕЛА О ДВОРЯНСТВЕ. 1843 г.[1]

Милостивый государь Николай Петрович!

Родитель мой, Григорий Никифорович Белынский, продолжая служение уездным лекарем Пензенской губернии в городе Чембаре, за выслугу узаконенных лет произведён в чин коллежского ассесора со старшинством 1826 года сентября 30 числа и не прерывая служения скончался 1835 года июля 3-го числа, оставя после себя детей: меня, братьев Константина, Никанора и сестру Александру, из которых первый по представленным в Пензенское дворянское депутатское собрание доказательствам получил на право дворянства из оного 1837 года генваря 30 грамоту, а я ещё в дворянскую родословную книгу не внесён и на потомственное дворянство грамоты не имею, почему и на службе нигде не состою, то прилагая при сем в подлиннике отношение на имя отца моего, состоявшегося прежде лекарем 7 учебного экипажа от 9 июня 1811 года за № 315 о изъявлении согласия на восприятие меня от купели его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Константина Павловича и засвидетельствованную копию с формулярного списка о службе покойного родителя моего, прошу вас, милостивый государь, представить оные в Пензенское дворянское депутатское собрание и просить о внесении меня в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии, о выдаче мне с протокола копии и на потомственное дворянство грамоты, в принятии коих расписаться и доставить ко мне, причём,

---

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, листы 12, 13.

Доверенность написана на гербовой бумаге двухрублёвого достоинства. Рукою В. Г. Белинского написаны слова: «Не служащий дворянин Виссарион Григорьев сын Белинский».

Ниже этого заверительная надпись, сделанная 12 августа 1843 года по 5 книге за № 150 департаментом Московской гражданской палаты, удостоверяющая подписью чиновников и печатью подлинность подписи В. Г. Белинского, а также то, что документ дан отставному штабс-капитану Николаю Петровичу Иванову. Была напечатана без обращения А. Архангельским в статье: «Об утверждении В. Г. Белинского в дворянском достоинстве» (Русская старина. 1899 г., кн. IV).

если надобно будет по сему предмету ходатайство и по другим местам, то подавайте и в оные от имени моего за вашим рукоприкладством разного наименования бумаги. Во всём том я вам верю и что по сему учините впредь спорить и прекословить не буду.

Не служащий дворянин Виссарион Григорьев сын БЕЛИНСКИЙ.

1843 года августа 12 дня 1 департамент Московской гражданской палаты, по силе т[ома] 10. Зак. граж. суд. 1842 года ст. 1998-й, свидетельствует, что сие верющее письмо подписано подлинно рукою не служащего дворянина Виссариона, Григорьева сына, Белынского и дано отставному штабс капитану Николаю Петрову Иванову.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО. 1843 г.[1]

По указу его императорского величества от С.-Петербургской духовной консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической 1843 года книге церкви строительного училища путей сообщения под № 9 показано: не служащий дворянин Виссарион Григорьев Белынский православного исповедания 1-м браком 32 лет с девицей Марьею Васильевою Орловою, дочерью священника города Москвы Клинской округи села Городищ церкви Одигитрии пресвятые богородицы Василья Васильева Орлова, 1 браком 30 лет повенчаны 12 ноября 1843 года, поручителями были по женихе корпуса горных инженеров майор Павел Викентьев сын Верхобицкий, надворный советник Александр Александров сын Комаров и корпуса путей сообщения инженер полковник Языков, по невесте коллежский секретарь Николай Николаев сын Тютчев и титулярный советник Александр Яковлев сын Пульшуский.

КОПИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РОЖДЕНИИ У В. Г. БЕЛИНСКОГО ДОЧЕРИ ОЛЬГИ. 1845 г. № 341.[2]

По указу его императорского величества от С.-Петербургской духовной консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической 1845 года книге Симеоновской, что в Моховой улице, церкви под № 77 показано у дворянина

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, лист 78.

На верхнем поле пометка: «копия».

Под публикуемым текстом дата копии—27 января 1850 года и перечисление подписей чиновников консистории. Имя и фамилия Белинского искажены, искажена и фамилия П. В. Вержбицкого.

[2] Фонд 196, опись 2, дело 111, лист 79.

На верхнем поле пометка: «копия». Под публикуемым текстом дата копии—27 января 1850 г. и перечисление подписей чиновников консистории. Фамилия Белинского записана «Белынский».

Виссариона Григорьева Белынского и законной жены его Марьи Васильевой обоих православного исповедания и 1-го брака дочь Ольга родилась 13, а крещёна 23 числа июня 1845 года. Восприемниками были коменданта Петропавловской крепости секретарь титулярный советник Иван Ильин Маслов и бывшая классная дама Московского александровского института девица Агриппина Васильева Орлова.

РАСПИСКА В. Г. БЕЛИНСКОГО В ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕЩЕНИЯ ОТ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ И ПЕНЗЕНСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ.[1]

1848 года, января 30 дня, я, нижеподписавшийся дал сию подписку полиции каретной части в том, что присланное из первого департамента управы благочиния предписание за № 1736 и приложенное из Пензенского дворянского депутатского собрания от 9 декабря прошлого 1847 года за № 1347, мне объявлено, в чём и подписуюсь сын коллежского ассесора Григорья Никифорова Белинского Виссарион Григорьев Белинский.

* * *

В августе 1829 года Белинский выехал в Москву для поступления в университет, не имея на руках ни метрики, ни вида на жительство, что очень усложнило первые дни его пребывания в Москве и препятствовало поступлению в университет. В первых письмах из Москвы к родителям (см. Письма, т. I, стр. 1—2) он неоднократно жаловался на отсутствие свидетельства. «Бога самого ради прошу вас: пришлите, как наивозможно скорее свидетельство. Я без него погиб»—писал он 1 сентября. Свидетельство было составлено 10 августа, вероятно, ещё до отъезда Белинского из Чембара, но почему-то «явлено и в книгу записано» только 30 августа, т. е. после отъезда Белинского и тотчас послано ему в Москву. 11-го сентября Белинский его получил, 12-го подал прошение в университет, 19-го держал экзамен и был принят. Свидетельство, выданное чембарскими дворянами, долго служило В. Г. Белинскому, как документ, удостоверяющий его происхождение.

Лица, подписавшиеся под документом, составляли почти весь круг дворян и чиновников, проживавших в Чембаре в эти годы. Среди них мы отметим Степана Михайловича Владыкина и Петра Петровича Иванова, родственников Белынских, друзей Г. Н. Белынского уездного судью П. Мосолова и секретаря суда И. Семёнова. Протоколист, скрепив-

[1] Фонд 196, опись 2, дело 111, лист 61.

Весь текст документа и подпись—автограф В. Г. Белинского. Ниже его подписи расписка: «принял надзиратель» (подпись неразборчива). Опубликовано А. Архангельским. (Русская старина, 1899 г., кн. IV, стр. 203).

ший подписью документ, Павел Цыпровский, был отцом первой учительницы В. Г. Белинского.

Штабс капитан Николай Петрович Иванов, которому В. Г. Белинский доверял ведение дела о дворянстве, был старшим сыном Ф. С. Ивановой, двоюродной сестры В. Г. Белинского.

Вопрос о получении дворянской грамоты встал остро для В. Г. Белинского в 1838 г., когда он поступил учителем в Константиновский межевой институт. В июне этого года он писал брату: «Покуда я вольнонаёмным и ещё не утверждён. Надо выхлопотать грамоту. Для этого пришли мне не медля следующее: 1. копию с формулярного списка покойного отца, 2. бумагу, которою е. и. в. Константин Павлович изъявил своё согласие на восприемничество, 3. копию с твоей грамоты». Последнего К. Г. Белинский никак не мог сделать, так как в выдаче ему грамоты было отказано в департаменте герольдии из-за отсутствия метрики.

Между тем В. Г. Белинский этого, очевидно, не знал, так как в 1843 году в публикуемом документе ссылался на то, что Константин получил на право дворянства грамоту 30 января 1837 года.

Белинский не был утверждён штатным учителем в межевом институте и не мог никуда поступить на службу без дворянской грамоты. В 1839 году он собрал нужные бумаги для её получения, при чём хлопоты хотел взять на себя Д. К. Исаев, брат жены К. Г. Белинского. В этом же 1839 году Исаев умер, и Белинский обратился к Н. П. Иванову с просьбой помочь ему в хлопотах. (См. Письма, т. II, стр. 314). Многочисленные члены семьи Ивановых продолжали жить в Пензенской губернии (в Керенске, Чембаре, Пензе), и отношения с ними у Белинского были лучше, чем с родным братом Константином.

Дело о дворянстве В. Г. Белинского в Пензенском дворянском депутатском собрании началось лишь с осени 1843 года, когда хлопоты взял в свои руки Н. П. Иванов. Он представил в дворянское собрание ряд документов, о которых мы узнаём из описи бумаг, относящихся к ходатайству В. Г. Белинского и находящихся в общем деле «О дворянстве детей покойного коллежского ассесора Г. Н. Белынского (фонд 196, опись 2, дело 111, лист 11). Публикуем здесь эту опись:

1. Прошение г. Белынского, поданное в сие собрание 22 ноября 1843 года, 2 полулиста.

2. Доверенность, данная г. Белынским отставному штабс-капитану Иванову 1843 года августа 12 дня, 2 полулиста.

3. Отношение от чиновника Ивана Лагоды лекарю Белынскому, 2 полулиста.

4. Формулярный список о службе Чембарского уездного врача, коллежского асессора Григорья Белынского, 2 полулиста.

5. Свидетельство от дворян Чембарского уезда, 2 полулиста.

6. Показания губернского секретаря Константина Григорьева Белынского, 2 полулиста.

7. Экстракт,—6 полулистов.

8. Копия с определения сего собрания о внесении Белынского 23 декабря 1843; 8 полулистов.

Первый из названных в описи документов, прошение В. Г. Белинского, поданное в дворянское депутатское собрание 22 ноября 1843 года, в настоящее время отсутствует. По «Экстракту», значащемуся в описи под № 7, находим краткое изложение прошения. В нём были перечислены те же факты, что и в письме на имя Н. П. Иванова, упомянуты представленные свидетельства от чембарских дворян и брата и объяснено отсутствие метрики. В. Г. Белинский, как говорится в Экстракте: «нужным считает объяснить, что метрического свидетельства о рождении его, он не может представить потому, что так как он рождён от отца его во время нахождения его в походах на службе во флоте, а потому ему и неизвестно откуда получить оное» (фонд 196, опись 2, дело 111, листы 19, 20).

Второй, третий и пятый документы по «Описи» публикуются в этом сборнике.

Четвёртый документ — копия формулярного списка Г. Н. Белынского. Шестой документ — показание К. Г. Белинского, выданное им по просьбе Н. П. Иванова 12 ноября 1843 г. в удостоверение того, что Виссарион его родной брат и рождён законно от своих родителей. Седьмой — экстракт вкратце излагает содержание шести предшествующих документов. Наконец, восьмой документ содержит определение Пензенского дворянского депутатского собрания «внесть

его Виссариона Белынского в ту же часть родословной книги, в которой внесён брат его Константин Белынский, о чём и выдать ему Виссариону с сего определения, на случай поступления его на службу копию, а по силе 1485 статьи того же IX тома и дворянскую грамоту, и о исполнении сего подлинное дело о Белынском с копиею сего заключения представить на благорассмотрение правительствующего сената и герольдии» (ф. 196, оп. 2, дело 111, лист 26).

В. Г. Белинский как раз осенью 1843 года особенно нетерпеливо ожидал получения дворянской грамоты, необходимой ему в связи с женитьбою. Узнав о пересылке дела в герольдию на утверждение, он пришёл в отчаяние: «Что это за герольдия, где она—на небесах или в Америке, когда поступит в неё моё дело, что мне тут делать — ничего не знаю, хоть зарежь»—писал он Д. П. Иванову 12 апреля 1844 года (Письма, т. III, стр. 82). Так как Белинский решительно отказался искать протекции у влиятельных лиц, как ему предлагал Д. П. Иванов (см. то же письмо), то и дело его о дворянской грамоте кончилось неудачей. 30 сентября 1844 г. состоялось постановление в герольдии и дан указ Пензенскому дворянскому собранию, что «Валериан Былинский» не может быть утверждён в дворянстве, так как не представил установленного метрического свидетельства.

После этого отказа В. Г. Белинский начал поиски своего места рождения и крещения для получения метрики. Эти его хлопоты не нашли отражения в его Пензенском «Деле о дворянстве». В Пензенском деле находим ряд бумаг, поданных в 1845 и 1848 годах Н. П. Ивановым, который сделал попытку заменить отсутствующую метрику В. Г. Белинского справкою из исповедных книг Чембарской Николаевской церкви за 1818—1829 г.г. Однако хлопоты Н. П. Иванова оказались излишними, так как в 1847 году В. Г. Белинский получил подлинную метрику и представил её в герольдию.

Отметим, что «Дело о дворянстве детей покойного коллежского ассесора Г. Н. Белынского» Пензенского дворянского депутатского собрания было предметом изучения А. Архангельским, который в статье «Об утверждении В. Г. Белинского в дворянском достоинстве» (Русская старина, 1899, кн. IV) изложил ряд документов и привёл много цитат из них, не публикуя полностью. Но в 1899 году в «Деле» отсутствовало прошение В. Г. Белинского от 22 ноября 1843 г., и Архангельский так же дал только его пересказ по экстракту.

При утверждении В. Г. Белинского в дворянстве в 1847 году не были внесены в соответствующие документы его

РАСПИСКА В. Г. БЕЛИНСКОГО В ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕЩЕНИЯ ОТ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ И ПЕНЗЕНСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ.[1]

1848 года января 30 дня, я, нижеподписавшийся дал сию подписку полиции каретной части в том, что присланное из первого Департамента Управы Благочиния предписание за № 1736 и приложенное из Пензенского Дворянского Депутатского Собрания от 9 Декабря прошлого 1847 года за № 1317 мне объявлено, в чём и подписуюсь сын Коллежского Ассесора Григория Никифорова Белинского Виссарион Григорьев Белинский.

---

[1] Хранится в Пензенском областном архиве.

жена и дочь. Поэтому после смерти мужа М. В. Белинская начала вновь хлопоты и просила Н. П. Иванова быть её «доверителем». 24 сентября 1849 года Н. П. Иванов подал прошение о внесении в дворянскую книгу вдовы В. Г. Белинского и его дочери. Постановление Пензенского дворянского депутатского собрания о внесении состоялось 12 января 1850 года. Для утверждения в герольдии требовалось представление метрических свидетельств о браке В. Г. Белинского и о рождении у него дочери. М. В. Белинская представила в департамент герольдии две подлинные метрики о своём браке и о рождении дочери Ольги (см. статью Рудакова «Архивные разыскания о рождении Белинского». Истор. вестник, 1911 г., май). Копии этих метрик выписывал Н. П. Иванов в Пензу, где они и были внесены в общее дело о дворянстве Белынских. Свидетели, присутствовавшие при бракосочетании Белинских и вписанные в метрическое свидетельство А. А. Комаров, П. В. Вержбицкий и Н. Н. Тютчев принадлежали к числу близких приятелей Белинского в эти годы, о сочувствии которых к его браку не раз упоминал он в письмах к невесте (см. Письма, т. III, стр. 10—56).

Инженер-полковник Языков Пётр Александрович был братом М. А. Языкова, старого приятеля Белинского. П. А. Языков был инспектором института Путей сообщения, в церкви которого венчались Белинские. Он помог В. Г. Белинскому преодолеть некоторые формальные препятствия, которые вставали при бракосочетании в связи с отсутствием у Белинского нужных документов. (см. Письма, т. III, стр. 45 и 345).

Крестным отцом Ольги Белинской был И. И. Маслов, близкий и давний знакомый В. Г. Белинского, Некрасова и их друзей, крестной матерью—А. В. Орлова, сестра М. В. Белинской, жившая с нею вместе в Москве в Александровском институте, переехавшая после замужества сестры в Петербург и поселившаяся у Белинских.

Расписка В. Г. Белинского является последним звеном в длиннейшей бумажной волоките, которая имела место при исходатайствовании В. Г. Белинским дворянского звания. В 1844 году Белинскому было отказано в герольдии из-за отсутствия метрического свидетельства. Летом 1845 г. Белинский, узнав, что местом его рождения и крещения является Свеаборг, обратился к обер-священнику армии и флота, протоиерею Кутневичу, с просьбой о выдаче ему метрики. Однако вследствие небрежной записи в метрической книге (Бельский вместо Белынский) потребовалось два года, чтобы установить наличие описки, исправить её и выдать, наконец, метрическое свидетельство В. Г. Белинскому (см. Рудаков:

«Архивные разыскания о рождении Белинского», Истор. вестник, 1911 г., май). Последний представил его непосредственно в департамент герольдии сената и определением 3 июля 1847 года был утверждён в потомственном дворянстве.

26 июля департамент герольдии утвердил определение Пензенского дворянского собрания от 23 декабря 1843 года и указом 21 августа 1847 года сообщил об этом в Пензу. Извещение о состоявшемся утверждении его от Пензенского дворянского депутатского собрания через полицейского надзирателя каретной части Белинскому было вручено 30 января 1848 года, в чём он и дал расписку.

V.

ДОКУМЕНТЫ О ПРОВЕДЕНИИ 50-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО В ПЕНЗЕ

ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ПЕНЗЕНСКОЙ 1-й ГИМНАЗИИ ПОПЕЧИТЕЛЮ ХАРЬКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА С ПРОСЬБОЙ О РАЗРЕШЕНИИ ОТПРАЗДНОВАТЬ 50-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ БЕЛИНСКОГО.

28 МАРТА 1897 Г. № 324.[1]

В будущем 1898 году 26 мая исполнится 50 лет со дня смерти известного писателя Виссариона Григорьевича Белинского, сочинения которого имели громадное воспитательное значение не только на предшествующие поколения, но не утратили такового значения и в настоящее время. Так как Белинский учился и окончил курс в Пензенской губернской гимназии, и так как воздание должной чести бывшему воспитаннику имеет воспитательное значение для учащейся молодёжи, то педагогический совет от 19 ноября 1892 года постановил ходатайствовать пред вашим превосходительством о разрешении: 1. Отпраздновать 50-летие со дня смерти Белинского панихидой и литературными чтениями, 2. поставить портрет в актовом зале гимназии и 3. в случае возможности поставить чугунную статую в сквере против гимназии на частные пожертвования. По этому имею честь ходатайствовать пред вашим превосходительством об утверждении вышеозначенного постановления педагогического совета.

---

[1] Фонд 58, дело 232, лист 1.

ОТВЕТ ПОПЕЧИТЕЛЯ ХАРЬКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА ДИРЕКТОРУ ПЕНЗЕНСКОЙ 1-й ГИМНАЗИИ НА ПРОСЬБУ О ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО 7 МАЯ 1898 г. № 3270. [1]

Ходатайство вашего высокоблагородия 28-го марта 1897 года за № 324 о разрешении отпраздновать в Пензенской 1-й гимназии 50-летие со дня смерти писателя В. Г. Белинского мною было представлено на благоусмотрение министерства народного просвещения.

Вследствие сего и по соглашению с обер-прокурором святейшего синода и министром внутренних дел, г. управляющий министерством народного просвещения уведомил меня, от 18-го апреля сего года за № 10247, что панихида по Белинском, на которую предполагается собрать всех воспитанников гимназии, имела бы вид некоторой демонстрации, едва ли согласной с высочайшим повелением 10-го октября 1883 г[ода] о том, чтобы в учебных заведениях всех ведомств панихиды по лицам, не принадлежавшим по своей деятельности к составу этих заведений, допускались не иначе, как с особого разрешения подлежащих высших начальств, а поэтому его превосходительство г. управляющий министерством полагал бы, *согласно с мнением статс-секретаря Победоносцева* предположение это отклонить. Затем ничто *не препятствует* тем из членов педагогического совета Пензенской 1-й гимназии, кои пожелали бы особливо воспомянуть в молитве Белинского, просить об отслужении для них панихиды в гимназической или иной церкви, не во время учебных занятий.

Равным образом к постановке чугунной статуи писателя Белинского в сквере против Пензенской 1-й гимназии, с соблюдением установленных на то порядка и правил и портрета Белинского в актовом зале гимназии препятствий не встречаются.

Что же касается ходатайства педагогического совета упомянутой гимназии об устройстве литературных чтений о Белинском, то разрешение означенных чтений должно быть поставлено в зависимость от их характера, при чём в случае, если таковые будут публичные, то разрешение будет зависеть от соглашения окружного учебного начальства с местным губернатором. При этом разумеется должно быть обращено внимание на то, чтобы в цензурном отношении чтения эти вполне отвечали существующим правилам. Если же эти литературные чтения предположено устроить в здании гимназии и исключительно для старших классов воспитанников учебных заведений, без участия посторонней

---

[1] Фонд 58, дело 232, листы 3—4.

публики, то к разрешению последних препятствий со стороны г. управляющего министерством народного просвещения не встречается, но с тем, чтобы при этом направление литературной деятельности Белинского было освещено не только с положительной, но и с отрицательной стороны. Об этом имею честь уведомить ваше высокородие впоследствии помянутого представления вашего за № 324.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ЗАПРЕЩЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ ХАРЬКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ В ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО 7 МАЯ 1898 г. № 53.[1]

Г. управляющий министерством народного просвещения уведомил меня, от 30 апреля сего года за № 109, что принятие учащимся в учебных заведениях г. Пензы официального участия в предполагаемом 26 и 27 мая сего года торжественном чествовании памяти В. Г. Белинского и панихида по оном не должно быть разрешаемо. Об этом имею честь уведомить ваше высокородие, в дополнение к предложению моему от (...) мая сего года за № (...)

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОГО ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА ПЕРЦОВА О ПРОГРАММЕ ПРОВЕДЕНИЯ 50 ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО.

10 АПРЕЛЯ 1898 ГОДА. № 403.[2]

По представленному ходатайству Пензенской городской думы о разрешении чествования, по выработанной ею программе, памяти писателя В. Г. Белинского по случаю исполняющегося 26-го мая сего года 50-летия со дня его смерти и постановки ему памятника, г[осподин] министр внутренних дел 28-го минувшего марта за № 5777 сообщил мне следующее:

«Из постановления городской думы видно, что предположенный памятник В. Г. Белинскому ещё не изготовлен, думою не представлено сметы на сооружение памятника и потому не известно, какой потребуется на этот предмет расход, а в постановлении не выяснено имеется ли в наличности необходимая для покрытия сего расхода сумма и из какого источника она получена, или только предназначена к поступлению. Представленный думою проэкт памятника по рассмотрении его в Техническо-строительном комитете, передан в императорскую академию художеств, но будет ли ею одобрен и удостоится ли затем высочайшего утверждения—предвидеть невозможно. При таком положении дела,

---

[1] Фонд 58, дело 232, лист 5. В скобках пропуски в подлиннике.
[2] Фонд 109, опись 1, дело 481, листы 39—41.

включение в программу торжеств закладки фундамента, или самого открытия памятника чествуемому писателю, оказывается преждевременным.

Равным образом, так как чествование памяти Белинского устраивается по почину Пензенского городского общества, то оно не должно носить характера торжества всероссийского, а потому предположенное по программе приглашение к участию в торжествах представителей от императорских университетов, императорской академии наук, литературных и учёных обществ, представляется неуместным.

Что касается, наконец, выраженного в постановлении городской думы ходатайства о разрешении учредить в г[ороде] Пензе музей имени Белинского, то вопрос о сем может быть подвергнут рассмотрению не ранее, как по представлении думою проекта устава, или положения о музее и назначения средств для его содержания».

Ввиду изложенного предположенное чествование памяти писателя Белинского городом Пензою г[осподин] министр внутренних дел признаёт возможным разрешить только под условием изменения городскою думою выработанной ею программы празднеств соответственно вышеизложенным указаниям и с тем, чтобы вновь составленная программа была предварительно представлена на его рассмотрение

О таком отзыве г[осподина] министра внутренних дел сообщаю вам вследствие представления от 4-го февраля сего года за № 1344.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

СТАТЬИ

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ.

Редактор З. Гусева

Техн. редактор К. Григорьев
Корректоры А. Мурашова, Е. Алмазова
Обложка худож. Валукина

Подписано к печати 14. V. 1948 г.
ФЛ04132. Заказ 160. Объем 16 1/4 п. л. + 9 вклеек
Тираж 10.000

Типография Пензенского областного издательства
Пенза, ул. Кирова, 65.

—85 коп.

8 р. 50 к.